

В. Н. ШУТОВ

21 ВЕК: ЧТО НАС ЖДЕТ?

Историческая футурология

2700 2900 2800

2500 2600

2300 2400

2200

2100
2000
1971

1825 1945 1977
1613 1789 1776 1762

1266 1405 1261 980 1640 1453
69 395 879 823 1237 1157 1054

1149

В. Н. Шутов

21

Историческая
футурология

ВЕК:

ЧТО НАС ЖДЕТ?

МОСКВА

ИИЦ
2003

УДК 008.2
ББК 60
Ш 97

Шутов В. Н.

Ш97 21 век: Что нас ждет? / Историческая футурология. – М.: Ижица, 2003. – 192 с.

ISBN 5-94837-017-8

В работе представлен социологический анализ истории прошедшего тысячелетия, на основании которого автор делает вывод о существовании ряда хронологических закономерностей в жизни социальных организмов регионального уровня. На базе этих закономерностей с учетом ожидаемых явлений общепланетарного масштаба составлен прогноз исторического развития на 21-й век.

УДК 008.2
ББК 60

Научно-популярное издание

21 ВЕК: ЧТО НАС ЖДЕТ?

Шутов Владимир Николаевич

Макет обложки: О. Хди
Корректор: Р. Взорова
Верстка: В. Талагаева
Технический редактор: В. Талагаева

Сдано в набор 17.04.03. Подписано в печать 30.06.03. Формат 60x88 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 2000 экз. Заказ 2379

Издательство "Ижица". 127411, Москва, Дмитровское ш., 110.

Телефон/факс (095) 485-52-63. E-mail: aristov@ijiza.azz.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП "ПИК ВИНТИ". 140010, г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403

ISBN 5-94837-017-8

© В.Н. Шутов, 2003.
© "Ижица", оформление, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ	
Региональный подход к историческим явлениям	8
Определяющие регионы в начале тысячелетия	11
Осторожная социологическая оценка библейского наследия	16
Анализ использования простейших чисел народами планеты как иллюстрация применения комплексного подхода в истории	19
2. ИСТОРИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	
Начальная точка исторического анализа	24
1-я атака Запада. Крестовые походы	25
Основы Запада	27
Волго-Уральский регион	29
Османская империя	30
Перестройка Запада	33
Восточные нестроения. 2-я атака Запада	39
Паение Константинополя в 1453 г. Подъем Османской империи. Московия	42
Новая активизация Запада. Новый Свет. Разделение Европы. Пик Османского могущества	46
Исторический рубеж: конец 16-го – начало 17-го века	50
Исторический поворот – середина 17-го века. Конец старой Руси	53
Новый Запад. Екатерина II	57
Французская революция. Наполеон. Тайные силы	60
Возрождение Центральной Европы. Оттеснение России	67
Эпоха капитализма. Изменение региональной ситуации	70
Первая мировая война	76
Преддверие войны	76
1914 г.	78
Итоги войны	79
Период 1917–1929 гг.	83
Большевизм – эксперимент на теле России	84
Эйфория победившего капитала. Причины кризиса	99
Зарождение глобального неокapитализма	102
Фашизм как реакция континентальной Европы	103
Национально-расовая проблема человечества	108

Экономический кризис 1929 – 1933 гг. как определяющая веха в истории 20-го века	112
Вторая мировая война	115
Новая ситуация в мире. Активизация СССР и Германии.	
Причины войны	115
Начало Великой Отечественной войны – победа атлантического Запада	119
Почему был открыт второй фронт	121
Конец войны	122
Поствоенное время. Общемировые социальные изменения	123
Мировая борьба: СССР – США	128
Победа мирового неокapитализма	133
На рубеже нового тысячелетия	134

3. АНАЛИЗ ИСТОРИИ

Аксиомы анализа	136
Малые корпоративные циклы социального развития	138
Аналитическая картина прошедшего тысячелетия	140
Моноглобализм. Что нас ждет, если он победит	143
Циклы мировой истории (большие и малые)	144
Конфликтные периоды	148
Необходимость корректировки истории	150

4. ПРОГНОЗ БУДУЩЕГО

Предварительная картина 21-го века	152
Уточнение предварительной картины	153
Новое в 21-м веке	155
Региональная история 21-го века	159
Два начала социального устройства мира – тысячелетняя борьба	161
Глобальный исторический поворот	167
Разрушение моноглобализма	169
Заключение	172
Приложения	173
Перечень источников информации.....	190

Новый век, новое тысячелетие! Многие жители Земли напряженно ждут подарков судьбы, надеются на лучшее, некоторые уповают на нечто спасительное. Оправдаются ли их надежды, так ли будет, как им хочется? И вообще – что будет?

Вот тут-то и начинаются, как правило, либо легковесные мудрствования, либо "гадания на кофейной гуще". Это относится ко многим вполне здоровым современникам, не говоря уже о среднемассовой "компоненте" человечества. И сему есть обоснованные причины, вот некоторые из них:

1. 20-й век – век ряда кардинальных и быстротекущих изменений. Многие люди просто не в состоянии успевать осмысливать эти изменения, в головах большинства людей живет причудливая смесь из фрагментов старых представлений, щедро припудренных веяниями нового времени. А в современной политической какофонии простому смертному крайне трудно и подчас просто "противно" разбираться.

2. Идеология поступательного прогресса продолжает питать души людей. Создается впечатление, что существует почти однозначное движение всего человечества по некоему единому пути. Известный социолог А. Зиновьев по этому поводу даже пишет / 1 /: "Человечество вступило в эпоху, когда эволюционный процесс стал происходить в значительной степени ... не стихийно". Но тогда должны быть известны многие законы такого процесса. Но кто их знает?

3. Состояние сегодняшней официальной социологии и футурологии, в частности, оставляет желать лучшего. Сложности анализа исторического процесса, идеологические "подкраски" истины ряда событий, подчас прямое сокрытие правды, борьба школ и направлений, финансовая зависимость социологических работников от работодателей и многое другое – все это создает дополнительные трудности в этой области. Четкого прогноза будущего до сих пор нет. Крупный футуролог А.С. Панарин приводит некоторые принципы современной футурологии как науки / 2 /:

- принцип неопределенности, то есть глобальной непредсказуемости будущего;
- принцип бифуркации (достижение критического момента, после которого зависимость между прошлым и будущим теряется);
- принцип дискретности, утверждающий, что экстраполяция имеющихся исторических тенденций некорректна.

Вот почему сегодня имеют место самые различные представления о будущем.

4. Появились предсказания близкой планетарной катастрофы / 3, 4 /. Дело доходит до вполне конкретных предостережений по поводу ожидае-

мой гибели сегодняшней цивилизации (например: "Сохранившиеся цивилизации, включая западноевропейскую, обречены на исчезновение" / 1 /). Так произойдет ли гибель современной цивилизации или нет? Если да, то когда она наступит? Уверенных ответов нет.

5. Равно с этим звучат и оптимистические прогнозы. Здесь мы найдем соображения о развитии науки, которая в рамках существующих принципов организации общества якобы способна оказаться спасительным средством для всего человечества. Сюда можно отнести поиски новых источников энергии и использование фундаментально новых физических явлений. Здесь и идея Устойчивого Развития, в которой, по сути, главным элементом является утверждение о возможности кардинальной социальной подвижки, заключающейся в передаче власти в руки научно-технической аристократии. Это и призывы к ускоренному освоению космоса типа: "Вперед. Не останавливаясь, вперед. Вселенная принадлежит человеку" (см., например, доклад В.П. Сенкевича / 4 /), которые можно качественно отнести к идее перенесения части биосферы Земли в новое пространство. Здесь и создание претендующих на спасительность учений, которые должны привести людей к раю на Земле. Вот несколько выдержек из работы одного деятеля подобного рода / 5 /: "Космические законы ... единственно служат гарантией ... счастья", "Люди не понимают, что войны и раздоры – это явления чисто психологические...", " ... источник страха – это духовное и космическое невежество".

От всего этого веет либо потерей почвы под ногами, либо обшей болезнью человечества – слабым знанием действительных социальных законов, либо прозрачной аналогией с иллюзиями прогрессистов недалекого прошлого. На общем фоне неопределенности не может не существовать разногласия рецептов и идей. И все это мы имеем несмотря на то, что 20-й век оказался чрезвычайно плодотворным на великих социологов, к которым смело можно причислить целую плеяду русских ученых. Несмотря на сегодняшнее состояние России, в ней еще бродят интересные идеи и происходит действительное развитие социологии (см., например, / 1, 4, 6 /).

7. Накопилось масса вопросов и проблем, отношение к которым у различных членов общества принципиально противоположное. Вот некоторые из них:

- а так ли уж плохо, если погибнет "западная" цивилизация, может быть, об этом не стоит сожалеть в свете целого комплекса порожденных ею негативных моментов?

- идея поступательного развития человечества не является ли очередной утопией?

- существует ли радикальное средство создания социальной справедливости?

- где находится кардинальное решение проблемы власти, почему во власти нередко находятся далеко не лучшие люди, как остановить процесс загнивания власти; может быть, вообще не существует разрешения проблемы власти в неконфликтном варианте?

- исчезнет ли Россия или нет, какая она будет, если не исчезнет?

8. В сознании масс устойчиво закрепилась мысль, что честный усердный труд не дает возможности стать богатым, войти во власть, не обеспечивает высокого жизненного уровня. Это относится и к большинству талантливых людей.

На сегодняшний день мы не имеем ответа на важнейший вопрос – каковы дороги социального будущего. А ведь для того, чтобы заглянуть за

горизонт, необходимо как минимум добротнo проанализировать наше прошлое. В / 7 / неплохо сказано: "История это память, без которой нельзя усвоить знания и двигаться вперед... Но многие люди, не глядя назад, просто верят в будущее. Более того, они считают его обязательно «качественно новым, забывая, что многие кажущиеся неординарными явления истории заканчивалась чаще всего банальными социальными конструкциями и набором столь же банальных принципов взаимоотношений как внутри, так и вне этих конструкций. На ряд шекотливых проблем закрывают глаза, забывая, в частности, о том, что: "Сплетенность религиозного и национального в культуре этноса – явление общечеловеческое. Его надо воспринимать как объективную данность" / 8 /.

Итак, необходим полноценный анализ исторического багажа, который оставило нам прошедшее тысячелетие. Для анализа истории следует сформировать методологическую базу, основанную на ряде простых, но емких принципов:

- значительная историческая ретроспектива;
- комплексный подход при анализе исторических фактов;
- региональный, то есть укрупненный подход к социальным образованиям;
- одновременное рассмотрение истории сразу нескольких регионов.

Лишь после исторического анализа, определения социальных закономерностей и оценки современных условий жизни можно будет взяться за грамотный футурологический прогноз на 21-й век. Это и будет являться итоговой целью данной работы, работы, в которой осуществляется подход к будущему как к исторически обоснованному и вполне закономерному явлению, а не как к априорно непредсказуемому феномену. Писать фолианты о том, что далее наступит практически непознаваемая эпоха, значит, попусту тратить бумагу, время и внимание читателя. В такие игры мы здесь играть не будем.

1. ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ

История – это кладовая человечества. К ней оно постоянно обращается не только за объяснениями, оправданиями или даже освящениями своих поступков, но и как к памяти знания, из которого произрастает новое знание – знание о будущем. Вот как о значении истории сказал известнейший философ С.Л. Франк / 9 /: “Всякое отречение от прошлого, всякое огульное отрицание его есть зло и заблуждение”. Можно привести и более сильные слова по поводу значимости исторических знаний / 10 /: “...зов крови, самое сильное, что есть в человеке, можно заглушить. Если отнять у него историческую память и знания, накопленные предшествующими поколениями. И тогда ... приходят низменные инстинкты, ... и человеческое сообщество превращается в худший вид стада”. Если даже отвлечься от подобного рода эмоциональных высказываний и встать на сугубо материалистическую почву, тогда вывод станет еще более очевидным. Достаточно рассмотреть комплекс потребностей человека прошлого и настоящего, чтобы понять, как много в этом комплексе остается неизменным: потребности в пище, в жилище, в защите от врагов, в стремлении к улучшению жизненных условий, к занятию верхних ступеней социальной иерархии, к богатству, удовольствиям, к созданию семьи, потребность в духовном окормлении аспектов жизни и др. В большей степени в процессе исторического развития деформируются методы достижения ориентиров, чем сами эти ориентиры.

Но перекапывать абсолютно все залежи истории, по-видимому, не следует, надобно выбрать такой кусок истории и такие регионы Земли, которые в своем непрерывном развитии в большей степени связаны с будущим и хотя бы в главном наследуются им. Например, совсем не обязательно уходить в смутно-глубокое прошлое, досконально изучать историю Центральной Африки, Австралии или даже Америки до пришествия туда европейцев. Разумный аналитический взгляд позволяет сузить объем необходимой ретроспективы. Вполне можно ограничиться периодом примерно с 10-го по 20-й век и рассмотреть историю Средиземноморья, а также частей Европы, Азии и Африки, имеющих исторические выходы к Средиземноморью. Необходимо учесть некоторые данные удаленной от Европы части Азии, а также рассмотреть позднюю историю Америки, когда она стала в значительной степени переселенной Европой.

Такой выбор имеет под собой достаточные основания:

- исторические данные до 10-го века крайне скудны, о них сохранилось мало источников информации, зачастую они опутаны легендами;

- следует начать анализ с периода фундаментальной оседлости и с более или менее непрерывного периода развития цивилизации;

- многие факты и датировки даже вроде бы известного средневековья вызывают в ряде случаев определенные сомнения в своей достоверности, а нередко требуют своего уточнения и подтверждения (см. / 11, 12, 13, 14 / и др.);

- вклад более древних исторических слоев в историю будущего, по-видимому, менее значителен, чем относительно ближайшее прошлое;

- указанные части планеты явили миру наиболее сильные, как правило, доминирующие и довольно устойчивые социальные образования.

Теперь надо представить основные критерии выбора основных регионов, характерные для начала рассматриваемого периода истории – 10-го века:

- наличие базы для физического существования населения (прежде всего пропитания) с достаточно высокой плотностью, обеспечивающей хотя бы минимальное социальное объединение этого населения;

- климатические возможности для жизни населения, для расширения его ареала;

- наличие полезных ископаемых и сырья для развития производств;

- наличие существенных отличий того или иного социального объекта от других, в том числе в характере основной трудовой деятельности;

- отсутствие сильной изоляции от соседей, то есть наличие каналов для передачи информации (экономической, технической, культурной и др.);

- транспортные возможности вне и внутри социального объекта;

- военные возможности, базис военного превосходства;

- территориальные ограничения, препятствующие легкому нападению соседей;

- определенный уровень и особенности развития культуры (изобразительное и прикладное искусство, литература, архитектура и др.) – необходимое условие для создания сильного неповторимого лица социального организма.

Бросим сначала взгляд на Средиземноморье. Совсем не случайно проявились там корни развития. Средиземноморье имело в этом плане хорошие показатели:

- климат в целом благоприятен как для выращивания сельскохозяйственных культур, так и для вполне умеренной трудовой деятельности;

- имеется изрезанный ландшафт местности, приводящий к многообразию форм жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями;

- много участков суши, естественно защищенных от вторжения войск неприятеля;

- хорошие коммуникационные возможности, география Средиземноморья в этом плане вообще уникальна.

При внимательном взгляде на Средиземноморье становится понятным, что здесь могла и даже просто обязана была сформироваться цивилизационная волна. С юга Африки побережье защищено пустынями, с запада Средиземноморье прикрито Атлантическим океаном. С севера оно имеет не очень прочную, но все же естественную защиту в виде ряда горных хребтов. Со стороны востока наблюдается некоторая открытость историческим ветрам, но и эта открытость имеет массу географических перегородок. Эта открытость позволяет, в частности, рассматривать Причерноморье как зону, попадающую в сферу влияния Средиземноморья. Всем известная классическая история средневековья во многом определяется взаимодействием Средиземноморья с Центральной Европой и с Востоком. Лишь со временем, когда значительная часть Средиземноморья и Западной Европы стала выступать как единство, когда экспансия европейских стран приобрела почти мировой характер, глобальный ход истории стал определяться укрупненным взаимодействием Запад – Восток. Следует также отметить, что повышенное многообразие Средиземноморья создало столь же повышенное многоязычие Европы и в значительной степени спровоцировало силовые воздействия со стороны мощных соседних социальных образований, базирующихся на значительном равнинном ландшафте.

Таким образом, можно начинать исторический анализ, отталкиваясь от исторических данных о Средиземноморье, которых сохранилось довольно много. Его следует проводить в едином, неразрываемом на формальные части потоке времени. Анализируемый исторический период, а возможно, и более глубокие исторические пласты, следует рассматривать как процесс общего развития, а не как череду подъемов и провалов в темные века. Последнее соображение хорошо соответствует свежему взгляду на единонепрерывный исторический процесс, который стал понемногу укрепляться в общественном мнении в последнее время (см., например, / 15 /). Реальная история есть суперпозиция периодов зарождения, расцвета и упадка различных социальных организмов. Она и обеспечивает как раз почти запланированную непрерывность исторического развития, в которой тот или иной организм, но всегда кто-то несет пальму первенства социального развития. Уж по крайней мере верить во многие века беспробудного исторического сна между периодами высококультурной цивилизации – это значит опираться на довольно шаткую теоретическую позицию.

Итак, основы методологической базы для исследования исторической информации, то есть основные аналитические подходы кратко сводятся к следующему:

1. Углубленная ретроспектива (~ 1000 лет).
2. Синхронное рассмотрение событий в различных регионах Земли.
3. Региональный подход как основа анализа. Оценка объективных возможностей по созданию крупных социальных организмов регионального уровня.
4. Выбор определяющих регионов на каждом отрезке исторического времени по определенному набору критериев, характерному для конкретного времени.
5. Оценка могущества какого-либо социального организма путем сопоставления уровня его развития с уровнями развития других организмов.
6. Комплексный подход при анализе общепринятой исторической информации, оценка уровней развития социального организма в самых различных сферах деятельности. Признается за аксиому, что уровни развития различных сфер деятельности в регионах не могут значительно отличаться друг от друга – высокий уровень развития в одной сфере предполагает столь же высокий уровень в другой.
7. Пристальное внимание к процессам возвышения и упадка крупнейших социальных организмов регионального уровня. Выявление причин такого рода изменений.
8. Отказ от чрезмерной “идеологической ретуши” при освещении исторических явлений, поиск материалистических причин для их обоснования.
9. Отказ от идеи, что основной принцип экономической организации общества определяет однозначно условия бытия и могущество социальных организмов.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РЕГИОНЫ В НАЧАЛЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Рассматривая давнюю историю Средиземноморья, нельзя забывать, что в пространстве Европа-Азия-Африка были еще регионы, которые обладали набором сильных потенций в плане удовлетворения вышеперечисленных критериев. В Европе это примерно зона стыка Германии и Франции, которая географически “выходила” на Средиземноморье через юг Франции и север Италии (вот, кстати говоря, корни могущества средневековых Генуи и Венеции). Это и средостение Азии, охватывающее Персидский залив, район Каспия, ограниченное с востока Индией и стыкующееся на севере с районом Урала. Это и забытый сегодня Волго-Уральский бассейн. Примерные численные оценки стартовых возможностей этих регионов сведены для наглядности в таблицу (см. ниже, оценки – по пятибалльной шкале).

Если подвергнуть подобному анализу другие участки земной суши, то можно увидеть, что неплохими возможностями в развитии обладали следующие регионы: Северная Америка, Китай, Индия. Однако

судьбе было угодно, чтобы европейская цивилизация оказала наиболее сильное воздействие на все остальные регионы мира, в том числе и на эти три упомянутых региона.

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕГИОНОВ

<i>Возможности</i>	<i>Средиземноморье</i>	<i>Франко-Герм. регион</i>	<i>Средиземн. регион</i>	<i>Волго-Урал. регион</i>
1. База для пропитания и создания высокой плотности населения	5	4	4	4
2. Климатические возможности для развития	5	4	3+	4-
3. Наличие полезных ископаемых (железа, угля и др.)	4	5	4	3+
4. Коммуникационные данные вне и внутри региона	5-	4	3	4+
5. Базис военного могущества	4 техн. развит. торговля полезн. иск.	5 полезн. иск. техн. развит. организация	4 организация торговля полезн.иск.	4+ полезн. иск. организация техн. развит.
6. Географическая защищенность местности	4 пересеч. местность горы, моря	5- север леса моря	3 климатич. ограничения пустыни	4 север леса, горы реки
7. Степень неоднородности местности	4	2	2	3
8. Возможность образования крупных государств. систем	2	3	3	3
9. Возможность добротного автономного существования	4-	3+	4+	5
Итого	36	35	31	36

Итак, мы имеем несколько регионов Земли, которые потенциально имели большие возможности в создании стратегических феноменов цивилизации. Все остальные участки суши объективно должны были играть либо второстепенную, либо преимущественно связную роль в общемировом процессе. Поэтому многие соображения по поводу значительности цивилизаций, возникающих на иной региональной базе, нужно по крайней мере рассматривать как очень сомнительные.

Но должны быть исторические подтверждения правильности такого подхода. Они есть, и очень веские. Доказательствами здесь служат плоды цивилизации: уникальность созданной культуры, особенности или единственность религии, наличие массы письменных источников, речевая индивидуальность, относительно большое число памятников истории. Значимость этих цивилизаций подтверждается также наличием существенно отличительных свойств крупных религиозных направлений или даже отдельных религий, которые жили и продолжают жить на этих территориях. Ниже представлен перечень рассматриваемых регионов, сопоставленный с соответствующими религиозными направлениями:

1. Средиземноморье – католичество, православие, иудаизм, ... ислам;
2. Франко-Герм. регион – католичество – ... протестантизм;
3. Сердцевина Азии – зороастризм, иудаизм, ислам, ведичество;
4. Волго-Урал. бассейн – ведичество – ... православие;
5. Северная Америка – ... протестантизм, иудаизм;
6. Китай – конфуцианство, буддизм, даосизм;
7. Индия – индуизм, буддизм.

Подчеркнутые здесь религиозные конфессии являются выпестованными именно в указанных регионах, что сильнее всего доказывает их региональную значимость.

Теперь самое время остановиться на Волго-Уральском бассейне. Дело в том, что многим может показаться сомнительным признание его равноценным другим известным и наиболее изученным регионам. Можно ли его ставить в один ряд с ними? Этот вопрос был долгое время открытым, да и вообще ранее он почти не поднимался. Но сегодня появились публикации, показывающие, что необходим серьезный пересмотр наших прежних исторических воззрений (см./13 – 17 / и др.).

Стала, например, известной так называемая Аркаимская сенсация, то есть открытие в 1987 году на Урале древнего города Аркаима – центра древнерусской культуры и скорее всего родины великого вероучителя Заратустры / 13, 14 /. Установлено, что “Урал является многотысячелетней, древнейшей на Земле металлургической базой” / 13 /. Аналогично о Европе мы имеем следующую информацию /18 /: “Наиболее древние железные рудники расположены на Балканах и в Германии”. Это говорит о правильности выбора в качестве начальных определяющих регионов как Средиземноморья, Франко-Германского

региона, так и Волго-Уральского бассейна. В / 16 / написано, что "этноним болгары ... заимствован славянами из названия тюрского племени булгары". А булгары – население Поволжья. Раскрывая смысл этого слова далее, будем иметь: булгар = болгар = бол ар = большой ар. Далее четко прослеживается связь: боярин = болярин (именно так в старину величали бояр) = большой ярий = большой арин. Иногда появляются даже довольно странные вопросы / 15 /: отчего город Иерусалим в древности назывался "Руса – Лим"; что было в городе Уре и в Древней Урате, действительно ли Ригведа отражает правду своего времени; почему современные официальные историки нередко утверждают, что существует "неизвестный язык неизвестного народа, который расшифровать невозможно"? Почему так много речевых образований у многих народов Евразии с использованием звуков типа: "ар, ур, ер, яр" / 16 /? Не следствие ли это величайшего значения древней Уральской цивилизации / 17 /, которая впоследствии стала базисом волго-булгарской – монгольской (могольской) цивилизации? Кстати говоря, вблизи Урала наблюдалось и наблюдается множество названий с использованием вышеупомянутых сочетаний букв, например: "булгары, хазары, можары, мурома, ари-су, суряне, пермь, чухарь, волгарь, окарь, удмурт, мариец, меря, угры, оногуры" и др. / 16 /. Не исключено, что такие слова, как "варвар" (по-арабски – бербер), "гект-ар", "культ-ура" и многие другие, того же происхождения. Совсем не случайно специалистами признается крупнейшая языковая группа – уральская / 19 /. В / 16 / написано: "На наш взгляд, суффикс – арь в русских названиях ... обычен для русского языка". Да и многие православные нормы, обряды-празднества уходят своими корнями совсем не в византийскую традицию, а в древнеарийские верования. Фрагменты Ригведы говорят о том, что многие ритуалы ариев и условия их жизни буквально наполнены исконно русскими бытовыми элементами (см. хотя бы / 8, 20 /). В / 8 / сказано, что Веды "приблизительно такой же древности, что и ранние разделы Библии" и что (более чем интересно) Библия "по своему объему резко уступает Ведам". Можно было бы продолжить перечень цитат и умозаключений (используя, например / 14 /), но уже понятно, что и этого вполне достаточно.

Итак, необходимо наиболее пристально взглянуться в четыре основных региона: Средиземноморский, Франко-Германский, Волго-Уральский и Среднеазиатский. Их надо изучать не порознь, как это принято обычно делать, а совместно, ведь именно их взаимодействие и определило историю значительной части этого тысячелетия.

Учитывая не самые лучшие коммуникационные возможности и климатические условия, а также значительное океанское прикрытие Франко-Германского региона, можно сказать, что первоначально этот регион по отношению к Средиземноморью играл такую же варварскую роль, что и многочисленные народы с востока и юга. Средиземноморье не могло не притягивать всех. Это и транспортные артерии,

и уникальное многообразие природы, и довольно благодатные климатические условия, и многоязычие населения, и культурное развитие, и концентрация богатства. Но это же все способствовало проявлению слабости Средиземноморья, которая заключалась прежде всего в мелкочисленности, не преодоленной, кстати, до сих пор. Отсюда – ограниченные по мощи армии, не способные на долгое время воевать с силами Франко-Германского или Среднеазиатского регионов, не говоря уже об удаленном Волго-Уральском регионе. Последствия этого живут и поныне, одно из них – создание главного мирового центра не в Европе, а в Америке. Даже сравнительно близкое Приднепровье, как показывает классическая история, не было прямым вассалом средиземноморских империй. Наоборот, Приднепровские походы на Царь-град в раннем средневековье – признанный факт современных историков.

Но то, что недоставало Средиземноморью, было в других местах. Относительно более равнинный, обширный и равномерный ландшафт местности 3-х других регионов позволял им создавать крупные социальные образования, а значит, успешно вторгаться на территорию Средиземноморских стран. Вот и объяснение того, что в современной истории, как правило, все эти вторжения именовались как набеги диких племен. Вот вам и “клейма” чисто европейского происхождения: “варвары, монголы, басурманы” и др. Но тяга к Средиземноморью были подвержены все, даже слово “Средиземноморье” само говорит за себя, его вполне можно трактовать как “среди земель на море”.

А где же самое лучшее место Средиземноморья? Раскройте атлас, подумайте и вы самостоятельно безошибочно укажете это место – место Древней Византии: рядом – железные рудники и другие полезные ископаемые (в том числе медь как атрибут древнейшей цивилизации), рядом – плодородный Египет и Причерноморье, здесь идут дороги в сердце Азии, в Приднепровье (оттуда – на Волгу), в наиболее развитые части Северной Африки. Водные “тропы” в те далекие времена были самыми предпочтительными для торговли, так что расположение Царь-града было выбрано совсем не случайно. Поэтому именно здесь, в этой части Средиземноморья, должен был быть выпестован крупный очаг цивилизации.

Здесь должна была жить идея центра мира, и эта идея должна была породить множество попыток своего всеобъемлющего воплощения. Все крупнейшие достижения культуры так называемых древних цивилизаций как раз и являлись следствиями этой идеи. Здесь должен был возникнуть центр Средиземноморья в начале рассматриваемого периода времени, а совсем не в Италийском Риме, сравнительно бедном на недра, людскую численность и плодородные угодья. Уж по крайней мере у Генуи и Венеции совсем не меньше было шансов стать еще одним “Римом”, о чем и свидетельствует их огромная средневековая экономическая активность, не сравнимая с аналогич-

ной активностью Италийского Рима. Такой центр не мог возникнуть и в сельскохозяйственном Египте, лишенном богатых полезных ископаемых. Кстати говоря, последующее величие Испании как раз было связано с наличием такого рода жил, в том числе с развитием судоходства, освоением колоний, то есть с прокладкой новых "питательных" каналов.

Так что правы во многом некоторые современные авторы, говорящие, по существу, в своих работах о первенстве Византийского Рима по отношению к Италийскому. Совсем не случайно в классической истории существует мнение, что "с 4-го по 15-й века византийцы самих себя называли римлянами (ромеями) ..." / 16 /. Вдумайтесь только – это же более 1000 лет, даже если здесь есть некоторая хронологическая ошибка! Да и библейские тексты что-то чрезвычайно часто оказывались написанными на греческом языке. Современными историками признается / 8 /, что Евангелие было переведено на другие языки именно с древнегреческого (важный факт). В / 21 / со ссылкой на / 22 / дается еще более "смелое" утверждение, что самые древние из сохранившихся более или менее полных экземпляров Библии были выполнены также на греческом языке.

Небезынтересен в связи с этим тот факт, признаваемый большинством искусствоведов, что искусство древнего Италийского Рима было как бы "слепком" с древнегреческого. Всякий человек, глубоко разбирающийся в искусстве, не может не ощущать неповторимость и притягательность творений так называемых древних греков, а также Византии. Техника Византии тоже была, как говорится, на высоте, здесь можно вспомнить хотя бы о так называемом греческом огне. В книге авторитетного ученого Жака Ле Гоффа / 23 /, которого никак нельзя обвинить в не любви к Западу, сказано: "Изрядное число "средневековых изобретений" было заимствовано на Востоке". То есть эти изобретения не прошли мимо Византии. Так что именно на этот "Рим" не могли не претендовать самые различные варвары.

ОСТОРОЖНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА БИБЛЕЙСКОГО НАСЛЕДИЯ

Итак, с Византией – центром Средиземноморья – все более или менее становится понятным. В связи с этим хотелось бы сказать вот о чем. Принято считать, что Библия родилась в недрах древних малоазиатских народов, из нее родились многие мировые религии (в том числе все ветви христианства и ислама). Спору нет, очень значительные составные части культуры этих народов в ней наглядно присутствуют. Совсем не случайно и вполне резонно иудаизм чит прежде всего Пятикнижие Моисея, игнорируя более позднее "древнегреческое наследие" / 8 /. Однако всякий, внимательно читающий Библию, не может не заметить, насколько велик, насколько объемён,

разноязычен и разнонаправлен этот коллективный труд. Слово "Библия" греческого происхождения, обозначающее просто – книги. Бесспорно, что источниками для Библии послужили очень многие разновременные написанные тексты очень многих авторов, версталась она в близком к современному варианту очень долго и в больших муках (см. хотя бы / 20 /). Но тогда вполне возможно, что колоссальная по емкости Библия отражает историю, идеологию и нравственность очень многих поколений многих народов Земли.

Вышесказанное находит многочисленные подтверждения. Приведем лишь некоторые из них. Имеется колоссальное количество аналогов событий, идей, ритуалов, просто бытовых моментов, изложенных в Библии (см. / 14, 17 / и др.). В / 13 / прямо сказано: "Библейский рассказ о всемирном потопе заимствован из Двуречья – это точно установленный факт. Но и в самом Двуречье имело место заимствование..." В / 24 / утверждается, что "Вавилонские храмы ... послужили поводом к созданию легенды о построении Вавилонской башни", что первого человека в мифологии вавилонян звали по имени Адапа (= Адам), что он потерял бессмертие, что "души умерших идут в подземный мир ...", что крылатые херувимы не что иное, как вавилонские керубы, что "...культ Мардука и Иштар отразился в библейском рассказе о Мардохее и Есфири". Специалистами вообще отмечается уникальная сплетенность всех религий в единый ствол, корни которого исходят из чего-то общего / 24 /. Библейская терминология многоязычна, например, слово "аид = ад" греческого происхождения, слово "рай" – дохристианское общеславянское слово и т. п. Имена "персонажей" Библии имеют самое различное происхождение и нередко без "реставрационных огласовок" вполне читаемы на различных языках мира.

В / 21 / говорится, что все книги Ветхого Завета не имеют уверенных археологических подтверждений при поиске их в Малой Азии, что отсутствуют действительно старые названия поселений в современной Палестине (кроме перенесенных не очень давно), отвечающих Библии, что нет там многих характерных сельскохозяйственных культур и многих типичных для Библейских текстов черт цивилизации. Если вдуматься, многое именно так, сегодня Палестина – каменистая пустыня с узенькой полоской приморья, которая и является более или менее цветущей. Какая уж тут крупнейшая в древности цивилизация! В другой современной работе / 11 /, авторы которой, кстати говоря, выступают с противоположной точки зрения на многие события, излагаемые известными ныне учеными Г.В. Носовским и А.Т. Фоменко / 21 /, тоже есть сенсационные утверждения. Здесь, в частности, говорится, что Чингисханом были даны божественные законы ("ясак"), которые повторяют многие Библейские заповеди, причем первая заповедь – "любить друг друга".

Особая речь о Новом Завете – Евангелии. Он заметно отличается от Ветхого Завета, к этому выводу приходит всякий, кто глубоко и

вдумчиво прочитывает библейские тексты. Даже изучение языка, на котором писались наиболее древние тексты Евангелий, говорит в пользу такого утверждения. В / 20 / сказано, что большинство современных исследователей приходят к выводу о том, что "в целом Евангелия не представляют собой перевода с арамейского, они первоначально написаны на древнегреческом языке".

Итак, напрашиваются наиболее вероятные и не противоречащие приведенным выше рассуждениям о региональных центрах начала тысячелетия выводы:

1. Библия – труд собирательный, многовременной, содержащий религиозные, нравственные, исторические, философские и другие ценности, накопленные многими поколениями многих народов, многих цивилизаций, нередко существенно отличающихся друг от друга. С социологической точки зрения Библия должна рассматриваться как свидетельство многих народов, как ценность всего человечества.

2. Выращенные из Библии религиозные направления нельзя рассматривать как первоначально рожденные и связанные с установлением только канонических библейских текстов, почва для них была подготовлена более ранними условиями существования и сопряженными с ними более ранними религиозными учениями.

3. Евангелие есть качественно новый пласт Библии, есть продукт выращивания нового на мощной платформе древнейшего исторического багажа. Его можно рассматривать как базис Византийской цивилизации и скорее всего не только Византийской. Волго-Уральский и Среднеазиатский регионы явились в значительной степени не только подготовленной почвой, но и действительными источниками многих религиозных установлений, сохранившихся до наших дней. Реальные условия существования ряда малоазиатских племен сами по себе не могли объективно породить все богатство материала, собранного в Библии. Пожалуй, только начальные разделы Библии ближе всего отвечают духу этих племен, это прослеживается при изучении Торы / 25 /. Приморский участок суши Средиземноморского побережья Палестины располагался в районе связей Запад – Восток, так что в данном случае вполне можно вести речь о слиянии всевозможных информационных потоков, имеющих свои источники в разных регионах земли. Давайте же встанем на реальную почву.

4. Только достаточно развитая цивилизация смогла бы если не родить в припадке гениальности или откровении свыше суть идей Нового Завета, то хотя бы создать надлежащие условия для жизни этих идей. Иначе они не выжили бы на каменистой почве многих дохристианских вероучений и мирской жесткости соседствующих идеологий. Вполне возможно, что следует подумать о некоторой корректировке местоположения ряда пунктов социально мощных религиозных проявлений с легендарных на более обоснованные.

5. Библейские тексты как историко-информационный источник не противоречат рассматриваемому здесь выделению 4-х главных реги-

онов начала тысячелетия. Выделение четырех регионов Евро-Афро-Азиатской зоны в качестве главных вполне уместно. Остальные участки этой зоны с социологической точки зрения следует рассматривать как второстепенные.

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОСТЕЙШИХ ЧИСЕЛ НАРОДАМИ ПЛАНЕТЫ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИИ

Теперь вполне уместным будет сделать некоторое весьма полезное отступление, касающееся, может быть, странно звучащего здесь предмета – чисел. Дело это, как оказывается, не такое уж и простое, если учесть, что в древности число, как и буква, значило очень многое. Например, известно, что до нанесения на древнерусской иконе надписей на ее лицевой стороне икона не считалась собственно иконой, на нее нельзя было молиться. Культура живописания – письма иероглифами (словами-рисунками-знаками) – и по сей день существует в целом ряде стран Востока. Какие же числа считались раньше главными, ложились в основу счета? Десятичная система – почему она была принята в качестве основной? Какие числа считались священными, негативными и почему (вспомним, как нам до сих пор не нравится число 13)? Магия цифр, мы и по сей день в ней живем. Проведем короткий анализ, используя, вообще говоря, почти общепринятые точки зрения на этот счет.

1. Цифра 2 – это символ, указывающий часто на всевозможные различия и крайности. С другой стороны, это напоминание о симметрии. Философское значение – существование добра и зла, утверждение двуединства мира, доходящее до утверждения о равносиллии каждого из двух начал. Число 2 имеет массу природных аналогов: муж – жена, черное – белое, правое – левое, день – ночь и т.п. Два рога у быка или другого животного – культовый образ этого числа. Нездоровый смысл этого числа – признание того, что зло по силе приравнивается добру, что бог и антибожество как бы равны по мощи. Вот почему это число находит свое художественное воплощение во множестве не очень приятных рогатых образов. Но число 2 может олицетворять собой и единство материи и духа, “царства и веры”, что, например, типично как для мусульманского восприятия, так и для православного (так о “царстве Пресвитера Иоанна” нередко упоминают исторические источники / 26 /). Такое осмысление числа 2 является, вообще говоря, позитивным. Эта двойственность числа “два” (неплохой каламбур) создает определенную путаницу в головах многих людей.

2. Цифра 3 имеет наиболее выраженную природную аналогию в виде триединства – муж, жена, дитя, в котором дитя есть не просто продолжение старого, а есть рождение качественно нового. Число

три можно понимать и с более "философским" уклоном – как триединство: "Я + окружающее – Земной мир + Дух – высшее". В древнерусской традиции Единство Бога понималось как единство "Сына, единого во Отце с Духом" / 17 /. Христианская Троица есть мощнейший, духовно оформленный смысл числа 3. Число 3 заключает в себе еще один смысл – смысл непрекращающегося развития. В /17 / сказано: «Доподлинно о Боге известно лишь, что в Нем преодолена двойственность ..., он Третье, высшее относительно "первого" и "второго" ... "Я" и "мира"». В древнерусской азбуке была буква, обозначавшая триединство, это буква "есь" / 10 /.

Итак, значение-величие числа три как философского символа огромно:

- это вера в жизнь, в ее возрождение и постоянное обновление; это признание того, что высшее новорожденное преодолевает старое существующее; это признание подлинного развития как на Земле, так и выше;

- это как бы начальный момент признания соборности, когда три элемента составляют могучее и неразрывное целое (вот скорее всего подлинный смысл рублевской "Троицы", а вовсе не интерпретация не очень-то и значительного сюжета из Библии);

- это преодоление материального мира, собственных душевных поплзновений, нередко социально оформленных в виде застывших культовых законов-догм, это вера в грядущее исцеление-спасение-воскрешение силой высшего.

Еще несколько слов о числе 3. Это число имеет вполне ясный геометрический аналог. Это правильная пирамида с вершиной наверху. Здесь два нижних угла у подножия пирамиды составляют первичные элементы 1 + 1 ("мать" + "отец" или "материя" и "Я"), над которыми располагается высшее (божественная сущность). Пирамида имеет глубокий с древнейших времен известный смысл, она есть отражение иерархии мира вообще. Человеческие воплощения этой идеи – знаменитые Египетские пирамиды, курганы Причерноморья, даже пасхальные пирамидки из творожной массы, которые были так распространены и любимы православным людом.

3. Цифра 4 имеет множество природных толкований. Это и четыре стороны света, и четыре природных состояния вещества, и четыре конечности тела у многих животных. С философской точки зрения число 4 есть символ четырехмерности пространства, где 4-м измерением служит область жизни высокого духа. Совсем не случайно сильнейшим образом "четверки" стал христианский и не только христианский / 17 / крест. В мусульманском мире число 4 пользовалось также уважением. В Османской империи «число "четыре" ... имело сокровенный смысл, символизирующий четырех ангелов, которые согласно Корану поддерживают трон» / 26 /. Обобщая смысловые значения числа 4, можно прийти к выводу, что это число означает полноту, всеохватность, всераспространение, всепроницаемость, законченность во всем.

4. Цифра 5. Это число имеет прекрасный антропологический аналог – пять пальцев руки (2 руки – 10 пальцев). Это простейшие и удобнейшие счеты, которые мы всегда носим с собой. Поэтому вполне закономерно, что десятичная система исчисления стала наиболее распространённой в мире. Есть другой антропологический аналог. Число 5 символизирует человека, то есть пять основных исходящих из центра-тела его частей: две руки, две ноги, голову. В древнерусской азбуке буква “Аз” изображала духовного человека “Я”, она обозначалась пятью точками: четыре точки обозначали 2 руки и 2 ноги человека, а пятая точка символизировала его разум / 17 /. Число пять имеет всем известный образ в виде пятиконечной звезды, которая может символизировать как величие человека, так и прямо изображать светящиеся небесные тела. При таком понимании числа 5 нет ничего антибожественного. Почему же пятиконечная звезда в почтении у тайных организаций и у сатанистов? А вот почему. Если человек и все его страсти возвеличиваются сверх меры, если пятиконечная звезда – символ не просто высоты, но символ сверхвеличия человека, то это есть гордыня, следующим шагом которой может оказаться отрицание Бога.

Где могло широко распространиться использование чисел 5 и 10? Вообще говоря, везде, ведь эти числа – удобный инструмент, который всегда “под рукой”. Но наибольшее значение эти числа должны были приобрести как раз в не очень развитых цивилизациях (более “глубокие” числа являются продуктом более развитых народов), достаточно бедных в природном плане, но в которых присутствует необходимость регулярного, хотя и довольно простого счета, необходимого, например, в торговле. Можно почти безошибочно указать районы, в которых десятичная система должна была стать доминирующей. Это сравнительно малонаселенные районы с преобладающим развитием не земледелия, а скотоводства, лежащие вблизи торговых путей, прежде всего районы Малой Азии. Совсем не случайно десятичная система называется арабской.

5. Цифра 6. Эта цифра имеет существенно меньше природных аналогов, чем все рассмотренные выше. Есть несколько символов, “охватываемых” это цифрой. Наиболее распространенный – шестиконечная звезда. Звездное небо всегда имело в сознании народов мира притягательно-мистическую, тайно-непознаваемую, даже пророческую роль. Изображение шестиконечных звезд как сияющих звезд небосвода не несет никакого отрицательного смысла. Может быть придано еще одно значение числа 6. Смысл прямой пирамиды был раскрыт выше. А вот обратная пирамида – есть символ доминанты первичного (мирского = материя + “Я”) над высшим. Это “иерархия наоборот”, это состояние преобладания чисто материальной жизни общества. Соединение прямой и обратной пирамиды в единый символ можно уже понимать как символ некоего синтеза мирских и духовных основ бытия. Поскольку вершина правильной пирамиды находит-

ся несколько выше всех углов обратной пирамиды, то есть основания считать, что этот символ может отражать все же некоторое превосходство духа над материей при одновременном сильном влиянии материи. Итак, смысл этого знака заключается в большом значении материальной составляющей в жизни его приверженцев при наличии все же некоей доминирующей идеи. Могут быть приданы и другие смысловые значения этому шестиконечному знаку.

6. Цифра 7. Это число хотя и принадлежит к простым, однако по праву таковым совсем не является. Сегодня оно сохранилось, например, в виде количества дней недели или в виде часто употребляемых слов типа: "семья" = "семь Я". Казалось бы, чего проще – раз распространена десятичная система, почему бы и неделе не состоять из пяти или десяти дней (вспомним здесь о довоенных "пятидневках" в СССР). Зачем помимо числа 10 использовать еще близкое к нему число 7. Ан нет, не прижилось ничего подобное, и в этом есть определенный смысл. Число 7 по своему происхождению скорее всего связано с системой исчисления времени. Всеохватное число 4 (символ – крест) делит год на 4 равные части – четыре времени года. Отсюда, в частности, становится понятным, что крест – солнечный знак, а его последователи – "солнечные" люди. Но каждое время года надобно было еще разделить на более мелкие части. И оно было разделено на еще одно основное число – число 3. Почему на три, а не на четыре? В том числе и потому, что при делении каждого времени года на 3 части каждая из этих частей очень близко совпадает с полным лунным циклом. А лунный цикл легко далее разделяется опять на 4 части, соответствующими 4-м фазам Луны. Эти последние части и являются всем известными неделями, состоящими из 7 дней. Вот откуда более мелкое – "лунно-месячное" – исчисление времени. Итак, современное летоисчисление – это суперпозиция двух систем, построенных на "солнечном" и "лунном" принципах.

Сегодня также известно, что число 7 отражает оптимальное соотношение низовых и верховых элементов для построения здоровой социальной пирамиды на всех ее уровнях. Так, человека как сложную систему вполне можно представить состоящей из семи основных подсистем, возглавляемых более высоким управляющим центром – мозгом. Так что число семь – явно непростое число.

7. Цифра 8. Осознав смысл числа 7, можно понять и значение числа 8. Это 7 нижестоящих элементов со своим одним вышестоящим $7 + 1 = 8$, то есть это как бы законченная иерархическая ячейка общества правильной пирамиды. Но тогда это число просто обязано иметь культовое значение. И оно его имеет. Восмиконечная звезда или восьмиконечный крест – широко распространенный символ православия. И в старину восьмиугольный крест был также широко распространенным, он был, например, известен как древнеславянский "знак высшего посвящения" / 17 /.

8. Цифра 12. Цифра 12 постоянно фигурирует в нашей жизни, хотя и не имеет очевидных природных аналогий. Это символ усиления числа 3, это как бы всеохватность числа 3. Заметим также, что в основу системы исчисления дней легли не только числа 3, 4, 7 и 10, но и число 12 – число месяцев в году. Число апостолов в Евангелии тоже было 12. В древнерусских верованиях также широко фигурировало число 12. В / 17 / сказано: "... волхвы говорили о Двенадцати ключевых силах, энергиях, в которых явлен Триглав". Кстати говоря, в северной древнерусской традиции один из 12-и сил-богов не принимал Троиственного Бога, вот прекрасная аналогия с Евангельским Иудой / 17 /.

9. Цифра 13. Добавление единицы к 12-ти, то есть добавление в сгармонизированно-полное число 12 еще одного "равного" элемента, есть нарушение гармонии, есть восстание против гармонии, есть как бы инородное тело. Число 13 через века прошло как число "нечистого". До сих пор многие, даже вполне цивилизованные люди сторонятся и даже боятся этого числа.

Вот сколь много можно узнать и почувствовать, разбирая числовую символику. Но этот анализ-отступление был сделан совсем не для того, чтобы только изложить вообще-то известные смысловые значения основных чисел. Из анализа следует, в частности, что древнерусское, в том числе Волго-Уральское историческое, культурное, религиозно-философское и общецивилизационное значение-наследство очень и очень велико.

Таким образом, все вышеизложенное в целом говорит о правильном начальном выборе 4-х определяющих регионов.

2. ИСТОРИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

НАЧАЛЬНАЯ ТОЧКА ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Важнейшим центром Средиземноморья должен был стать район Византии. На разном удалении от него располагались в трех различных направлениях три других региона: Франко-Германский, Волго-Уральский, Среднеазиатский. Их взаимодействие и составило живописную картину многих исторических событий ушедшего тысячелетия. Но могло ли Средиземноморье и конкретно Византия как центрально расположенная империя устойчиво объединить и умиротворить эти три региона? История всего тысячелетия показала, что нет. Значит, этому были очень веские причины.

Для начала кратко рассмотрим ситуацию в 10-м веке как преддверие рассматриваемого тысячелетия. При анализе истории будем использовать классическую хронологию. Каролингская империя не рассыпалась полностью, она трансформировалась в два крупных образования: королевство Францию и королевство Германию. При этом Германское королевство владело почти всей Италией, только окончательностью "Италийского сапога" управляла Византия. Так что о власти Италийского Рима как центра Средиземноморья в это время можно говорить с большой натяжкой, что еще раз подтверждает правильность выбранных центров. В восточной и южной частях Средиземноморья хозяйничали византийцы и "посланцы" арабского, то есть азиатского мира. К тому же над Византией и Франко-Германским регионом нависали варварские народы славянского и тюркского происхождения, которые были как бы промежуточными звеньями между Волго-Уральским бассейном и этими регионами. При этом до примерно 10-го века агрессивная активность этих народов была достаточно высокой. В / 23 / сказано, что венгры "в начале 10-го века начали нападения на Эльзас, Лотарингию, Бургундию и Лангедок", что "... в 937 году они опустошили значительную часть Германии, Франции и Италии". Но в 955 году германский король Оттон остановил эти нападения, тогда и "кончилась история варварских нашествий" / 23 /. Но подвластные "варварам" территории были огромны. Например, на приведенной в / 23 / карте данного периода истории эти области занимают значительную часть Европы.

10-й век принято считать неким рубежом, "периодом решительных перемен" / 23 /. Это еще раз подтверждает, что мы правильно выбрали начальную временную точку анализа истории. Для Франко-

Германского региона это было концом сильнейших иноземных нашествий, периодом относительного умиротворения, началом некоторого прогресса, в том числе и в области питания (например, внедрение высококалорийных бобовых культур), развитием скандинавской и арабско-еврейской торговли / 23 /.

У этого региона, который олицетворял тогда Запад в целом, в то время было две основные “стартовые” возможности возвышения, не считая расширения собственных технических производств, которые тогда были еще довольно слабыми: развитие земледелия и торговли. Вот почему началось закабаление крестьян, постепенное превращение их в эксплуатируемую рабочую массу. Вот почему настоятельно продолжались поиски путей военного могущества, и эти пути были вскоре найдены. Вот почему начались попытки захвата сначала торговых путей, а затем и самих заманчивых богатейших центров Востока. Вот они, объективные корни крестовых походов, которые скорее всего много позже были закрашены всевозможными наслоениями-красками того рода, что эти походы осуществлялись исключительно ради распространения христианства. Большинство завоевательных походов Запада, объявляемых как крестовые, для их участников и современников были направлены совсем не на “освобождение Земли Обетованной”, многие походы такого рода в любые иные стороны с таким же успехом назывались крестовыми и освящались Западной церковью.

И все же начальным базисом, первичным источником богатства и власти в ту эпоху было крестьянство / 23 /. То есть нужен был человеческий материал, отвечающий идее верхов о максимальной эксплуатации пока еще собственного крестьянства. Нужно было соответствующее этой идее превращение крестьян в полурабов. Нужны были надежные способы повышения объемов сельскохозяйственной продукции, и они появились. Началось использование трехпольного севооборота, производилась более частая смена посевных культур, началось широкое использование железного плуга, стали увеличиваться площади обрабатываемых земель. Следствие – улучшение питания и интенсивный рост населения. По данным, приведенным в / 23 /, к началу 10-го века население Западной Европы уже составляло более половины населения всей Европы и продолжало относительно увеличиваться до прихода “черной смерти” в 1348 году. На этом фоне и сформировался западный стиль социальной организации, точнее, западный стиль социального существования вообще, в своих основах действующий до сих пор.

ПЕРВАЯ АТАКА ЗАПАДА. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Фундамент экспансии был создан, началось движение Запада на Восток. Под западное влияние стали подпадать уже значительно удаленные от Франко-Германского региона земли: Польша – 996 г.,

Норвегия – 1000 г., Венгрия – 1001 г. и др. / 23 /. Началось давление на Византию, контролирующую тогда значительную часть торговых путей. Приобщение к Западу осуществлялось не только мечом, но и посредством организованной идеологии того времени – религии, то есть проводилась интенсивная западно-христианская экспансия / 11, 23 /. Это давление Запада на Восток не прекращалось. К 11-му веку оно “почти полностью перешло в руки немцев” / 23 /, то есть Франко-Германского региона. При этом движении нередко не принималось в расчет, христианские ли земли захватывались, “... доминирующим аспектом стало в конце концов противоборство немцев и славян, при котором религиозные мотивы отступали на второй план, поскольку немцы без колебаний вступали в борьбу даже с теми соседями, которые приняли христианство” / 23 /.

Разрекламированным апофеозом сей экспансии стали всем известные из учебников истории крестовые походы, которые якобы практически все хотя бы первоначально были направлены на Палестину и носили прежде всего религиозный характер. Читателю стоит задуматься, кому и зачем понадобилось так разукрасить реальную историю. Чем они были на самом деле? Они были прежде всего попытками захвата не столько территорий (хотя и это имело место), сколько торговых путей, а также накопленных и производимых Востоком богатств. Достаточно трезво оценить результаты и особенно последствия крестовых походов, чтобы это понять. Вот почему ряд крупных крестовых походов проходил не “через”, а скорее всего просто “на” Византию. Следует помнить, что в то время латинский смысл креста (на воткнутый в землю меч обычно молились рыцари в походах) отличался от современного христианского. Он не был символом спасения, готовности к мучениям ради веры и уж тем более смирения, он был именно “символом триумфа” / 23 /. Как уже говорилось выше, смысл числа 4 – это движение вширь, распространение на всех и вся. Теперь все становится на свои места, все проясняется. Вот как сказано о крестовых походах в / 23 /, автора которого никак нельзя обвинить в нелюбви к Западу: “... то, что походы пробудили торговлю и обеспечили ее подъем в средневековом христианском мире, в это ни один серьезный историк более не верит”, “... духовно-рыцарские орден, оказавшиеся в конечном итоге неспособными защитить и охранить Святые Земли, осели на Западе, чтобы предаваться там всем видам финансовых и военных злоупотреблений. Таков тяжкий итог этих экспедиций”. Так что взятие крестоносцами Константинополя в 1204 году было вполне закономерным явлением. Важным итогом крестовых походов является не захват на некоторое время узкой полоски Земли Обетованной и даже не дикое разграбление Константинополя в 1204 году, а серьезнейшее ослабление Византии и колонизация значительной части восточных земель. Началось западное давление на Русь.

Основы Запада

Теперь мы подошли к очень важному моменту. В чем сущность западного стиля социальной организации, который уже вполне сложился в период 11 – 13-го веков? Западный стиль основан прежде всего на (1) существенном разделении людей по социальным группам, на разделении по целому комплексу важнейших, а также на (2) чрезмерно развитом стремлении к эксплуатации как внутренних (первоначально), так и внешних социальных элементов. Вполне закономерным является сначала сильная эксплуатация верхами социальной системы собственных низов, а затем эксплуатация внешних социальных образований уже всем телом своего социального организма.

Здесь следует сразу отметить, что автор вовсе не намерен что-либо или кого-либо обличать, а тем более подталкивать читателя к какому-либо осуждающему решению. Социальные явления вещи непростые, поэтому прежде чем принимать какие-либо решения, надо кропотливо разобраться в "технической" сути проблемы. Существование разделений и различий в социальном плане, а также эксплуатация нижних слоев высшими есть вещи нормальные для существования здоровой социальной пирамиды. Это надо ясно осознавать, а не городить несурезицу о глубоком равенстве, широком либерализме, всеобщем равноправии и всепоглощающем всеединстве. Достижение всего этого самими человеками есть вещь либо нереальная, либо дело далекого будущего.

Положа руку на сердце, надо откровенно признать, что человек в природе занимает место существа потребителя-поглотителя, особенно в наше время. Он потребляет продукты, создаваемые живой природой, зачастую отравляя ее и ничего не давая взамен. Так что эксплуатация окружающей среды – в его поведенческой сущности, взращенной веками, и только немного она сглаживается в основном общинными и религиозными нормами. Отсюда – один шаг до распространения этой почти "в генотипе" закрепленной идеи потребления-эксплуатации на других людей, на внешние социальные элементы. И этот шаг в полном своем объеме и с великой силой западная культура сделала, сделала на пагубу многих и многих народов и других культур мира.

Остановить это явление изнутри можно в принципе тремя основными путями:

- подавлением идеи эксплуатации силами верхних эшелонов социальной пирамиды; кто сказал, что власть всегда есть зло, вот наглядное применение власти, когда она может быть вполне позитивна; однако такой путь маловероятен;
- религиозными воздействиями;
- общинными проявлениями коллективов людей, в значительной мере самодостаточных в своем бытии и желающих сохранить-защитить свой образ жизни.

Рассматривая средневековый Запад, становится очевидным, что как сами верхи, так и их идеологические, для того времени прежде всего религиозные, установки были очень экспансивными, направленными на беззастенчивое подавление инакомыслия и внешнюю экспансию. Общинные проявления социальных низов, ведущих в значительной степени натуральное хозяйство, несколько смягчали разгоряченные устремления верхов Запада. Но надо помнить, что социальная энергия низов в эволюционные периоды истории обычно бурлит внутри, лишь изредка выплескиваясь малой толикой на поверхность, что доля энергии, которую люди сознательно, а не принудительно отдают на социальные нужды, а не на индивидуальную жизнь, как правило, "ужасно" мала. Вот тут-то и сработало сильное западное разделение людей на социальные группы, позволившее создать пласты, специализирующиеся на различного рода деятельности, в том числе и на интенсивную военную экспансию. Жесткое рабство и крепостничество – это продукты Запада. История древнего Итальянского Рима, сильнейшие восстания рабов – свидетельство сему. Откуда на Русь пришло рабское крепостничество? С Запада. Внутреннее закабаление собственных низов, их усиленная эксплуатация дали возможность создать освобожденные от этой эксплуатации промежуточные между трудовыми низами и властными верхами сословия. Это в том числе и военные специалисты различных уровней. В то время меч, а не кошелек был более надежным средством защиты своего достояния и захвата чужого, он нередко "кормил" тогда много лучше сохи. Злато тогда еще не победило меч. Таким образом, на Западе создались профессиональные прослойки, создавалась профессиональная и наемная армии наряду с армией полупрофессиональных вассальных дворян, составлявших как бы отборные войска.

По большому счету, западная методика действия кратко сводится к следующему:

1-й этап – закабаление собственных низов, отрыв от них верхов, эксплуатация низов – укрепление власти и увеличение богатств верхов, усиление государств;

2-й этап – создание средних служилых пластов и сословий, находящихся на почти профессиональном уровне, мобилизация их для внешней экспансии, захват и закабаление других государств, причем необязательно только военными средствами;

3-й этап – эксплуатация захваченных государств, еще большее усиление власти и увеличение богатства верхов метрополии, образование колониальных империй с колониями, разбросанными по всему свету, создание международной системы эксплуатации с предоставлением массам некоего минимального набора средств существования. Улучшенное "питание" населения метрополий с целью перенесения негативных эффектов социальной напряженности на плечи порабощенных государств;

4-й этап – достижение сверхвласти и сверхбогатства, претензии на региональное и даже общемировое лидерство и господство.

Волго-Уральский регион

Восточный стиль социального бытия отличался от западного и отличался существенно. Здесь община, общинность долгое время не были подавлены верхами, более того, зачастую они различными способами культивировались верхами, являясь даже основой их существования. Нередко верхи прямо зависели от “голосов” общин (см., например, “классическую” историю княжения домонгольской Руси). В таком случае территории с расположенными на них общинами представляли следующий интерес для верхов – больше территории, больше дани, больше сила верхов. Так, создавались местнические верхи, пример – князья, бояре, дружина с различными видами слуг. Но для защиты от сильных врагов (а не для междоусобиц среди себе подобных), для нападения на чужие территории сил этой “верхушки”, разумеется, не хватало. Тогда зачастую “приглашался” народ. Вот откуда возникли народные ополчения. Но ополчения были делом несчастным, трудно и долго собираемым – не так-то легко расшевелить массы на “княжеское” дело, если оно не касалось самосохранения или прямой выгоды самих низов. И тогда закономерно появилось единственно возможное в тех условиях, а совсем не уникальное “изобретение” – Орда / 15 /.

Орда есть прежде всего централизованная профессиональная армия, предназначенная в значительной степени для охраны сразу многих, находящихся под ее “опекой” достаточно мелких территориально-земельно-княжеств. Кстати говоря, созвучие слов “орда” и “орден” вовсе не означает, что термин “орда” произошел от Западных рыцарских орденов, как считают некоторые (см., например, / 11 /). Как раз наоборот, западные “ордена” скорее всего произошли от «орды». Западные орден появились лишь в эпоху крестовых походов, Орда же явно более раннего происхождения. Да и слово “орда” по характеру произношения какое-то “неевропейское”. К тому же долгое устойчивое существование множества автономных земельно-княжеств, защищенных лишь дружинами, – вещь исторически настолько нереальная, что и говорить об этом не стоит. Кто же тогда останавливал давление Запада, неужели малочисленные дружины? Ясно – хорошо организованные войска, то есть – Орда. Кстати, известно, что ордынцы получали денежное довольствие – ну чем не профессиональное войско.

Итак, Орда органично вписывается в ту историческую эпоху прежде всего как система сохранения крупных социальных образований, которые были бы беззащитны при наличии только дружинного принципа создания военной силы. В “обязанности” Орды входило

также поддержание коммуникационных связей, проведение торговых операций крупного масштаба, создание системы сбора дани, организация единой денежной системы, совершение крупных судебных разбирательств (например, среди князей) и другие дела, вплоть до расширения территорий своих владений военными средствами, совершения военных походов и т.п.

Османская империя

Вышесказанное в значительной степени относится к Волго-Уральскому региону и подведомственным ему землям, в том числе ко многим княжествам Руси. В среднеазиатском регионе было почти так, но все же несколько по-другому, хотя в основах своих (доминанта общинности в жизни населения, высокая степень самодостаточности, не слишком развитое социальное разделение по многим параметрам бытия, веротерпимость, национальная терпимость, отсутствие массового, жесткого эксплуатационного рабства и т.д.) все было аналогичным. Османская империя долгое время была форпостом Среднеазиатского региона по крайней мере для Западной Европы, ведь она непосредственно “выходит” на восточное Средиземноморье. На длительный период истории, начиная примерно с 13-го века и вплоть по 20-й век, Запад напрямую контактировал с сильной Османской империей. Так что Османская империя представляла собой в значительной степени лицо Среднеазиатского региона. Здесь будет уместным подчеркнуть одно важное обстоятельство, а именно то, что практически до 17-го века Русь-Россия по-крупному не конфликтовала с турками, более того, часто воевала заодно с ними / 26 /, что указывает на близость их первоначальных корней. Раньше эти регионы неплохо уживались друг с другом.

Какие же специфические черты социального устройства были в Османской империи, позволившие ей долго воздействовать на Запад, не говоря уже о Византии. Вот они.

1. Фактическое разделение населения империи осуществлялось в значительной степени не по национальному, а по религиозному принципу. Мусульмане занимали определенное, причем не всегда прямо привилегированное положение по сравнению с представителями другого вероисповедания. Они по традиции «первопроходцев» обязаны были нести воинскую службу, но за это только они имели право владеть землей и обладали рядом преимуществ перед другим населением. Они освобождались от налогов, имели возможность продвижения вверх – в мусульманскую элиту. Но важно, что в отличие от феодальной Европы земельные участки мусульман были небольшими и не становились до эпохи заката империи наследственными / 23 /. Земля была уже тогда объявлена общегосударственной собственностью. На Руси земля тоже долго не являлась наследуемой индивиду-

альной собственностью, что говорит о близости отношений «человек-земля» на Руси и в Османской империи. И на Руси, и в Османской империи земельные участки становились наградой за службу.

Малые размеры земельных участков, передаваемых в пользование отдельному лицу в Османской империи, как это ни покажется с первого взгляда неразумным, создавали эффект массовости, рождали огромную силу социального сплочения служилого и не только служилого сословия, укрепляли Османскую империю. Лишь впоследствии, с образованием корпоративной земельной знати этот эффект стал ослабевать, а народная преданность своему родному образу жизни, своим верховным руководителям и небывалая внутренняя стойкость (то, что, собственно говоря, и является истинным патриотизмом) была заменена энергией распада и узкого эгоизма.

2. Принципы организации армии сводились к следующему. Долгое время основой армии являлись военные силы, образуемые из мусульман, которые и наделялись землей за службу, здесь наблюдается использование общefeодального принципа, характерного как для Запада, так и для Востока. В дальнейшем были созданы регулярные корпуса, получавшие денежное вознаграждение, они находились на военном положении. Это были в основном конные соединения. В походах к этим войскам добавлялась также набираемая из низов нерегулярная пехота, место которой – впереди войска для принятия первого удара (это «один к одному» стиль Дмитрия Донского во время Куликовской битвы). В дальнейшем армия включала в себя профессиональную отборную часть – янычар, которые являлись костяком турецкой пехоты. После создания артиллерии последняя представляла собой также очень важную часть турецких сил. До периода упадка Османской империи ее армия отличалась организованностью, бесстрашием и, как сегодня принято говорить, высоким боевым духом личного состава.

3. Турки обладали удивительной веротерпимостью. Христиане платили налоги, но долгое время в армию принудительно не набирались. Они не имели права лично владеть землей (на Руси землю давали в «кормление-пользование» за службу, отдельному же крестьянину участок земли предоставлялся общиной). Если христианин переходил в ислам, то его прошлое «забывалось», и он пользовался соответствующими привилегиями.

4. Столь же удивителен и непривычен для сегодняшнего «уха» аппарат рабства в Османской империи. Возникший с течением времени корпус янычар (в переводе – новые войска) – еще один парадокс для многих представителей Запада, но вполне объяснимое явление для веротерпимого, почти идеально объединяющего разных людей Востока. Конечно, и в Османской империи было «черное», например, галерное рабство, но, во-первых, на Западе оно тоже было, а во-вторых, относительная доля «черных» рабов в общей массе населения империи была крайне мала. Рабство в Османской импе-

рии – это в значительной степени институт профессиональных служащих, включая военных. Янычары, например, имели массу ограничений, они были лишены права жениться, владеть крупной собственностью и др. Но они имели и привилегии: хорошее образование, высокий уровень подготовки, почти пожизненная возможность построения высокой карьеры и пр. Рабство на Востоке очень долгое время не возбуждало в ком-либо негативных чувств / 26 /, оно воспринималось скорее как пожизненное служение, а не как тягловая беспросветность. Создавались даже рабские правящие династии (это уж совсем недоступно для Запада), пример – мамлюки в Египте / 26 /.

Здесь уместно сделать одно замечание. Католический “пастырь-пастор” есть “пастух людей”. В православии, в частности, на Руси более употребимы следующие слова: “отче”, “раб божий”, причем последнее словосочетание ничуть не воспринимается как оскорбляюще-уничижающее, а скорее наоборот – как возвышающе-очищающее. Уже здесь мы сталкиваемся с существенными различиями Запада и Востока.

5. Важно то, что рабский институт служения позволил Османской империи противопоставить его постоянно растущей корпоративности верхов, которая способствует загниванию социальных организмов / 6 /. Подробно это явление будет рассмотрено в главе 3. Этот ненаследственный правящий класс служащих формировался “исключительно по принципу заслуги” / 26 /. Верхи этого класса уже представляли собой элиту империи. Кстати, полный срок обучения созданной при дворе султана школы для “рабов” составлял аж 14 лет. Это удивительно для того времени – вот какой был уровень подготовки! И где? На Востоке! В 16-м веке, в период расцвета Османской империи дело дошло до того, что почти весь институт управления империи состоял из людей христианского происхождения, являющихся рабами султана. То было рабство совсем не европейское. В / 26 / приведена фраза одного венецианца об этих людях, что они «были очень горды тем, что могли сказать: “Я являюсь рабом Великого господина”». Важно то, что в период своего становления и расцвета Османская империя представляла собой “гибкое общество, где ремесленник мог подняться до уровня великого визиря, а великий визирь – опуститься до уровня ремесленника” / 26 /.

Армия, основа Османского владычества, представляла собой вкратце следующее:

- кавалерийские части из землевладельцев-мусульман, а также “приглашаемые” орды казаков, татар и др.;
- янычары, хорошо обученная профессиональная пехота;
- нерегулярные войска, набираемые из народа;
- артиллерия, в основном тяжелая для осады городов;
- военно-морские силы.

Боевой дух турецкой армии длительное время был чрезвычайно высоким. Долго Запад не в состоянии был противопоставить всему

этому ничего существенного, пока не нашел бреши в военной системе турок, не приобрел соответствующие технические и организационные средства для создания своей военной мощи. Лишь начиная примерно с середины 16-го века, когда он начал "переваривать" золото, а также другие богатства Нового Света и на базе этого формировать новые войска, повышать техническую оснащенность армии, Запад научился, и то далеко не сразу, таким средствам в военной области, которые позволили ему получить стратегические преимущества над турками.

ПЕРЕСТРОЙКА ЗАПАДА

Однако вернемся к историческому экскурсу. Но вернемся теперь уже с учетом изложенных выше стилей социального бытия Запада и Востока. Здесь вновь уместно подчеркнуть, что этот обзор «хронометрируется» классическими датировками. Но даже в случае использования обобщений некоторых современных взглядов на хронологию, достоверность смысловая подоплека ряда исторических фактов (см., например, / 10–13, 15, 27 /), а также характер итоговых выводов данного укрупненного обзора изменятся слабо. Более того, при сжати "времени истории" и "подправлении" некоторых ее событий ценность полученных выводов еще более возрастет, то есть согласованность их с историческими новооткрытиями окажется довольно высокой.

Как известно, крестовые походы Западной Европы 11–13-го веков не позволили Западу полностью захватить ни торговые пути, ни сами богатства Востока. Созданная после взятия Константинополя латинская империя просуществовала недолго (с 1204 по 1261 гг.). Христианские владения в Палестине оказались еще менее живучими и крайне малыми по размерам. В 14-м и 15-м веках устремления Запада по захвату Восточного Средиземноморья в виде крестовых походов стали иссякать. Основная цель не была достигнута. Но агрессивная энергия Запада не иссякла, она стала искать других направлений. Генуэзцы и венецианцы (опять не Римляне Италийские) стали интенсивно заниматься торговлей. Они проникли не только в Средиземноморье, но и в район Черного моря. Неслучайно во второй половине 13-го века на Западе стало расширяться сначала серебряное, а затем и золотое монетное производство / 26 /. Произошли заметные изменения в церкви и ее орденах. Поскольку христианско-западный меч не добился больших успехов, то "церковь извлекла накопленные ею сокровища и пустила их в оборот", "... монастыри ... выполняли функции кредитных касс", причем "Церковь ... помогала искоренению предубеждения против них ..." / 26 /.

Купец стал фигурой в обществе. Начиналась эпоха превосходства купца над производителем, так что к 14-му веку классический

Западный феодализм утратил свою первоначальную мощь. Однако старая тенденция порабощения собственных низов не исчезла. Более того, она шла "в параллель" с церковью, как бы освящалась ею. "Нехристианин не был по-настоящему человеком, один лишь христианин мог пользоваться правами человека – и среди них защитой от рабства" / 26 /. Но отсюда вовсе не следует, что всякий христианин имел право на достойное бытие и в жизни, и в посмертии. Для примера можно привести одну довольно типичную характеристику из жизни Запада 14-го века. Мнение о крестьянах даже среди западного духовенства нередко было следующим: "Крестьянин подобен дикому зверю. Он звероподобен, безобразно уродлив, едва ли имеет человеческое обличье. Ад – его естественное предназначение. Ему нужна исключительная ловкость, какой-нибудь обман (заметьте, именно обман, а не религиозный подвиг. – Автор), чтобы попасть в рай" / 26 /. Эксплуатация усилилась, она закрепилась и "освятилась" церковью.

Но теперь даже и лидерство церкви в идеологическом плане стало подвергаться сомнению. Раз крест как идея-символ не дал победы Западу, значит, надо искать другую дорогу, другое идеологическое обоснование. Росли еретические движения. И хотя сама католическая церковь в начале 14-го века "выиграла свою партию" – сумела справиться с ересью, однако она уступила многое. Об этом свидетельствует и знаменитое Авиньонское "пленение" папства в 1305–1376 гг., наступившее, кстати говоря, после поражения крестоносного движения на Средиземноморском Востоке, и пришедшая затем эпоха раскола церкви, и наступление эпохи секуляризации.

Но что же остановило крестоносцев, только ли "туземное" сопротивление покоряемых земель после взятия ими Константинополя и резкого ослабления Византии? Что-то сомнительно, слишком малы собственные "туземные" силы. Ясно, была реакция Востока на Западное вторжение, то есть реакция Волго-Уральского и Среднеазиатского регионов. Эта реакция была довольно однозначной. Покойный митрополит Иоанн писал, что при взятии Царь-града " ... в Софийском соборе пьяная солдатня пировала с блудницами, плясала в священных одеждах, кощунствовала и ругалась над святынями" / 28 /. Было тогда и много что "похлеще", но об этом умолчим. Удивительно (на первый взгляд, разумеется), что турки не добились Византию, а по всем признакам сильно помогли ей, о чем, в частности, свидетельствует последующая история взаимоотношений православия и ислама. Удар Запада по Византии был очень силен, то есть взятие Константинополя и подчинение населения империи – не случайность, не политическая ошибка вождей крестоносного движения, а закономерное действие. Вот что написано в / 26 /: "Никогда более не смогла Византия восстановить свои прежние силы и безопасность". Торговые пути сместились в другие районы, а "то, что сохранилось от Византии на Западе, перешло в руки венецианцев и генуэзцев" / 26 /.

Однако и после взятия Константинополя православие даже в Византии осталось крепким, митрополиты поставлялись в Никее, уже на азиатской территории. Западная церковь стремилась подчинить себе все захваченные или попавшие под ее влияние земли, в том числе русские, но подчинения везде не получилось. И тогда, как пишет митрополит Иоанн / 28 /: "... по мановению Рима на границах Руси явились многочисленные полчища монахов-рыцарей, готовых бороться за власть папы". Христиане с мечом на христиан, и не просто с мечом, а именно под знаком креста!!! Ну что же, ранее Восток нападал на Запад, теперь Запад нападает на Восток – дело житейское, социология есть социология. Вот и практические результаты того времени: и шведские вторжения у Невы, и знаменитое сражение в 1242 году на льду Чудского озера, и визиты послов-латинян к славянским князьям. Пример общения с Западом дал Галицкий князь Даниил. Он решился принять из рук папы королевский венеч. Заметьте, не княжеский, а именно королевский, то есть царский. Конечным результатом явилось то, что военной помощи от папы он не получил, все его земли были поделены и сильное Галицкое княжество было ликвидировано.

В целом Русь не поддавалась западному влиянию. Началось ответное движение сил Восточных регионов на Запад. Где должны были быть сформированы основные силы "ответа"? Теперь ясно – в Волго-Уральском и Среднеазиатском регионах. Кто эти силы? Теперь ясно – монголы и турки. И недаром монгольские походы приходятся как раз на середину 13-го века, и недаром сильная волна турецкого вторжения в Малую Азию приходится на 13-й век / 26 /. Кстати говоря, во второй половине 13-го века монголы также вторгаются в Малую Азию / 26 /. Так что, скорее всего турки и монголы действовали заодно. Они и составляли те основные силы, которые смогли отобрать у Запада лакомые кусочки Средиземноморья. Восток одержал тогда победу над Западом.

Проводимый комплексный анализ позволяет восстановить наиболее достоверные черты мировой истории. Но не надо при этом думать, что Запад тогда был так уж сильно негуманистичен, не надо слишком обелять Восток, не надо строить очередных иллюзий. Все было достаточно "хороши", все хотели завладеть богатствами, в том числе завладеть и неблагоприятными по сегодняшним меркам средствами. Несомненно, что и азиатские волны «падали» на Византийские владения. Так, в / 12 / прямо сказано, что монголы участвовали в некоторых крестовых походах.

И что же внутри самого Запада после этого? А то, о чем уже было сказано выше: деформация церковной деятельности: ереси – инквизиция – секуляризация, поиск новых путей внешнего обогащения, рост городов и пр. / 23 /. Все это происходило на фоне укрупнения социальных образований, то есть усиления государственности. Поскольку Западу не удалось внешние захваты или удались не совсем,

то началась внутренняя борьба. Поэтому не прекращались внутренние войны, крестьянские восстания и городские бунты. В целом для Запада сугубо внутренняя жизнь должна приводить к кризисным явлениям. Так и произошло: на рубеже 13–14-го веков начался кризис Западного мира / 23 /. Великая чума, появившаяся на Западе в 1348 году, подлила масла в огонь, и "кризис превратился в катастрофу" / 23 /. Беспрецедентная во всей мировой истории Столетняя война явилась своеобразным плодом общего настроения Запада.

Начались интенсивные поиски новых оснований для восстановления сил Запада, его последующего развития. И они были найдены.

1. Принцип насаждения сверху рабства и подчинения низов в собственном государстве стал ослабевать. Возникла потребность более эффективного использования индивидуального труда освобожденных в этом труде людей. Вообще выгоднее стало оперировать более свободными собственными социальными элементами. Это позволило привлечь народные массы к труду и к техническому развитию. Последнее, разумеется, не относится к населению захваченных земель.

2. Еще шире открыли двери секуляризации. Одновременно увеличилась силовая и несиловая христианизация населения всех подведомственных Западу земель. При этом Запад пытался встать на предписанную религией дорогу создания единой идеологии, единого трафарета ценностей, единого для всех понимания жизни. Однако наперекор сему еще один архиважный шаг был сделан в этой сфере – светская власть отделилась от церковной и более уже почти никогда не образовывала с ней единства. Как сказано в / 23 /: "Два меча так и остались в разных руках".

3. Ставка на техническое развитие и необходимые для этого некоторые послабления в отношении собственных низов и среднего сословия была сделана окончательно. Применительно к Западу это была дорога к индивидуализму, одним из следствий которой стал протестантизм. Но не следует думать, что Запад самостоятельно сгенерировал свой технический прогресс. Нет, его сущность проявилась в еще одном способе – использовании чужих достижений, если говорить мягко. В / 23 / прямо сказано, что западное общество «на техническом уровне ... было преобразовано благодаря заимствованиям», а наука Запада была вскормлена именно заимствованиями.

4. Старая идея захвата Востока вовсе не умерла. Но она облеклась в поиск таких средств, которые не предусматривали бы только прямой военный конфликт с силами Востока, имеющими турецкую и ордынскую мощь. Поэтому стала более активной торговля как мирный способ "приобщения" к богатству, начался поиск обходных путей к восточным богатствам с помощью судоходства.

В целом Запад стал действовать более изощренно, арсенал его основных средств расширился, а сами средства стали использоваться

более динамично: военное давление стало сочетаться с изощренной дипломатией, торговля начала составлять важную часть дохода, религиозные атаки стали более искусными и др. Надо отдать должное Западу: с социологической точки зрения он проявил завидную гибкость в региональной борьбе.

В вопросах идеологического, то есть религиозного для того времени плана, действия Запада оставались, несмотря на общее ослабление церкви, очень активными. Эти действия кардинально отличались от действий Восточных конфессий. Никакой веротерпимостью Запад не "страдал". За время своего правления в Латинской империи после падения Константинополя в 1204 году латиняне так успели насолить населению, что "балканский крестьянин вскоре пришел к пониманию того, что осуществленное мусульманским захватчиком завоевание повлекло за собой его освобождение от феодальной знати христиан", и что "каждая народность, будь то греки или славяне, сербы или болгары, были готовы предпочесть господство османов господству со стороны своих соседей..." / 26 /. Когда Османская империя пришла на Балканы, с крестьян перестали «драть три шкуры», а стали взимать вполне умеренные налоги.

Многие православные приветствовали приход мусульман-освободителей, причем в рядах войск султана были православные части, находившиеся под руководством своих собственных национальных властителей / 26 /. Позже, уже после ликвидации Латинской империи, "патриарх православной церкви лично свидетельствовал в письме папе Римскому ... о том, что султан оставил его церкви полную свободу действий" / 26 /. И много позже, в 15-м веке, свобода вероисповеданий также строго сохранялась.

Здесь следует учитывать, что обращение в западное христианство силой оружия вменялось почти в обязанность всем носителям меча и креста, принудительное обращение считалось благом для обращающего и обрашаемых. Попытки Запада заключить союз-унию с восточным православием не прекращались вплоть до знаменитого 1453 года. А греков того времени, например, приводило в ужас то, что люди западной церкви, "епископы и священники, лично участвовали в сражениях" / 23 /.

Захватнические устремления Запада можно понять. Вот как сказано в / 23 /: "Даже для тех людей Запада, которые не созерцали ее чудес, Византия была в средние века источником почти всех богатств, ибо оттуда шли самые ценные товары ее собственного или чужеземного производства". В своем первом "силовом" стремлении на Восток Запад встретил не только старые "варварские" и турецкие силы, а все они для Запада были язычниками, но в середине 13-го века грозную силу – монголов. Теперь понятно, что ничего "нового" в монголах не было, что монголы – это силы Волго-Уральского бассейна, мало общего имеющие с современной Монголией. Информация о "непонятной" близости монголов к христианству, их "подо-

зрительная” веротерпимость, смутные воспоминания о царстве Пресвитера Иоанна, малое количество подлинников сугубо “татаро-монгольского” времени, «пропажа» библиотеки Ивана Грозного, уничтожение документов при взятии Казани, необъяснимо высокое боевое искусство монголов, сведения об участии их в войсках противоборствующих сторон и многое другое – все это вполне “раскладывается” по вполне реальным историческим “полочкам”, если признать, что монголы – это войска Орды Волго-Уральского региона.

Вот эти силы османов и монголов и отразили натиск крестоносцев в 13-м веке, уничтожили Латинскую империю в Византии, не дали тогда Западу заполучить богатства Востока. Только на северо-востоке Европы, в славянских землях, расположенных между ядром Волго-Уральского региона и Франко-Германским регионом, Западу удалось одержать победу. Латинство проникло на эти земли, в том числе и на Русь. Вот это проникновение и нашло свое отражение во многих сохранившихся латинизмах русского обихода, в том числе в виде употребляемых в русском языке религиозных терминов латинской природы / 11 /.

Итак, в целом поражение Запада в 13-м веке породило те последствия и направления развития, о которых говорилось выше. На Руси утвердилась Орда, на востоке Средиземноморья набирала силу Османская империя. А на Западе 14-й век – это период междуусобиц и всевозможных нестроений. Это знаменитая Столетняя война, это великая чума, истребившая огромное количество людей. Однако к самому концу 14-го века ситуация опять несколько изменилась, появилось вновь объединенное лицо Запада. На Руси же, да и в самой Орде наметились очаги смуты, к тому же чума не обошла стороной и эти земли, она свирепствовала здесь с 1352 по 1427 годы / 21 /. Османская империя в это время как раз подходила к своему расцвету, однако и она оказалась вовлеченной в эту смуту. Спайка юга Волго-Уральского региона с центром Среднеазиатского региона породила новые силы, стремившиеся к созданию сверхкрупной системы, охватывающей многие народы Востока. Начались знаменитые походы Тамерлана, который, как известно, именовался повелителем Персии, Индии, Туркестана и, как тогда говорили, Татарии / 26 /.

На этом фоне Запад сделал еще одну силовую попытку надавить на Восток. В 1396 году объединенные сухопутные силы Англии, Германии, Италии, Испании и других государств, составившие в сумме неслыханную по тем временам армию в несколько сотен тысяч человек, собрались для нападения на Османскую империю. Как сказано в / 26 /: «Это была крупнейшая армия христиан, которая когда-либо противостояла “неверным”». Имелась также поддержка флота венецианцев, генуэзцев и госпитальеров, находящегося в Черном море и устье Дуная. Против них выступили объединенные силы Востока, состоящие из турок, против из Персии, Сирии, Александрии, Орды и других земель. Чем же закончилась эта битва народов? Полным поражением Запада.

ВОСТОЧНЫЕ НЕСТРОЕНИЯ. ВТОРАЯ АТАКА ЗАПАДА

Но воспользоваться этой победой в полной мере Османской империи не удалось. Ордынская смута давала о себе знать. Уже в 1402 году на империю с большой армией обрушился Тамерлан, подчинивший своей власти огромные пространства. На всем Евразийском пространстве началась своя внутренняя борьба, проще говоря, грызня за власть и величие. В этой борьбе не было какого-то четкого разделения врагов по каким-либо ярким, резко отличительным признакам. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в войсках как Тимура, так и османов присутствовали значительные "татарские" контингенты. На Руси это время – тоже время грызни и нестроения. Свидетельств сему более чем достаточно. Вот вам и знаменитая Куликовская битва в новом, более обоснованном ее освещении, и информация о принятии ордынцами в это время ислама, и поход Тамерлана на Москву, соперничество его с Тохтамышем, и постоянные колебания ряда пограничных княжеств между разными силами, между Востоком и Западом и многое другое (см., например, / 11, 12, 29 /). Великая монгольская, то есть Волго-Уральская империя стала разваливаться. На территории Руси появились образования, усиленно тяготеющие к самостоянию.

Если глубже заглянуть в причины этой смуты, то они кратко сводятся к следующему:

1. Яркое проявление эффектов созревания корпоративности / 6 /.
2. Внешние воздействия Запада на окраинные земли Ордынских владений.

3. Недостатки социальной организации самой ордынской системы, построенной при существенном разделении хозяйствования (производственная сфера местнического характера), и организующей, централизующей, военной деятельности самой Орды.

Орда практиковала отторжение в виде дани доли жизненных сил и определенной свободы у производственной сферы. Это составляло предмет значительной изолированности рассматриваемых сфер ордынской системы, некоторой социальной напряженности и могло компенсироваться только выполнением повышенных социальных требований к ордынским верхам. Развитие Орды предполагает наличие надежной, устойчивой и продуктивной связи ее верхов с производственной сферой, с ее творческими силами. Такую связь на длительное время Орда наладить не смогла. Эти недостатки стали проявляться в полной мере не сразу, а позднее, при борьбе с модернизирующимся Западом. Но зарождались они именно теперь.

4. Обширность и разнородность Ордынской территории не очень соответствовали коммуникационным возможностям того времени.

И все же главный момент этого периода истории можно сформулировать кратко следующим образом: Европа была забыта на время Востоком. Даже Тимур после своего победоносного шествия по Вос-

току так по-серьезному и не “заглянул” на Запад, его интересовал только Восток. В определенной степени Западная Европа в то время многими считалась как бы окраиной, чуть ли не задворками мира / 23, 26 /.

В то же время этот период можно охарактеризовать как время, когда:

1. Князья как управляющие землями стали стараться выходить из-под опеки Орды.

2. В Орде и подведомственных ей землям началось междоусобие.

3. Происходило укрупнение государств и усиление государственности во многих частях Европы и Азии. Это придавало силы верхам и обеспечивало возможность создания или пересоздания ими крупных империй.

4. Запад получил возможность вновь наращивать свои силы.

В 1405-м году умер Тамерлан, огромное социальное образование рассыпалось. Османская империя после этого сумела быстро восстановить свои силы. Поскольку на Запад давления не было, он вновь стал проявлять свою активность. Учитывая, что прямые военные конфликты с сильным тогда Востоком не приводили к успеху, Запад стал усиливать идеологическое давление с целью заполучить себе союзников. Возросло стремление к объединению христианства под верховенством папы, то есть практически – к подчинению восточного христианства западному, к использованию новообращенных в качестве передовых сил против Востока, в частности, против мощной Османской империи, которая стала в то время основной антизападной силой. Началась вторая крупная атака Запада на Восток, упор теперь делался на два момента:

- использование прежде всего не своих “родных” вооруженных сил, а сил новообращенных вассальных государств для атаки на Восток; только так, а не иначе следует разуместь истинную цель Запада при объединении церквей; время, когда цвет западноевропейского рыцарства находился на передовой линии сражений и лично платил своей “драгоценной” кровью за свои интересы, стало уходить в прошлое;

- западно-христианская “обработка” новых земель на базе ослабления Орды, попытка навязать унию православной церкви, создание кордона подвассальных стран.

Теперь Запад представлял собой не только Франко-Германское ядро плюс Англию, Испанию, Италию, но и многие славянские земли. Его мощь существенно возросла. В 1-й половине 15-го века прозападная Литва стала сильным государством. Заметное давление оказывалось на великого князя Московского Василия, отца Ивана III. Уже с этого времени можно говорить о некотором начале Московского западничества. Явная задумка Запада сводилась к заключению унии с православием и использованию сил православных государств в борьбе с турками. И они добились многого в этом направлении. На

Ферраро-Флорентийском соборе в 1438-м году православные представители подписали определение о соединении церквей. Есть сведения, что на многих из них при этом оказывалось давление / 28 /. Но тогда великому князю Василию хватило сил устранить Исидора (униата-болгарина, поставленного ранее митрополитом в Москву и прибывшего после собора 1438 года в Москву уже в сане римского кардинала) / 28 /. Духовная независимость Руси была сохранена. В православном и мусульманском мире этот союз церквей встретил в целом негативную реакцию, греческое духовенство, собравшись в 1443-м году на собор, предало Флорентийскую унию анафеме. Начала формироваться ответная волна Востока на действия Запада.

Эти события происходили на фоне подъема технических производств и соответствующего использования технических достижений в военной сфере. Помимо традиционных луков, использующихся как индивидуальные средства дистанционного поражения противника, применялись более мощные арбалеты. Луки отличались скорострельностью, но требовали довольно высокого мастерства при прицельном метании стрел. Арбалет существенно дольше заряжался, был сложнее и дороже, однако применение арбалетов не требовало высокой подготовки стрелка. Здесь очень важно то, что даже малообученный и "неинициативный" солдат мог неплохо стрелять из арбалета. Это давало определенные преимущества именно Западу, который значительную часть своего войска стал формировать уже в виде наемной, полупрофессиональной, а затем и рекрутируемой армии. Впоследствии такой подход сыграл огромную роль в боевых действиях. Усиленная экипировка западных армий индивидуальным огнестрельным оружием дала возможность, несмотря на длительность зарядки этого оружия, получить эффективное средство обороны, например, при атаке конницы противника. А ведь конные части были главной ударной силой в военной системе как Орды, так и Османской империи. Большое значение имело также то, что старые тяжелые метательные средства стали уступать место артиллерии. Если верить классической датировке, то в 14-м веке появился порох, а в 15-м началось использование артиллерии. Причем пионером эффективного использования артиллерии оказался именно Восток, турки стали первыми удачно применять тяжелую артиллерию при осаде городов / 26 /. А вот широкое использование легкой полевой артиллерии – это достижение Запада. Впоследствии именно это средство, соединенное с индивидуальным огнестрельным оружием, стало давать Западу преимущества в военных операциях.

Здесь следует отметить, что торговля в это время стала более интенсивной. Совсем не случайно это время знаменуется массовым производством денежных средств. Запад в 15-м веке страдал от монетного голода. Именно серебро было главным металлом монет того времени, а оно добывалось прежде всего на Востоке, в том

числе на Балканах (серебро = Сербия). Следовательно, богатство тогда было еще в руках Востока. В итоге в 15-м веке Запад еще не имел реальной возможности успешно с ним сражаться.

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1453 г. ПОДЪЕМ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. МОСКОВИЯ

Но вернемся к хронологическому описанию событий. Как уже говорилось выше, соглашательство ряда Восточных иерархов с Западом вызвало на Востоке в целом негативные отклики. Последовала довольно быстрая, вторая в нашем рассмотрении, реакция. Апофеозом ее стало взятие Константинополя в 1453-м году. Началось "переваривание" Византийского наследия победившей стороной. Отсюда и поствизантийское влияние на Русь, и последующая идея "Третьего Рима" – Москвы как преемницы императорской славы Византии, и брак племянницы последнего Византийского императора Константина Палеолога с Иваном III в 1473-м году (характерно, что и при этом Иван III от унии вновь отказался), и большое количество браков знатных людей Московии именно с "татарами" / 11 / и многое-многое другое. Закономерным следствием этой реакции стал захват турками генуэзских колоний на Черном море и весьма мирное урегулирование всех вопросов православия и ислама.

Но как вы думаете, после захвата Царь-града торговля Востока с Западом прекратилась или сильно сократилась? Отнюдь нет. Именно в 15-м веке происходило резкое расширение торговых отношений Запада и Востока / 26 /. Любопытно, что при этом турки продолжали, не ослабляя торговлю, воевать на юге Италии.

Здесь нелишне отметить следующее. Создается впечатление, что как православие, так и ислам во многом сформировались в этот период, что до этого они жили "душа в душу" как почти единство, как общевосточная идеология, а не как различие. Здесь вовсе не рассматривается вопрос о том, что ислам родился именно в этот период. Нет, разумно считать, что он имеет более древние корни. Здесь лишь хочется подчеркнуть, что становление католичества, православия и ислама как автономных, уже в значительной степени различных религиозных течений в том виде, в котором они так или иначе дошли до наших дней, произошло скорее всего именно в эту эпоху. Неблаговидные с точки зрения Востока действия Запада и некоторая недоброкачественность действий ряда православных иерархов, по-видимому, породили стремление исправить во многом еще единую (хотя бы в своем базисе) идеологию того времени – религию. Это исправление, возможно, осуществлялось в лице ислама, как бы "очистившего", по-восточному упростившего и экспансивное западное христианство и колеблющееся восточное.

При этом крен делался в сторону от католичества, в сторону мирного сосуществования православия и ислама. Недаром есть созвучие в словах "православный" и "правоверный". Можно во всем этом сомневаться, однако следует признать, почти "требует" повсеместный здесь объективный укрупненный анализ прошедшего тысячелетия. Отсюда становится более понятной последующая идея централизации православия вокруг своего нового центра – Москвы, которая стала собирать "куски" восточного православия, пользуясь поддержкой Османской империи.

В 15-м веке после отражения 2-й "мягкой" атаки Запада на Восток произошло новое усиление Османской империи, что и следовало ожидать от государства-победителя. Можно, однако, отметить, что эта "мягкая" победа не являлась катастрофическим поражением Запада, его как бы просто отодвинули назад, к своим старым владениям. При всем при том попытки латинизации "языческих" земель продолжались. На Руси после усиления Московии стало осуществляться частичное освобождение от "татар", то есть монголов, то есть ордынцев Волго-Уральского региона. На фоне "неподконтрольности" Орде происходила "великая замятня". С 15-го века многие Киевские княжества испытывали интенсивное воздействие непобежденного до конца латинства / 29 /. Север Руси пребывал в тяге к древней свободе.

Московия была полу-Византийской, полу-Ордынской и частично – прозападной "вотчиной", то есть металась сразу между многих "огней". Тяга к самостоянию, фактически к окончательной свободе от Орды в Москве со временем возобладала. Поворот от Орды усилился при великом князе Московском Василии II в 1445 г. (как говорится в классической истории, после воззвания "из полона татарского"). В служилых сословиях Москвы возросли антиордынские настроения. В конце 15-го века возводятся мощные кремлевские стены, церковная иерархия на Руси становится практически промосковской, многие наследники Орды стали лишаться своих "выходов" / 29 /. Поворот от Орды осуществлялся, разумеется, в две другие стороны – провизантийскую и прозападную. За свою независимость, то есть независимость от Орды Московии пришлось платить. Платить силовым "уверованием во Христа", массовыми, невиданными доселе казнями непокорных и более сильным закрепощением крестьян. Был введен знаменитый Юрьев день, «который еще не очень сильно, но все же закабалял крестьян. Он четко устанавливал, когда можно было "крестьянам-должникам выходить от своего землевладельца", а именно "только за неделю до и после Юрьего дня осеннего"» / 29 /. И все же все было еще весьма неустойчиво. При Василии III (1479–1533 гг.) Московия часто подвергалась набегам ордынцев / 11 /.

В самом конце 15-го века произошло еще одно событие, которое, как водится в истории, дало плоды много позже. Это событие – открытие Америки.

Самое же начало 16-го века можно отметить еще одним немало-важным обстоятельством, которое некоторые специалисты оценивают как поворотный момент в истории европейской цивилизации / 26 /. Это было повсеместное укрепление европейских правящих династий и усиление королевской власти, то есть усиление европейской государственности. Разумеется, еще было далеко до суперсильных, полностью самостоятельных социальных образований, но шаг к этому сделан был. При этом многие из европейских королей оспаривали между собой дружбу Османской империи. Этому были основания. Турки в это время возглавлялись великим Сулейманом (Соломоном?), его армия считалась сильнейшей, а артиллерия – “одной из лучших в мире” / 26 /. И это при том, что к середине 16-го века Османская империя имела всего около 15-и миллионов человек населения (причем в состав империи входило только крупных народов более 20!), что существенно меньше численности населения, которую имела тогда Западная Европа / 23, 26 /. Так что домыслы о турецких победах числом, а не умением – явная натяжка, а скорее всего просто искажение истории.

Сохранялась веротерпимость в отношении многих религиозных конфессий и прежде всего в отношении православия. Например, при завоевании в 16-м веке Кипра турки сделали следующее: “существовавшие ранее привилегии греческой православной церкви были восстановлены за счет католиков-латинян” / 26 /, то есть православной церкви была возвращена ее собственность. Заметьте, эта собственность не передавалась мусульманам-победителям. Вот пример не то что веротерпимости, а прямого содружества. Османская империя была сильна и обширна.

В то время было три основные торговые линии “Запад – Восток”:

1. Центральнoазиатская, то есть Астрахано-Крымская;
2. Средиземноморская, через район Персидского залива и Красно-го моря;
3. Поволжская, “питающая” в значительной степени север Европы.

Две из этих дорог проходили по территории Османской империи, так что свидетельства ее могущества – налицо.

На северо-востоке Европы, на Руси располагались огромные пространства между явно Западом и ядром Волго-Уральского региона. Часть этого пространства стала уже прозападной (Литва и др.), часть еще находилась в промежуточном положении. Московия продолжала резко набирать обороты, при этом в ней началась борьба великокняжеского самодержавия, опирающегося на массы служилых сословий, с боярством. Либо избираемый князь-царек пред сильными боярами, как было долгое время в Польше, либо великий князь становился действительным владыкой социальной пирамиды. Во втором случае великий князь возводится в ранг Царя – Помазанника Божия (вот наследие Византии), а все его подданные становятся служителями его царства. Историческая “зажатость” Московии между сильной тогда

Литвой, а затем Польшей и Поволжскими ордами, уже не очень объединенными в Великую Орду, предопределила характер исторического развития Московии в этот период, а именно: шатания от великодержавности, самостояния, поствизантийской тяги к имперскости (1-й путь), пробоярской тяги к западничеству через Литву, Польшу и др. (2-й путь) до возврата к старому, проордынскому наследию (3-й путь). Борьба этих направлений проявилась в эпоху Ивана Грозного, в Смутное время и даже позже.

1-й путь наглядно демонстрирует удар Московии в восточном направлении. Сначала было покорение Великого Новгорода, затем в 1552-м году была взята Казань, а затем и Астрахань. При взятии Казани эффекты "самостояния" и "западничества" проявились уже в значительной мере: это и жестокость Московии при штурме города, и уничтожение национальной библиотеки Казани, бесценной сокровищницы древнерусской литературы / 10 /. Все Поволжье было подчинено новому победителю. Затем последовала долгая и упорная Ливонская война, итогом которой явилось хотя бы то, что Московия отстояла свое право быть самостоятельным государством. С двумя ближайшими соседями Московия со временем "разобралась", но предстояло пока еще очень робкое, но "выяснение отношений" с Османской империей.

Именно в это время, то есть в середине 16-го века, произошла первая стычка Руси в лице Московии с турками. Турки в то время пытались построить Волго-Донской канал. Вот, оказывается, кому принадлежит эта идея. Поэтому захват Московией Астрахани обеспокоил турок. Русские, и Московия в частности, очень долго не рассматривались турками как угроза, в 1492-м году им предоставлено было право свободно торговать на территории империи. Но принятие Московским великим князем титула царя в 1547-м году и, главное, захват Московией Астрахани, служившей заметным звеном в торговой цепи Запад – Восток, были нежелательными для турок. Последовал ответный ход – крымский хан Девлет-Гирей сжег пригороды Москвы. Царь осознавал, что тягаться с турками ему еще очень рано, и он пошел "на мировую". В итоге эта "мировая" оказалась очень выгодной для Москвы. Крым и земли вокруг признавались турецкими, но Астрахань была уступлена царю и (самое важное) татарам, и Московии предоставлено было право самим делить пальму первенства в регионе.

В это время, то есть примерно к середине 16-го века, ситуация на Западе изменилась. Во-первых, могущество Османской империи заставило временно приутихнуть агрессивные аппетиты Запада в отношении Средиземноморья. А во-вторых, в самом центре Европы вновь разгорелось внутреннее неустroение, начались войны и религиозный раскол. Вот почему Московия и вообще вся промежуточная зона от Германии до Поволжья оказались определенное время варящимися в собственном соку. В 16-м веке Германия оказалась раздробленной,

лишь Пруссия представляла собой хоть какое-то подобие целостности. Так что прямой силовой агрессии со стороны Запада на Русь-Московию бояться было нечего. Давление стало не столько военным, сколько политическим и направленным прежде всего на верхушку власти. Однако ближе к концу 16-го века ситуация в Московии вновь обострилась. В связи с усилением Польши у Московии опять наметился сильный западный противник.

НОВАЯ АКТИВИЗАЦИЯ ЗАПАДА. НОВЫЙ СВЕТ. РАЗДЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ. ПИК ОСМАНСКОГО МОГУЩЕСТВА

Ситуацию на Западе можно охарактеризовать в то время следующими моментами:

1. Разгул религиозных войн, усиленных чумой, раздробление и ослабление Германии как континентальной страны. Следствие – повышение свободы действий других европейских государств, прежде всего имеющих океанский флот. Начало разделения Запада на континентальную и имперско-колониальную “мореходную” части.

2. Стратегическая переориентация на захват и эксплуатацию земель Нового Света. Резкое расширение владений-колоний по всему миру.

3. Налыв американских и иных колониальных драгоценных металлов и товаров в европейские государства, обладающие значительными военно-морскими силами. Резкое возрастание богатства и силы этих стран. Частичная передача этих средств в покорные Западу страны католического вероисповедания. Торговля со “старым” Востоком.

4. Укрупнение государств и усиление королевской власти.

5. Вкладывание значительных средств в развитие техники. Усиленное развитие военно-морских сил как необходимое условие расширения этих перевозок. Модернизация и усиление армии, внедрение огнестрельного оружия в западных армиях.

Теперь становится понятным, почему именно Германию постигла судьба внутреннего развала. Она была континентальной страной. Соседство-конкуренция ее с “полумореходной” Францией стало определяющим. Все западные державы, имеющие значительные морские силы, то есть западноевропейское побережье Атлантики, стали расти как на дрожжах. Испания, Англия, Франция и даже маленькие Португалия и Голландия – вот список, отражающий это поистине новое и великое мировое явление.

Конец 16-го века можно, бесспорно, считать новой вехой мировой истории. Эта эпоха резкой активности Запада, выросшей из богатств Нового Света. Началось третье наступление Запада на «старый» Восток. Базисом этого наступления стали сокровища покоренных земель многих регионов земного шара. Этот базис, вложенный час-

точно в развитие собственной техники, стал основой взлета Запада. В другом случае история, возможно, пошла бы иным путем, ведь в самой Западной Европе не так-то было много ресурсов для крупного рывка вперед. Покорение "старого" Востока осуществлялось не только мечом, но и золотом. В Новом Свете покорение шло, разумеется, только мечом.

Сопоставив ряд событий второй половины 16-го века и рубежа 16–17-го веков, можно убедиться, что на рубеже веков дело обстояло следующим образом:

1. Наибольшей силы добились "мореходные" страны Запада, а континентальные его части потеряли былую силу. Прекрасное подтверждение сему – судьба некогда великой Германии, которая теперь лежала в руинах и была разбита на множество квазинезависимых осколков былой славы.

2. Первая крупная победа объединенных сил Запада над Османской империей. Это было невиданное доселе событие. В 1571-м году в морском сражении при Лепанто турки потерпели поражение / 26 /. Примечательно то, что это была именно морская победа, победа флота государств, уже имеющих опыт дальних сообщений и океанских батальи, флота, технически существенно перевооруженного.

"Сработала" цепь явлений: открытие Америки – эксплуатация – богатство – вложение в техническое развитие и прежде всего во флот как необходимое средство коммуникаций Запада – расширение захвата Нового Света – соответствующее развитие военно-морских сил. И хотя до первого крупного сухопутного поражения турок было еще далеко, но дело к этому шло неуклонно.

3. Эпоха наибольшего подъема Османской империи при Сулеймане I Великолепном (1520 – 1566) закончилась / 26 /. Далее начался спад, и империя покатила к своему краху. Теперь можно, безусловно, сказать, что это начало, помимо всего прочего, надо связать с западным влиянием. Может показаться просто маловероятным, чтобы максимальный расцвет великой империи самостоятельно как-то уж больно быстро сменился почти непрекращающимися временами ее упадка. Однако это западное влияние "совпало" с рядом внутренних причин ослабления Османской империи, о которых все же следует немного сказать:

а) проявление корпоративности в верхах Османской империи. Теперь, например, стало можно завешать свои служебные посты. На некоторое время этот процесс падения приостановила жестокость Мурада (может, излишняя, а может, и нет, ведь "он наказывал не простых людей, а тех, кто правил ими" / 26 /), но ненадолго.

б) укрупнение землевладения и усиление принципа наследования в ущерб принципу наделения землей за заслуги. Происходила естественная деградация мелкого землевладения, питающего один из «костяков» армии турок. Причем кавалерия перестала быть основной силой в прямых полевых батальях.

4. Главное, на чем основывалась сила Запада, это, безусловно, "приток испано-американского золота из Нового Света" / 26 /. Серебро как денежное средство стало уступать более дорогому денежному носителю и аккумулятору богатства – золоту. Запад сознательно старался более или менее сохранить высоким прежний "курс" золота, хотя получал его сравнительно "легко" в Новом Свете. Автоматически произошло обесценивание серебра, что привело к финансовому ослаблению "старого" Востока.

5. Основой перестройки армий Запада стал технический прогресс, а характерной чертой – широкое внедрение огнестрельных средств ведения боя в полевых сражениях. Сухопутные армии Запада приобрели относительно легкую, но сильную полевую артиллерию, а пехота – многочисленные ручные средства "огневого боя".

Здесь очень важно то, что изменился сам характер сражений. Если ранее они происходили чаще всего вблизи городов или в самих городах, при этом легкая конница обычно "обрабатывала" местность вокруг этих городов, то теперь ситуация изменилась. Теперь серьезные победы достигались, как правило, в прямых столкновениях многочисленных, собранных в единый кулак армий противников, столкновениях "во чистом поле". Такие сражения "во чистом поле" происходили, конечно, и ранее, но это были очень крупные, исторически очень серьезные сражения, требующие обычно подъема масс людей со многих земель, то есть сражения, сравнительно редко происходящие. После такого сражения следовало "замирение" – заключение мира в пользу, разумеется, победившей стороны. Осады городов, конечно, продолжались, но не они теперь стали главными. Здесь играет роль то обстоятельство, что война велась не с целью выжигания местности и уничтожения "чужого" населения (это придет потом), а именно для захвата территории и населения с целью укрепления своей мощи. А раз так, то разрушенное хозяйство становилось плохой добычей. "Разумней" в этом плане было осуществить столкновение на каком-нибудь маленьком пятачке захватываемой территории – поле сражения двух противодействующих армий – и выяснить таким образом победителя, то есть того, кому достанется эта или какая иная земля с ее богатствами. Такой стиль войны сохранился до 19-го века. Наполеоновские войны были именно такими. Лишь много позже при тотализации военной машины государство появились такие реалии, как линии фронта. В связи с этим теперь при столкновении армий на узком участке – поле сражения – атаки конницы уже не могли с прежним успехом поражать пехоту, вооруженную мощными огневыми средствами.

6. Новое давление Запада на Русь. Иван IV в свое время отклонил унию с католической церковью. Вслед за этим началось сильнейшее давление на Московию. Вторая половина так называемой эпохи Ивана Грозного, царствование Бориса Годунова уже есть время такого воздействия. Апофеозом его стало Смутное время.

Все это было неслучайно, все происходило именно на рубеже 16–17-го веков, результаты Смутного времени оказались в целом прозападными. Теперь ясно – это звенья одной цепи, то есть Западного движения на “старый” Восток. Большинство фактов того времени легко укладывается в такую канву. И не совсем четкая, а скорее всего просто “подправленная” прозападными авторами историческая картина того времени / 12, 27, 28, 30 /, и внезапная смерть Бориса Годунова, человека греко-русской ориентации, и факт подписания Киевским митрополитом Михаилом Рагозой новой унии на соборе 1596 г. / 11 /, и немилосердное убийство сына Бориса вместе с матерью, и действия Лжедмитриев (или “Лжедмитриев”), и призвание московскими боярами на царство польского королевича Владислава, и семибоярщина, по сути, впустившая поляков в Московский кремль, и наличие “темных мест” при избрании царем Михаила Романова, и еще многое другое / 11, 12, 27, 28, 30 / – все это свидетельствует о наличии больших западных (в лице поляков и представителей папы) и прозападных (в лице боярства прежде всего) сил, действующих на территории Московской Руси.

Собственно говоря, как раз эти силы ответственны за развязывание второй гражданской войны на Руси, которую принято называть Смутным временем, но которая фактически началась несколько раньше. Первой же гражданской войной вполне можно назвать растянутую по времени эпоху Русско-Ордынскую.

7. Богатства Нового Света стали настолько определяющими в западноевропейской политике, что уже началась новая западная борьба за куски этого богатства. В такой борьбе использовалось все, даже различные религиозные “тонкости”. Богатеющая Испания стала наполнять завистью остальной Западный мир и прежде всего его основного конкурента – Англию. Королева Елизавета Английская, например, стала называть испанцев “идолопоклонниками, которые фальшиво признают имя Христа”, причем она утверждала, что “сверхидолопоклонник – король Испании” / 26 /. Французский и английский протестантизм пытался сговориться с турками для того, чтобы направить силы турок против испанцев, то есть натравить их на своих “братьев христиан”. И тут последовала знаменитая гибель испанской армады в 1588 году. После морской победы над Испанией основным “морским” лидером Запада стала Англия – великая морская держава, а полуконтинентальным – Франция, полуморская и полусредиземноморская страна.

8. Идеологический фундамент Запада, как зеркало, стал отражать происходящие изменения. Этот фундамент, также как и сам Запад, довольно радикально изменился. Известный философ С.Л. Франк дает такую характеристику предшествующей, то есть как бы подготовительной для рассматриваемого времени, эпохи Ренессанса / 9 /: “Это есть первый и открытый мятеж против христианства”. Он говорит также, что Ренессанс есть “... добывание истины... из внутреннего

источника человеческой личности”, и называет дух Ренессанса фаустовским духом. Здесь все хронологически совпадает, все верно, ведь эпоха Ренессанса – это время, когда Восток еще побеждал попользования Запада и Запад вполне “логично” встал на путь исправления своих первоначальных идеологических установок. Запад в то время стал искать новые пути для своих целей: захват, эксплуатация, властвование. Вот откуда корни западных ересей, обновленчества и инквизиции. Можно по-разному относиться к проявлениям западного духа, но то, что методическая направленность его не ослабевала никогда, должно вызывать определенное уважение. Поэтому столь же логично наступила Реформация, эпоха протестантизма, время, когда христианство стало заменяться более “практическим”, более приземленно-доходным учением, соответствующим новым задачам Европы. О Реформации С.Л. Франк столь же емко пишет следующее / 9 /: “Реформация – есть восстание в области самой христианской религиозности, а ее тема есть ... утверждение имманентной человеческому духу внутренней религиозности”. Видите, как динамично “развиваются” в формулировках С.Л. Франка точно посаженные на свое место слова при переходе от Ренессанса к Реформации: сначала “мятеж” и “добывание” – затем “восстание” и “утверждение”. Далее в / 9 / С.Л. Франк выражается еще более социально-конкретно, он говорит, что Реформация есть восстание “свободной религиозной личности против сверхличностного духа соборной святыни человечества”, что с протестантизмом произошла потеря “самого источника религиозного питания» и, наконец, что “... с самого начала 16-го века и в особенности в 17-м веке ... суровый религиозно-страстный пуританский дух завершился безрелигиозным пафосом прав человека и привел к полной секуляризации государственно-общественной жизни”.

Отсюда дорога к идеологии технического прогресса, к обожествлению человеческих потребностей, к “гражданским свободам”, к индивидуализму, за которым уже неминуемо будет точить ножи новая, невиданная доселе тирания. Отсюда и последующие факты истории: английская революция 17-го века, разорение английского крестьянства, колонизация Америки, насильственное, беспрецедентное в истории переселение туда африканских рабов, французская революция 18-го века, тоталитаризация, материалистическое развитие “цивилизованного” человечества без существенного адекватного развития духовно-религиозных норм.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РУБЕЖ: КОНЕЦ 16-ГО – НАЧАЛО 17-ГО ВЕКА

Начало конца “старого” Востока как доминирующей силы, начало эпохи, когда Запад в лице многих “морских” держав и значительной части Средиземноморья стал вновь усиленно воздействовать на “ста-

рый” Восток в лице уже ослабленной Османской империи и, по сути, разрушенной Ордынской власти Волго-Уральского региона (руками Московии) – это рубеж 16–17-го веков. А далее все покатило по намеченной дороге, началось разрастание-расширение Запада по всем географическим направлениям и во всех отношениях: экономическом, военном, политическом, идеологическом, культурном. С середины 17-го века Средиземное море уже фактически турками не контролировалось, недаром это время – время нового расцвета Венеции. Однако высокой скорости распространения цивилизации мешали сами европейские страны, их борьба между собой не давала возможности использовать все получаемые ими средства для внешней экспансии. Это давало определенную передышку многим восточным и полувосточным государствам. Но передышкой Восток воспользоваться не сумел, хотя отчасти и пытался. Примерно с середины 17-го века Европа вновь находится в состоянии войны. С севера, из Скандинавии, на побережье Балтики и в Центральную Европу давно уже пришли выносливые, мужественные, хорошо организованные, хотя и малочисленные шведы, которые сумели захватить под свою “опеку” большие куски Европы. Идеи европейского религиозного раскола подливали масло в огонь.

В середине 17-го века произошла Английская революция, мир увидел нечто новое – “законное” пролитие королевской крови. Эта революция, давшая дорогу буржуазии к реальной власти, была вполне закономерной. Более того, она неслучайно произошла именно в Англии, “ладычице морей”, победившей недавно в «корабельной конкуренции» и вставшей на путь интенсивной эксплуатации Нового Света. В Англии произошел промышленный переворот, возникло в противовес старому «новое» дворянство. В итоге этой революции в угоду буржуазии крестьянство в массовом порядке было согнано с земель, частично превращено в нещадно эксплуатируемых рабочих.

Многие англичане, в том числе и эти “продукты” революции, устремились в Новый Свет в поисках лучшей доли. Одни были движимы духом предприимчивости, духом карьеризма на еще “несхваченном” месте, другие – ожиданием большей свободы и даже ненавистью к недавнему социальному порабощению в своей отчужденной Англии, но главное – ожиданием захвата несметных богатств Нового Света. Много среди них было людей с расшатанной или как минимум “упрошенной” верой, с ослабленным чувством справедливости, но жаждущих заполучить то, чего они были лишены на родной земле. Вот откуда произрастают многие корни сегодняшней Северной Америки, вот откуда доминанта английского языка не только в самой сильной ее части – США, но и во многих других частях покоренной Англией и ее эмигрантами мира, вот откуда агрессивно-деловой “менталитет” далеких потомков американских переселенцев. Вот откуда глобальная творческая суперспособность в финансовых сферах, относительная скудость в высокой религиозности, глубоком искусстве и др.,

вообще в духовной сфере бытия. Вот откуда равнодушие и безжалостность в обращении со многими "малыми сими", не говоря уже об уничтожении индейцев и насильственном переселении негров.

Теперь становится понятным, почему "полуконтинентальная" Франция несколько запоздала в своей буржуазной революции, свершившейся значительно позже – в конце 18-го века: у нее было меньше колоний в Новом Свете. "Почвенность" Франции, ее сухопутные соседства и морское лидерство конкурента – Англии – были как раз теми объективными условиями, отодвинувшими срок прихода к власти буржуазии и вообще новых антифеодальных веяний. Вот откуда самобытная французская культура, которая не умерла в связи с "полуконтинентальностью" Франции.

В других регионах в это время было следующее. По сути, прозападная романовская власть сумела утихомирить старые древнерусские настроения, она мало-помалу насаживала свои порядки. Осколки старых устоев в лице раздробленного казачества, традиций древних родов, нравственных уложений, древней религии и культуры тогда еще уживались с романовской династией. Еще сильна была православная церковь. Вспышка-восстание Степана Разина не смогла сбросить эту династию с русского тела.

Но третья из упомянутых выше тенденций – провизантийская имперско-государственная – продолжала жить и бороться. Наглядный пример тому – возвышение Никона, во многом как раз такой была его ориентация в первый, "фаворный" этап нахождения его у власти. Присоединение Украины, усиление влияния церкви и даже само строительство Нового Иерусалима в Подмоскovie при Никоне говорит о силе этой тенденции. Но такие подвиги шли вразрез как с интересами прозападных сил на Руси, так и со стратегическими интересами самого Запада. Началось оформление духовного разделения Руси, проявившееся в таком явлении, как раскол Русской Церкви. Заметьте, как последовательно совершалась работа: сначала раскол на Западе, затем – на Руси. Ничего нет необычного «под лунной», то бишь в социологии.

У Османской империи проблемы тоже нарастали, она стала неумолимо слабеть при "цивилизованной помощи" все усиливающейся Европы. Но Русь и Османская империя имели еще много внутренних сил, поэтому началось натравливание их друг на друга. Крепчайшим подтверждением сему является то, что далее в истории и в правлении княгини Софьи, и при Петре I, при почти всех Романовых, то есть всю дальнейшую историю эта стратегическая, глобально нерезультативная и изнурительная борьба продолжалась до гибели обоих царств. Здесь работал известный прием – подталкивать "чужие" народы к борьбе между собой. Цель приема – нейтрализация их сил, отсутствие необходимости использовать свои силы для этой нейтрализации, ослабление сторон, а далее – более или менее свободное проникновение в эти страны.

Сценарий очевиден. Теперь понятно, кому он был полезен. Началось его воплощение в жизнь. В середине 17-го века произошла стычка теперь уже России с турками в районе Азова. Царь при этом "не мешал" азовским казакам. Но как только дело стало серьезным, он их не поддержал. Турки взяли Азов. Царь на конфликт далее не пошел, но трения с Османской империей стали нарастать.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ – СЕРЕДИНА 17-ГО ВЕКА. КОНЕЦ СТАРОЙ РУСИ

К середине 17-го века комплексные усилия Запада дали свои плоды. Как написано в / 26 /, в истории Европы произошел "судьбоносный поворот", а именно в 1664-м году "туркам было нанесено первое решительное поражение в генеральном сражении "неверных" с христианскими войсками Европы". Коренные причины такой победы уже описаны выше. Следует добавить к этому некоторые "технические тонкости". Основным массивом армии, наряду с наемными высокооплачиваемыми войсками, становилась солдатчина. То есть низовая часть армии комплектовалась из низовых частей общества не столько по их свободному личному желанию, сколько по принуждению, найму или по так называемой социальной обязанности (например, обездоленность, обманное обращение в солдаты, затем просто рекрутирование). Это солдатское регулярное "быдло" (простите за резкость, но суть такова) муштровалось и обучалось простым, регулярно-уставным боевым приемам. Вот где совсем уж кстати пригодились безыскусные индивидуальные средства огневого боя для этих "пешек войны".

Однако этим "пушечным мясом" надо было управлять. И выращено было офицерство, комплектуемое из более или менее высоких слоев общества, прежде всего из дворянства. Такая смешанная рабско-дворянская организация армии создала в ней жесткую иерархию, торжество принципа централизации военной власти и еще многое другое. В целом это придало западным армиям следующие довольно четкие черты:

1. Жесткое подчинение снизу доверху. Работа по приказу, по плану при уменьшении роли инициативы. Отсутствие необходимости в индивидуальном военном искусстве у низших чинов.

2. Профессиональная подготовка низов сводилась к простым, четким и технически обеспеченным приемам ведения боя. Подготовка велась дикой муштрой, выбивающей многие человеческие инстинкты, в том числе даже инстинкт самосохранения.

3. Усиление технического оснащения армии, компенсирующее многие другие ее "недоработки". Массовое использование полевой артиллерии и широкое применение индивидуальных огневых средств.

Все это в целом привело со временем к использованию "колонных" форм ведения боя, когда сражения проводятся очень плотными рядами пехоты, вымуштрованной настолько, что она стала способной идти под сильным, выкашивающим рядами огнем противника. Потери компенсировались плотностью колонн, то есть заменой выбывших из строя солдат другими. Эта "колонная" форма имела еще одно важное преимущество. Быстро преобразуемая в каре пехота, оснащенная огневыми средствами и дополняемая полевой артиллерией, оказывалась сильно защищенной перед волнами атакующей кавалерии. Кавалерийские части стали играть второстепенную роль в полевых баталиях.

Что могли этой военной машине Запада противопоставить турки? В плане атаки – не так уж и много. Кавалерия, основное средство удара, становилась бессильной перед полевой артиллерией и плотными пехотными рядами. Знаменитые "палисады" янычар были оборонительным средством, а нерегулярные толпы необученных масс теперь не выдерживали плотного ружейного и артиллерийского огня. Да и беззаветная храбрость и личное боевое искусство теперь легко обращались почти в ничто перед "пулей-дурой". Поэтому именно в это время "раз и навсегда сила Запада превзошла силу Востока" / 26 /. Немаловажным обстоятельством стало также то, что у турок "... финансовые операции были сосредоточены в руках населявших ее меньшинств" / 26 /. В мире, где силой и властью все более и более становилось золото, такая ситуация неизбежно порождала отставание Османской империи в своем развитии.

Итак, середину 17-го века можно бесспорно считать новым рубежом мировой истории, рубежом победы Нового Запада в общевропейском и евразийском масштабе. Как раз в это время произошел сильнейший крен и во всей русской жизни. Соединение трех событий середины 17-го века, не считая массу менее важных, а именно: Английской буржуазной революции, победы Европы над турками в сухопутном генеральном сражении, сильнейшего русского крена – позволяет признать сей рубеж европейской победы в качестве существеннейшего, надолго определившего всю дальнейшую дорогу человечества.

Для полной ясности остановимся немного на ситуации в России того времени. Романовская власть под давлением Запада прервала цепь провизантийских изменений. Буквально через два года после генеральной победы Европы над турками, в 1666 г. (роковой год «трех шестерок», может быть, вот оно, смысловое значение числа 666), был снят патриарх Никон и одновременно нанесен сильнейший удар по русской религии – раскол. Надо также помнить, что не старообрядцы пошли на раскол. На церковном соборе 1666 года, где иноземные церковные иерархи играли заметную, если не сказать определяющую, роль, был не только отрешен от сана патриарх Никон, было поставлено вне церковного закона все ортодоксальное

религиозное крыло, названное старообрядчеством. Так была открыта дорога к уже не замаскированному, а открытому узурпаторству на Руси, которое и осуществил известнейший деятель своего времени Петр I. Ну никак не повернется язык назвать его великим, вообще слово "великий" очень часто присваивается явлениям и лицам, максимально успешно продвигающим интересы Запада за счет "туземного" населения земного шара.

Произошла еще одна адекватная этому времени деформация духа Востока. В сознании как православного человека, так и мусульманина стали все более и более мелькать мысли следующего толка: "...божья воля все равно осуществится независимо от вмешательства человека ..." / 26 /. Это была кардинальнейшая деформация духа, произошедшая скорее всего именно в этот период. Вера становилась все более и более пассивной, страстотерпцы и мученики становились все более и более в ряды святых. К великому образу Георгия Победоносца, к образам других "воев за веру православную" никто из современников того времени и не приближался. Да и образ Святого Георгия скорее всего был так тогда изменен, что первоначальной сути-то его уже и не раскопашешь под всевозможными историческими наслоениями. Искусство Руси прекрасно на все это отреагировало. Куда подевались чистейшие, смелые, радостно сверкающие, громко поющие краски, где поэтично-гармоничные и в то же время экспрессивно-настойчивые и неподражаемые в своей правоте линии древнерусской иконописи? Все это исчезло из палитры художников, из графики знаменщиков. Поистине искусство есть самая точная и осмысленная фотография времени.

И все же несмотря на это, даже во второй половине 17-го века это была эпоха, когда еще боролись в России три тенденции:

1. Прозападная, охватывающая в основном часть верхов.
2. Государственная, представленная служилым сословием и людьми-"почвенниками" различного ранга, ратующими за создание сильного самостоятельного государства.

3. Старопорядковая (казачество, крестьянство, староверие и др.).

Конец шатаниям на три стороны положил Петр I, сделав окончательно из Руси Россию. Он круто повернул руль в сторону, повернул как недобрый хозяин вверенного ему мощного народа и государства, повернул в сторону, по сути, слуги Запада, на дорогу последующих времен откровенной иноземщины и более чем вольного престолонаследия, при котором на троне кто только ни побывал. Последствия петровского времени несколько исправить смогла только Екатерина II, хотя кое-что сравнительно полезного и в эпоху Петра все же было сделано. Петр I непомерными ложками вычерпывал силы из русской сокровищницы для очевидно прозападных целей. Он ввязался в борьбу с Османской империей, он первый русский царь, кто стремился подорвать ее могущество / 26 /. Это ему не удалось. В конечном итоге был заключен унижительный для России мир с

турками. Он разрушил устойчивый ранее мир со Швецией, которая в то время властвовала над частью Европы. Именно для этого царя-неуча приглашали и обучали западным прелестям. С ним любезничали в основном те, кому были нужны силы России для снятия шведского давления.

А какой итог? Он выполнил чужую задачу – освободил Европу от шведов, но не получил в Европе преданных союзников. Его ставленники с легкостью предавали его. Он “прорубил окно” в Европу, построив Петербург, точнее, прорубил оконце-шелку к узкому Балтийскому заливу, шелку, которая во все последующие войны легко запиралась вражескими флотами. Правда, имело место торговое значение этой “шелки”, когда она была расширена включением в состав Российской империи Риги, древнейшего порта Европы. Вот почему Запад всегда старался “опекать” прибалтийские государства. Петербург, построенный ценой огромных жертв, стал впоследствии промышленной и культурной базой Новой России. Но и он, прозападный, оказался тем рассадником смуты, которая впоследствии похоронила самих Романовых под обломками революции (точнее, Гольштейн-Готторпскую династию / 31 /).

Итак, была создана новая северная коммуникационная линия Запад – Восток (первая шла через еще более Северный Мурманск), используемая, кстати говоря, тем же Западом для своего обогащения за счет русских достояний. Так и не усваивается одна простая мысль, что двойная игра многих соседей России всегда заключается в том, чтобы сравить Россию с сильным соседом, связать их войной друг с другом, максимально ослабить, помогая слабеющей стороне, не давая никому победить, но искушая заманчивой целью (например, Константинополем для России), а затем по возможности подчинить или поработить. Поэтому, многократно повторяясь, происходили войны России и Турции в 17-м, 18-м, 19-м и даже 20-м веке. Как упрямо-устойчивы эти “традиции”. Но не это удивительно, поразительно то, что многие люди так и не научились понимать их истинный смысл.

Приманкой для России всегда был Константинополь как Византийский центр православия. Россия нередко вроде бы получала одобрение Европы в своем “законном” славяно-объединительном движении в сторону знаменитых проливов. Но как только Россия подходила близко к заветной цели, сильные страны молниеносно ставили ей мощнейшие препятствия. Западу вовсе не нужно было объединенное обширное славяно-русское государство с выходом через Черное море на Средиземноморские просторы. Закупорить Россию в Черном море, заставив ее постоянно враждовать с Турцией и не давать серьезно расширяться, – вот вполне очевидные региональные цели. Все это прекрасно демонстрирует дальнейшая история России и в эпоху Екатерины II, и позже. Особенно это стало наглядным во время Крымской войны в середине 19-го века.

Если поглубже заглянуть в петровское время, то можно выделить все же несколько важных позитивных моментов той эпохи:

1. Была значительно разрушена старая корпоративность родов романовского времени. Такое разрушение позволяло поднимать наверх предприимчивых и не всегда только вороватых, но и деловых "птенцов гнезда Петрова".

2. Отказ от опоры на боярство проводился, разумеется, без опоры на низовые массы, крестьянство прежде всего, которые при Петре I усиленно закабалались. Петр явил этим типично западнический подход – подход к массам как к "материалу", как к рабам. Этот подход заключался в опоре на лояльное дворянство, откуда Петр питал свои силы. Новое дворянство стало основой его власти, оно и создало костяк новой государственности России, вырастило новое привилегированное служилое сословие.

3. Петр I насильственным способом стал насаждать все без исключения западные "достижения". Этим хотя бы усилилось проникновение новинок Запада в Россию.

Все это в целом никоим образом не компенсирует тех глубоко разрушительных явлений, пришедших с эпохой Петра I, но не сказать об этом тоже нельзя.

НОВЫЙ ЗАПАД. ЕКАТЕРИНА II

Однако вернемся к истории. Период конца 17 – начала 18-го веков максимально проявил Новый Запад как решающую силу. Он ознаменовался победой над "древностью", но еще пока не над феодализмом. Совсем недаром это время считается концом древнерусского искусства. С этого момента в исторической литературе принято называть русское государство Россией, уже не Русью.

В это время в мире набирали полную силу следующие тенденции:

1. Дальнейшее усиление внутриамериканской конкуренции крупных морских держав.

2. Существенное перерождение европейских государств, проявляющееся в том числе в виде борьбы идущей вверх буржуазии со старой аристократической властью.

3. Расширение промышленного производства, увеличение массовых товаропотоков.

4. Дальнейшее отставание в развитии Османской империи по сравнению с европейскими государствами, практическое подчинение России стратегии Запада.

5. Усиленное освоение Нового Света. Проявление стремлений к освобождению от метрополий со стороны ранних переселенцев.

6. Развитие центрально-европейских государств при сохранении состояния их меньшей мощи по сравнению с морскими державами Европы. Распространение на них духа Нового Запада. Проникнове-

ние в них западных достижений. Формирование на этой базе устойчивых государственных систем: Австро-Венгрии, Пруссии и др.

7. Наличие столь эффективных обходных путей к иноземным богатствам, минующих "старый" Восток, а также энергия, затрачиваемая на "переваривание" огромнейшего Нового Света, оказались столь важными, что это привело к временам меньшего прямого силового давления со стороны Запада на "старый" Восток. Континентальные центрально-европейские державы в этой связи выполняли роль своеобразного буфера "новый Запад – старый Восток". Напор в прежнем направлении, разумеется, не ослаб, но он переместился в другие сферы: политическую, финансовую, культурную.

На этих тенденциях базировалось все новое в жизни Европы, Евразии и значительной части других регионов Земли до примерно второй половины 18-го века. Османская империя продолжала слабеть, в России сменялись-мелькали царьки. Однако приход на Российский престол "хозяйственницы" – Екатерины II – несколько изменил ситуацию. Справедливости ради надо сказать, что к изменению ситуации приложила руку ее предшественница на троне Елизавета, но плоды изменений были выращены именно при Екатерине II – в России сильнейшим образом заработало прогосударственное направление. Базируясь на послушных трудовых массах, огромных богатствах России, на некотором поднятии национального духа и созданном служилом сословии, новая власть сумела многого добиться. Являясь сама западницей, Екатерина II, разумеется, не гнушалась полезными западными достижениями. Однако не в пример своему недалекому предшественнику, взбалмошному бездумному плагиатору Петру I, она делала это с умом и в меру, причем делала, не игнорируя, а во многом опираясь на русские национальные черты, не очень оскорбляя русский дух.

Успехи регионального плана не замедлили сказаться. Укрепление могущества России, результативные победные военные компании, действительное, а не дуто-показное, как при Петре, построение флота, представление независимого политического лица Российской империи – вот неоспоримые факты того времени. В эпоху Екатерины II произошла последняя крупная вспышка постордынских настроений в виде восстания Е. Пугачева. И опять, в который уже раз это было Поволжье. Вечное стремление русской души к воле и лучшей жизни, еще неубитая память о древних порядках, а также выращенное разделение "власть – народ" по практически всем сферам бытия – все это вливало в ряды восставших значительные силы. В этой схватке воочию стали видны преимущества западного стиля фронтального боя (плотный строй хорошо вооруженной огневыми средствами вымуштрованной пехоты плюс мощная полевая артиллерия) над казачьими атаками и толпами народа. Староордынские порядки окончательно ушли в прошлое. Память о них стала интенсивно выкорчевываться.

Создание мощной России, вновь претендующей на Константинополь, показало Западу, что Россия самовозрождается, что Западу следует начинать принимать более сильные меры в отношении "старого" Востока, лицо которого теперь в значительной степени стала определять ставшая независимой Россия.

Здесь нельзя не отметить следующее. Екатерина II провела в жизнь несколько крупных деяний, которые потом здорово "аукнулись" не только России, но и Европе, "аукнулись" как в отрицательном, так и в положительном смысле. К ним можно отнести следующее:

1. Создание сильной регулярной армии по западному образцу, боеспособной по отношению не только к туркам, но и к армиям центрально-европейских государств.

2. Реальное создание Российского флота. В целом это породило серьезные претензии России на Константинополь как стратегический российский ориентир, показало Западу, что Россия пусть и в новом качестве, но вновь может представлять угрозу для Запада.

3. Освобождение дворянства от обязательного служения. Это неминуемо дало свои как положительные, так и отрицательные плоды. Рациональный принцип организации социальных систем, заключающийся в том, что каждый социальный слой несет на своих плечах свою, отличную от других общественную нагрузку, был разрушен. Расширилась дорога к открытому паразитированию привилегированного класса – дворянства. Та основная сила, на плечах которой Петр I начинал строить свою империю, добилась-таки для себя социального максимума, напрямую граничащего с будущим вырождением. Произошло дальнейшее вбитие клина в социальный организм России. Это проложило дорогу ко многим явлениям: от восстания декабристов до высокого всплеска культуры (один Пушкин чего стоит). Это, с одной стороны, позволило использовать энергию выдвинутых в пользу государства, но с другой стороны, укрепляло роковое разделение общества на две большие части: освобожденную привилегированную и закрепощенную эксплуатируемую, что явилось, по сути, предтечей катастрофы России в 1917 году.

В это время в Центральной Европе произошли перегруппировки. В 1764-м году была ликвидирована Великая Польша, которая явила миру пример того, что только сильная государственная власть, а не дворянская вольница может обеспечить долгоживучесть социального образования. Сформировалась достаточно большая Австрийская империя, претендующая на звание основного государства Центральной Европы и заинтересованная даже в Итальянских берегах. Росло влияние Пруссии. Испания и Португалия находились в относительном проигрыше по сравнению с владычицей морей – Англией. Недовольство западных стран в отношении возрастающей мощи России вылилось в откровенную помощь слабейшей Турции. Сказка про " ...белого бычка" повторялась постоянно. Русские войска в очередной войне

с турками стали одерживать победы. И тут Россия встретила негативную реакцию европейских государств. Но все же Екатерина II завладела Черным морем и построила там флот, превосходящий по силе турецкий / 26 /. Однако мечте Екатерины выйти к Константинополю так и не суждено было сбыться.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. НАПОЛЕОН. ТАЙНЫЕ СИЛЫ

В конце 18-го века грянула Французская революция. Англия уже была давно "обуржуазена" Кромвелем, теперь наступил черед Франции. Другой дороги у Нового Запада, давно уже подготовленного к новому образу жизни, существующего в бо́льшой мере за счет эксплуатации многочисленных колоний и научившегося получать большие прибыли из буржуазных операций, чем из старофеодальных, не было. Технический же прогресс стал условием и средством такой дороги. Период революционного неустройства, обычного явления всякой революции, закончился довольно быстро, Франция вновь заявила себя как великая европейская держава. Перестройка внутренней жизни во Франции позволила ей выделить значительные силы для внешней экспансии. "Розовые" соображения о том, что прежние периоды внутриевропейской грызни являются архаизмом, не характерным для нового, "цивилизованного" и «гуманизированного» мира, мгновенно рассеялись пред реалиями действительных исторических процессов. Подобные иллюзии, кстати говоря, сохраняются и поныне. Началась быстрая перегруппировка сил. Был создан тройственный союз: Англия – Голландия – Пруссия, который перекинул мостик к четвертому партнеру – Турции.

Франция находилась практически в одиночестве, но ей с избытком хватало своей собственной новой энергии, направляемой уже вовне. Итальянские проблемы столкнули лбами интересы Австрийской империи и Франции, так что к тройственному союзу была волея-неволей пристегнута и Австрийская империя. Россия находилась сначала как бы в стороне, но со временем и она была втянута в обшеевропейскую кашу.

Наметились силы, обозначились задачи сторон как явные, так и тайные, как глобально-стратегические, так и частично-политические. Теперь дело было за войнами, и они начались, начались опять по инициативе Запада. С приходом к власти Наполеона цели и направления основных движений новой Франции еще более конкретизировались. К ним можно отнести и передел европейской государственности, и стремление к уничтожению феодального династического аристократизма верхов, и распространение новых постреволюционных порядков жизнеустройства на эти государства, и еще многое другое. Эпоха наполеоновских войн принесла Европе такие плоды, потребова-вала от народов Европы таких жертв, которые как минимум показа-

ли, что именно новоевропейский дух рождает тотальный характер социальных процессов.

Но отвлечемся на миг от описания истории, обратим внимание на одно важное явление, которое на рубеже 18 – 19-го веков проявилось с большой силой. Речь идет о тайных силах, но не о силах иномира, а о реальных, сугубо человеческих силах мощных организаций, которые по определенным причинам эффективно действуют, желая максимально оставаться в тени. Можно сколько угодно убеждать людей во второстепенности тайных сил, но от этого их значение и возрастающее могущество не исчезнет. Есть масса объективных факторов и причин для их возникновения и существования, они-то и определяют неизбежность прихода этих сил в наш мир.

Пожалуй, не нужно много распространяться по поводу слабой документальной доказательности влияния тайных сил на мировую историю. Потому-то они, кстати говоря, и тайные, что им хватает ума не оставлять очень уж очевидных следов своего могущества, не выпячивать перед массами своих истинных идей, целей и средств. Можно проштудировать море литературы, часто вполне тенденциозной, посвященной этой проблеме (см., например, / 32 ...37 /), но она содержит, как правило, лишь "кусочную" документальную подтвержденность такого рода деятельности. Однако доказательный вывод о важности этой деятельности основывается прежде всего на ее мощном объективном базисе. Социальная история человечества не знает примеров в сем более чем разнообразном (пока) мире, чтобы имелись прекрасные условия для выращивания какого-либо вполне материального явления, длительно существовали бы очевидные симптомы его присутствия, но оно бы не возникло. Приведем некоторые вполне очевидные факторы и причины возникновения такого рода сил.

1. Еще в давнее время, в эпоху крестовых походов, возникли рыцарские ордена, перерожденные затем в общества другого сорта, имеющие хорошую школу совершения выгодных финансовых операций, школу тайноведения, конспирации и вхождения во власть. Они вполне могли стать базисом для создания тайных сил и одновременно средством для подготовки все новых и новых членов тайных обществ.

2. Созданы религиозно-идеологические установки, которые вполне отвечают духу элитарного меньшинства человечества, претендующего со временем на всеохватное господство и регулирование социального бытия мира.

3. Важным фактором тайного или полутайного, но выхода в свет этих сил явилось становление буржуазии, олицетворяющей собой новую власть – власть денег, а не власть авторитета аристократии, какой-либо избранно комплектуемой государственности или действительно демократически организуемой системы управления. Безличный характер денег, новых символов власти, как нельзя лучше соответствует духу тайно-теневым способам реализации этой власти. Здесь мы можем наблюдать совпадение интересов капиталистической оли-

гархии и руководства тайных организаций. Одна мечта о власти тех и других в одном лице чего стоит.

4. Существуют вполне житейские причины, приводящие снизу в ряды тайных сил все новых и новых adeptов; к ним относятся, например:

- социальная неудовлетворенность индивидуума, достигшего уровня иерархии, не соответствующего, по мнению индивидуума, его способностям;

- желание реализовать свои стремления к новой, якобы сугубо братской общности, противопоставляемой иным общеизвестным социальным общностям (семейной и т. п.);

- всевозможные ограничения и даже притеснения для носителей идей непривилегированных религиозных конфессий или различных сект;

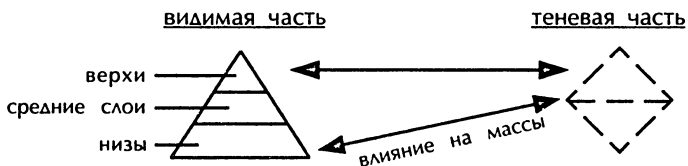
- эффект тайно-загадочности, психологически заманчиво окрашивающий познание тайных "истин", которые якобы скрываются от иных смертных.

5. Объективное наличие рвущихся к власти и богатству группировок средних слоев и даже представителей высших эшелонов феодальной знати, мечтающих о много большем, чем они могут достигнуть в феодально-кастовой системе общества.

6. Укрупнение социальных организмов, усиление международных связей, опыт организации колониального мира – все это в целом постоянно лило воду на мельницу идеи создания структур межрегионального или даже мирового господства.

7. Подавление, подчинение трудовых низовых масс, углубление отрыва их от верхов, практическое лишение их самостоятельно-активного образа жизни. Такие подвижки мировой социальной истории, в частности, не позволили своевременно создать мощный фундамент противодействия различным тайномыслиям и тайнодействиям.

Всего этого более чем достаточно, чтобы тайные силы могли возникнуть и развиваться. Как известно, на пустом месте ничего не рождается. Но нельзя забывать и "обратного" утверждения, а именно – если объективно созданы благоприятные условия для выращивания в многообразии жизни какого-либо социального феномена, то он неизбежно возникнет, разовьется и вступит в "спор с миром". Итак, можно сказать, что вполне может иметь место расслоение социальной иерархии многих государств на видимую и "зазеркальную" части. Условно это можно представить в виде раздвоения социальной пирамиды.

В этой простой схеме уже отражено и то немаловажное обстоятельство, что теневая часть охватывает прежде всего верхи общества. Далее, переходя к средним слоям, теневая часть наполняется человеческим материалом и соответственно частично "приоткрывается". В низах подлинные "теневики" почти отсутствуют, там могут находиться лишь непривилегированные исполнители.

Скорее всего действия наполеоновской Франции до окончательного падения Наполеона уже как минимум сопровождались толчками из недр тайных организаций. Иначе как-то нелогичными, а точнее, как раз космополитически рациональными и уж вовсе не национально-французскими покажутся многие движения революционной Франции, вздумавшей соперничать почти со всем, а не только европейским миром. Революция дала формальную свободу жителям Франции, объявив всех гражданами. Она дала возможность этим гражданам без многих старых ограничений заниматься теми видами деятельности, которые они пожелают, исповедовать ту идеологию, которая законодательно не запрещена, занимать те государственные посты, которые они могли теперь заслужить. Это стимулировало предприимчивых личностей и помимо других факторов приводило в целом к увеличению "энергетических" возможностей Франции. Но за все за это тут же фактически попали в кабалу многие социальные слои французской нации. Требования революционной дисциплины и исполнения законов, суровые карательные меры и введение повальной воинской повинности, которой в таких масштабах нигде и никогда еще не было, – это тоже плоды революции. Именно французская революция принесла в мир глубоко тоталитарный характер социального бытия. Это надо четко и ясно усвоить, а не ссылаться на первооткрывательство тоталитаризма большевиками. С этого времени идея всеобщей воинской обязанности начала побеждать в Европе, а затем и во всем мире. Удивительным на первый взгляд может показаться то, что такого рода нововведения прекрасно уживались с лозунгами о свободе, равенстве, братстве и с другими вполне гуманистическими заверениями верхов. Но не для того брали новые силы власть в свои руки, чтобы действовать только во благо населения.

Было получено "горючее" для армии в больших количествах и с относительно высоким боевым "качеством". Ранее с помощью революционной гильотины и других средств население было приучено к пролитию крови. Социальная мобильность верхних и средних эшелонов власти, имеющая место, в том числе в армии, первые опыты войны способствовали развитию профессионализма многих представителей военной иерархии, от генерала до обыкновенного капрала. Аристократическое инакомыслие было подавлено, идеологическая однонаправленность торжествовала. Все это в комплексе привело к тому, что полуконтинентальная Франция сумела получить огромные силы для внешних воздействий.

И неизбежное началось. По телу Европы, а также Азии и Африки поползли армии, начались войны во всех возможных и невозможных, на первый взгляд, направлениях. До поры до времени у Франции все получалось очень даже неплохо. В чем же основные причины таких успехов на мировой арене. Вот они:

1. Как уже говорилось выше, значительное реформирование армии, прежде всего введение всеобщей воинской обязанности.

2. Доведение до максимума возможностей чисто западного способа ведения боевых действий, заключающегося в том, что судьба военных компаний теперь решалась исключительно полевыми сражениями ступок армий на ограниченном участке земли – поле боя; при этом применялся концентрированный артиллерийский обстрел того участка поля боя, на который производилась атака крупных, превосходящих противника по численности плотных пехотных колонн, эта атака нередко дополнялась одновременными быстрыми маневрами конницы в том же направлении; такое комплексное воздействие на противника в решающем месте, как правило, приводило к успеху в сражении, вот ключ к разгадке многих французских побед, а не чрезмерно преувеличенная и какая-то особая военная гениальность главного руководителя – Буонапарта (кстати, о генерале Бертье обычно говорят мало).

3. Централизация власти, усиление государственных структур.

4. Предоставление возможности быстрого восхождения по социальной лестнице снизу вверх, иногда на самый-самый верх лиц самого скромного происхождения. Это было массовое явление, Наполеон здесь не исключение. В / 38 / сказано, что более половины французских офицеров того времени были выходцами из буржуазных семей, семей ремесленников и представителей свободных профессий, тогда как, например, в русской армии более 75% офицеров происходило из дворян / 39 /. Если к этому добавить рациональное использование талантов такого рода "выскочек" при наличии организаторского гения Наполеона, то сила французской армии представляется довольно внушительной. Кстати, следует разобраться, что же представляет этот гений Наполеона? При внимательном изучении фактов истории становится понятным, что Наполеон не был таким уж гениальным полководцем, каким его принято обычно считать. Он не был также прозорливым и особенно удачливым политиком (крупные стратегические просчеты и непомерное умение ссориться со всеми).

Но в чем он поистине был гением, так это в организационном устройстве вверенных ему сил, в создании наиболее продуктивной базы (в том числе законодательной) для эффективной генерации всех возможных и поистине невозможных средств достижения целей. Тут ему среди руководителей равных было мало. Он сумел выжать огромную энергию из недр французского народа. Достаточно упомянуть здесь о знаменитых ста днях перед Ватерлоо, о невиданно

быстром восстановлении сил после гибели Великого Нашествия в снегах России 1812-го года, чтобы понять и оценить это.

5. Использование финансовых средств освобожденной буржуазии; поддержка со стороны других сил, в том числе тайных.

6. Фактическое отстранение церкви от государственных дел, доходящее до демонстративного унижения самого верха католической иерархии. Следствие сему – раскрепощение духа, доходящее до революционной вседозволенности.

7. Повышенная эксплуатация низов, без этого Франция просто не смогла бы выдержать огромную внешнюю нагрузку в борьбе почти со всем остальным миром.

Порой кажется удивительным, что этой французской энергии хватило довольно надолго, если учесть, что Франция практически перессорилась в итоге со всеми: с Англией, Австрией, Пруссией, Россией, Испанией, Турцией и др. И все же эпоха Наполеона оставила огромный след в мировой истории. Был нанесен грандиозный удар по уже полуфеодальной Европе. Наполеоновская Франция не свергла аристократические верхи, но она сумела их существенно ослабить. Если по-крупному анализировать итоговую целевую направленность ее действий, то она вкратце сводится к следующему:

- расшатать, если невозможно устранить, старые порядки, старую власть;

- распространить, по возможности, на большее число народов революционные идеи; даже в удаленной России буквально через каких-то 10 лет после падения Франции, то есть в 1825-м году, декабристы подняли восстание;

- подготовить общество к новым принципам социального устройства.

Эти укрупненные цели наслаивались на государственные цели Франции по переделу мира в своих собственных интересах. В этом клубке взаимосвязанных интересов и заключалось богатство исторических новаций начала 19-го века.

В связи с этим хотелось бы сказать еще вот о чем. Почему-то именно в это время появился целый сонм многостраничных исторических монографий, довольно гладко описывающих прошедшее. Это явно неслучайное явление. Нужно было написать, а скорее всего просто в очередной раз переписать мировую историю таким образом, чтобы она максимально отвечала духу господства новой власти. Тогда становится вполне понятной утеря многих свидетельств древней истории, возникновение свежих или "исправленных" документов, уничтожение или изуродование памятников старины. Удивительно то, что походы наполеоновских войск проходили что-то уж слишком часто по участкам земли действительной или придуманной древности, максимально напичканной историческими свидетельствами: в Египте, в Малой Азии, в Италии, Германии, наконец, в России, где основной поход был на Москву, а не на Петербург. Кстати, где огромные

сокровища Москвы, увезенные оттуда Наполеоном, – ищите ветра в поле! Лишь Константинополь не подвергся этой участи, но надо помнить, что были и намерения подобного рода / 40 /. По крайней мере можно с уверенностью сказать, что современному человеку история ныне дается в виде, составленном или уж как минимум отредактированном именно в 19-м веке.

Итак, на рубеже 18 – 19-го веков Европа забурилась, начались войны. Успехи Франции заставили Англию, которую Наполеон всегда небезосновательно считал своим основным врагом, пойти на сближение с Россией. Но Аустерлиц, а затем и Тильзит подвели новую черту в расстановке сил. В этой новой ситуации Россия стала выпрашивать себе Константинополь, она выпрашивала его упрямо и, как всегда, бесполезно (нашла у кого просить!). И опять начались безрезультатные столкновения Россия – Турция. Но к 1811-му году возникла угроза войны с Наполеоном, и Россия успела подписать мир. Заигрывания Наполеона с Турцией тоже ни к чему не привели, турки знали о его намерениях относительно своей империи и решили сохранять нейтралитет в будущем великом столкновении. Франция ведь желала падения Османской империи, но, разумеется, падения без усиления России.

Началась концентрация войск “союзничающих” противников в приграничных областях. Война стала неминуемой. Здесь удивительным образом возникает аналогия сразу по очень многим пунктам с общеевропейской ситуацией в период 1940–1941 гг. Только в лице активно-агрессивной силы выступала другая, еще более континентальная страна – Германия. В середине 1812 года началось нашествие наполеоновских армий в Россию. Но через несколько месяцев оно завершилось грандиознейшей гибелью почти всех сил вторжения. Это стало переломным моментом во французской гегемонии в Европе. Как и в 1941-м году, Англия и Россия потянулись друг к другу, но потянулись не как кровные друзья, а как вынужденные союзники, объединенные общим врагом.

В чем же дело, почему такая странная повторяемость? А дело в том, что более или менее континентально-европейская страна (Франция в начале 19-го века и Германия в середине 20-го) была, с одной стороны, врагом межконтинентальной колониальной капиталистической имперскости (сначала в лице Англии, затем – в лице Англии и Америки), а с другой стороны, врагом “старого” Востока, который был всегда кровным врагом Запада вообще. И в 1812-м, и в 1941-м году основной силой старого Востока была Россия (что феодально-имперская, что социалистическая).

Изгнание наполеоновских полчищ из России еще не поставило точку во французской гегемонии, еще были победы французских армий на европейских полях. Но “битва народов” при Лейпциге в 1815-м году окончилась поражением Франции, далее все покатило к ее капитуляции. Последние великие “100 дней” были уже агонией

Наполеона, цепляющегося за остатки своего былого величия, уже ненужного, даже вредящего делу установления новых порядков. Мавр сделал свое дело...

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ. ОТТЕСНЕНИЕ РОССИИ

С окончательным успокоением Франции в Европе установилось новое распределение сил. Госпожа на море – Англия – поняла, что она должна иметь возможность в нужное время создать противовес силам Франции и вообще любой противовес любым крупным континентальным силам. Пока Франция находилась в узде, надобности в сильном противовесе не было. Поэтому Англия стояла тогда за многополярную Европу без сильных конкурентов. В этой связи возросший вес России ей был, мягко говоря, в тягость. И вновь Турция, пусть и слабеющая, была взята победившей Европой в качестве сдерживателя российских притязаний.

Началось пусть не очень активное, но все же возрождение центрально-европейских держав. Это происходило прежде всего потому, что ускорилось развитие национальных производств, усилилось техническое перевооружение, вообще происходила капитализация всей жизни Европы с подпиткой ее дарами Нового Света. Использование морскими державами привозного сырья и вывоз готовой продукции на сторону создали предпосылки как для роста европейской промышленности, так и для ее постоянного перевооружения. Теперь транспортировалась в большом количестве массовая продукция (сырье, предметы производства), на которой только и можно было сделать большие, постоянно и надежно пополняемые капиталы. При массовом производстве суммарные издержки на добычу сырья в колониях, на транспортирование сырья, на производство и последующую доставку произведенной продукции "на сторону" оказывались довольно высокими. В этом плане чисто национальные производства со своим сырьем, с собственным изготовлением товаров и почти собственным потреблением становились рентабельными, однако менее капиталистическими по моши. Вот, кстати говоря, очень важное обстоятельство, которое во многом по-иному рисует лицо центрально-европейского капитализма по сравнению с межконтинентальным "морским", придает центрально-европейским странам более государственно-национальный вид. Континентальный европейский мир стал вновь набирать обороты, одновременно поглядывая в сторону своего более удачливого учителя. Что касается России, то хотя она и оказалась в ряду главных победителей Наполеона, но не смогла полностью воспользоваться победой.

Во-первых, поражение наполеоновской Франции собрало в итоге вокруг России не европейских друзей, а новых явных или тайных

врагов. Англии была не нужна сильная Россия в Европе, Франция с очевидностью не испытывала любви к своему недавнему победителю, Австрии и Пруссии вовсе не нравился сильный сосед-конкурент, для Польши Россия являлась захватчиком, посягающим на ее свободу.

Во-вторых, западный дух опять еще сильнее ворвался на просторы России. Преклонение перед Западом усилилось, крепостное право не было отменено, дворянские вольности не ослабли. Прямым следствием дворянского освобожденного духа стало восстание декабристов в 1825-м году.

В-третьих, Россия вновь поехала по наезженной колее – начались трения с турками.

В Европе еще на длительное время в качестве верховной власти была сохранена династическая феодальная верхушка. Одновременно усиливалась буржуазия, которая хотя "объективно-классово" и оставалась врагом старых порядков, но, добившись для себя определенных свобод, на данном историческом этапе экстенсивно развивающегося капитализма была заинтересована в существовании сильной национальной государственности. Эта государственность являлась своеобразной крышей капиталистического процветания и обеспечения общей стабильности, так необходимой промышленному буржуазному развитию. Эта крыша пригодились как в конкурентной борьбе с иностранными коллегами, так и служила защитой от нещадно эксплуатируемых капиталом народных масс. К тому же буржуазия уже сумела проникнуть в государственные и даже аристократические структуры, нередко прямо управляя различными политическими деятелями. Этим вполне объясняется "гибкая" политика буржуазии в течение всего 19-го века, особенно "гибкая" при всех открытых выступлениях народных масс.

Продолжалась эксплуатация колоний, в огромных количествах разбросанных теперь по всему миру. В "туземные" народы были запущены шупальца всех мало-мальски "морских" государств Европы. Пошло усиленное питание многих европейских государств. Порой может показаться просто удивительным, что Европа не смогла полностью и окончательно уже тогда подчинить себе весь мир своим экономическим и техническим могуществом, не опираясь на периоды крупных военных потрясений.

На этом пути перед Европой в качестве препятствия встало не только сопротивление колоний. Значительным препятствием встала Россия, которая сохранила еще свой энергетический антизападный потенциал в виде стремления к независимой государственности, тяге к созданию империи отличного от Запада образца, наличия еще самобытных народных масс, наконец, в виде отличного от Запада вероисповедания. Новое столкновение России с Западом становилось неизбежным. И оно произошло, и довольно быстро. Этому способствовали уверенные действия сильного российского государя того времени Николая I, который сразу твердо проявил себя в самом начале

царствования при подавлении декабрьского восстания 1825-го года. Кстати говоря, современное общепринятое мнение о декабристах как о широких либералах и гуманистах-освободителях народа не выдерживает никакой критики. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с планами декабристов в отношении пострелового устройства российских земель в случае победы восстания.

Но, однако, и Николай I был подвержен старой, почти навязчивой идее создать прорусскую неовизантийскую империю, захватив Константинополь путем войны с турками. Эта идея основывалась на огромных ресурсах России, и живая еще память о победе над Европой (вторжение Великой Армии в 1812-м году можно считать общеевропейским нашествием), и иллюзии по отношению к своим бывшим союзникам, и попытка национального возрождения. Именно в это время была выдвинута пусть не очень крепкостоящая, но все же значительная трехсоставная идея-формула: "Православие, Самодержавие, Народность". Этому способствовало и бюрократическое укрепление государственности в виде ставки не только на дворянство, но и на чиновничество, и очевидная слабость Османской империи, в которой теперь всю хозяйничали европейские "помощники". Несмотря на все устремления России, Европа признала в 1842-м году, что Босфор и Дарданеллы являются турецкими водами. Податливая, слабеющая Османская империя была, разумеется, более выгодным партнером для Запада, чем большая, не очень-то предсказуемая Россия, имеющая уральский и сибирский тылы. В скором времени вновь началась русско-турецкая война. Последовали успехи русских армий, произошло Синопское сражение.

Европа решила принять меры, ведь ее не устраивали последствия поражения турок. Ей нужна была покорная Османская империя, точнее, уже просто Турция. Но не настолько еще слабая Турция, чтобы не сопротивляться России, которая стала теперь основным антизападным бастионом в Европе. В 1854-м году объединенный флот Западной Европы с крупным десантом вошел в Черное море. Примечательно в этой ситуации то, что Николай I предложил мирно урегулировать конфликт, однако "эти предложения были единогласно отвергнуты четырьмя державами" Европы / 26 /. Комментарии излишни: Европе нужно было наказать Россию, а вовсе не найти дорогу к миру. Сильная эскадра встала вблизи Петербурга, готовая в любую минуту начать его бомбардировку. Вот вам и "окно в Европу"=, детище Петра, столица на самом краю империи, легко уязвимая, что неоднократно доказывалось и много позже – в мировые войны 20-го века. Техническое превосходство Запада над Россией в военной области было налицо, Запад решил продемонстрировать это превосходство.

Крымская война еще раз показала, что несмотря на традиционную стойкость и терпеливость русского солдата, технический уровень армии, дополненный соответствующими организационными средствами, является основным источником победы. Крымская война также

показала, что русские имперские устремления в сторону Константинополя теперь всегда будут пресекаться Западом и что Российская империя теперь будет всегда "склоняться" к состоянию постоянного технического отставания от Европы. При таком положении дел шансов у России на выход к Константинополю не было никаких, что и подтвердила вся последующая история как 19-го, так и 20-го веков. Однако и победить Россию окончательно у Запада ни сил, ни желания не имелось. Итог наполеоновского вторжения в 1812-м году не прошел даром, платить большой кровью, а именно так протекают все военные кампании в России, Европа более не хотела.

Да и особой надобности в этом не было, Турция была в руках, Новый Свет успешно эксплуатировался. Россия была посрамлена и отброшена в сторону, подальше от европейской жизни. Юридическим итогом Крымской войны стало то, что Турция была объявлена независимой страной, а Черное море – невоенной зоной. Турки еще задолго до Крымской войны пошли на продиктованные Западом реформы, и европейский капитализм пришел на ее земли вовсе не для того, чтобы облагодетельствовать ее жителей. Да и вообще, разве он когда-нибудь приходил куда-нибудь с такими целями? Нет, он пришел для того, чтобы "господствовать в турецкой экономике" / 26 /. Со временем Турция стала рассматриваться как разменная монета в европейской политике, монета, кстати говоря, не очень-то и высокого достоинства.

ЭПОХА КАПИТАЛИЗМА. ИЗМЕНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Середину 19-го века можно считать еще одним рубежом в общемировой истории. Это время знаменуется следующими важнейшими моментами:

1. Промышленный прогресс возвестил миру о новом этапе истории и прежде всего истории Западной Европы. Позиции буржуазии, державшей в руках бразды этого прогресса, неизмеримо укрепились, роль буржуазии во всех сферах жизни общества стала огромной. Поток истории представители этого класса стали выносить на самый верх реальной власти, где они вновь начали "сталкиваться лбами" со своим старым врагом – аристократическим и дворянско-чиновничьим слоем. Но эта борьба еще не разгорелась во всю мощь по целому ряду причин, о некоторых мы говорили выше, она была отложена на будущее. На планету пришел капитализм, пришел откровенно и мощно. В основном это был еще промышленный капитализм, действующий в стадии экстенсивного роста. Но за спиной промышленного капитала уже крепко становился финансовый капитал.

2. Увеличилась численность рабочего класса. Можно даже сказать, что он возник как класс именно в это время. Да и социология как наука также родилась как раз в это же время. Она вполне адекватно изменившейся ситуации отметила выдвигание этого класса. Возникли всевозможные социологические системы-учения, где уже:

- материалистическому видению мира, истекающему из базиса – технического прогресса, были объективно открыты все двери в социальных теориях;

- проводилось разделение общества на вполне определенные социальные группы; в сознании людей стали закрепляться представления об обществе не только как о едином, взаимоувязанном, гармоничном целом, а как о сложном строении, состоящем из резко отличных, конфликтующих и даже объективно враждебно настроенных друг к другу социальных конгломератов; структура общества стала представляться в общих чертах следующим образом:

Этот дух разделения способствовал проявлению многих негативных явлений 19-го и 20-го века. В качестве ответной реакции на такую точку зрения создавались учения о замкнутых социальных системах, в которых должно наблюдаться гармоничное справедливое сожительство всех членов общества, всех социальных групп.

3. На мировой арене появились новые крупные силы, готовые сыграть важную роль в истории. К ним можно причислить удаленные от Европы некоторые страны Азии, такие как Китай, Индия, Япония и др. Но первым номером новой программы стала Северная Америка, Америка, являющаяся, по сути, европейским продолжателем западного курса, кровным наследником европейского духа.

Североамериканский Новый Свет откровенно проявил наиболее яркие свойства западного образа жизни вообще. Америка – такого в истории еще не было. Это дух активного предпринимательства, откровенного индивидуализма и наиболее сильно выраженной частной свободы, доходящий до крайностей. Многие "старые" европейские качества – и хорошие и плохие – стали проявляться в Америке с огромным размахом. Это массовое производство товаров. Это ускоренный технический прогресс. Это развитие личных прав гражданина. Но это же и сильнейшее порабощение народов захватываемых земель, и фактическая ликвидация туземцев. А чего стоит беспрецедентная в истории грандиозная транспортировка из Африки черноко-

жих рабов! И это в то время, когда официальная рабовладельческая эпоха давно закончилась!

Кто создал такую Америку? Прежде всего европейские переселенцы. Началось все в большой степени с "подарков" Кромвеля, когда переселенцы, вооруженные предприимчивым духом и техническим превосходством Запада, оказались просто в амбулаторных условиях: хороший климат, обширные территории, богатейшие запасы полезных ископаемых, удаленность от "материнской" Европы, общая слабость туземного населения, не захотевших стать рабами (вот почему потребовались негры), и т.д. Так что перевозка негров – это не исторический атавизм, а сущность западного подхода к "чужому человеческому материалу" вообще. Северная Америка неотвратимо должна была породить крупную самостоятельную государственность неозападного толка, в концентрированном виде выражающую всю суть нового европейского духа. Этой государственностью стали Соединенные Штаты Америки.

4. Капитализм, пришедший на исторически сложившуюся базу феодально сформированных народов, не разрушил эти народные разделения и государственные рамки. Наоборот, он их укрупнил и преобразовал в нации, вставшие теперь уже друг против друга во многом на конкурентно-капиталистической основе. Такое изменение приводило как к усилению империализма, так и к новым попыткам передела мира. Вступив в империалистическую стадию уже в значительной степени интернационального капитала, человечество стало опутывать себя связями общемирового масштаба. В этих новых условиях война должна была, грубо говоря, "трогать всех". Таким образом, войны были обречены становиться мировыми.

Однако явления такого рода должны были обрести силу тогда, когда капитал окрепнет и разовьется настолько, что захочет расширить узконациональные рамки, сбросить с себя устаревшие аристократическо-дворянские узы и государственные верхи. Для всего этого нужно было время. А пока капитализм прекрасно чувствовал себя в национальных рамках. Вот откуда происходят корни именно капиталистического, а никак не феодального национализма. Говорить о национализме как о сугубо феодальном явлении – значит не понимать хода истории, не понимать принципов организации феодализма и капитализма. Таким образом, реально и мощно проявляемый национализм (в том числе и гитлеризм) – это продукты прежде всего капитализма, а вовсе не прежних социальных порядков. Другое дело, что феодализм заложил основы национализма. Но не более того.

Прямым следствием и одновременно критерием новой ситуации в мире стало широкое распространение тотального характера взаимоотношений государство-индивидуум. Свидетельств распространения этого явления более чем достаточно.

Во-первых, тотальный охват всех членов общества во всех развитых странах осуществлялся более или менее одновременно, без

больших исторических разрывов, что подтверждает фундаментальность этого явления. Теперь все стали зависимы (разумеется, почти все), все стали гражданами своей нации, обязанными принудительно отдавать ей довольно много из различных сфер своего бытия. Одной данью низам теперь было не отделаться.

Во-вторых, тотальность приобрела всепроникающие формы, она зашла очень далеко, до самых первооснов человеческой жизни. Массовое использование в качестве рабочей силы женского труда стало нормой той эпохи. Вот, кстати говоря, действительное, а не гуманистически-придуманное происхождение корней женской эмансипации.

Повальная мобилизация мужского населения в армию – это еще один мощнейший и бесспорный аргумент в пользу наступления эпохи тотальности. К этому стоит добавить и вспышки агрессивного патриотизма у многих слоев населения, в том числе и у “цивилизованно” воспитанных граждан всех развитых стран Европы. Эти вспышки ярко проявились в начале первой мировой войны. Они являются результатом гипноза националистических идей, за которыми хитро прячутся интересы крупного капитала и национальной государственности. Во время войны практически все здоровые мужчины должны были бросать свои дела, насильно получать оружие и “законно” убивать этим оружием таких же насильно призванных людей. Рабов заставляют воевать с рабами, подсчитывая за их спинами барыши и деля победы. Да, такого низменного рабства (а ведь говорят о защите свободы), когда ты берешь меч не по убеждению и даже не по найму, ранее не было. Теперь этот меч насильно вручался воину-рабу и ему приходилось им размахивать или из страха наказания, или из духа патриотизма, часто крайне близорукого, или из более чем понятного чувства самосохранения.

И низы народов подчинились новым “правилам игры”, вовлекаясь в многомиллионные кровавые мясорубки. Вот до чего опустилось человечество, резко деформируя нормальную пирамидальность своих социальных структур. Теперь низы должны были делать все, с них взимали не просто дань, их посылали не просто на работу, теперь они мобилизовывались на убиение таких же рабов, как и они сами. Такое даже зверю неуместно. Но, как говорят, человек все терпит. Теперь пушечного мяса стало так много, что можно было держать огромные линии фронта (на ~ 1000 км и более), насыщенные человеческим материалом.

Вот вам еще один признак, бесспорно, подтверждающий явление тотальности. В военной сфере был совершен качественный переход на линейно-фронтальную стратегию боевых межгосударственных действий. Такого тоже в истории никогда еще не было. Массовость и кровопролитность войн стали просто неописуемыми, но современный среднemasсовый человек привык к этому, он уже не осознает в полной мере, когда, кто и зачем ввел все эти новшества ему на пагубу. Он

и сегодня все еще обманывается всевозможными рассказами о необходимости защиты того, что ему совсем и не принадлежит. А в подоплке же всех этих нововведений были банальные, но стратегические интересы крупного капитала и государственных надстроек.

Да, ранее низы были еще не те, они еще не отдавали так за простою свою кровь, не шли с песнями на заклание. И верхи еще не возвысились настолько, чтобы платить этой скотской (прошу прощения за выражение) кровью за свои интересы, отсиживаясь вдали от грома пушек в нирване своих наслаждений. Отказывающиеся от таких "гособязанностей" подлежали строжайшему наказанию. Да и младшее офицерство в значительной степени становилось офицерством поневоле или по воле, но продиктованной простыми житейскими объяснениями: нежеланием быть "серой скотиной", возможностью создания карьеры при отсутствии каких-либо способностей в других сферах деятельности и др.

5. Технический прогресс возродил и центрально-европейские континентальные государства. В них стала развиваться собственная промышленность. Флот как необходимое средство значительной коммуникативности перестал быть приоритетом только прежних морских держав. Стала усиленно набирать обороты Германия. После назначения Бисмарка канцлером Пруссии в 1862-м году воссоединительные тенденции в Германии резко усилились. Скоротечная и очень удачная для Пруссии война с Австро-Венгрией подтолкнула процесс объединения германской мелкогосударственности вокруг этого лидера. Началось возрождение германской активности. Уже в 1870-м году союзные войска германских государей, ядром которых были прусские корпуса, нанесли поражение французской армии. Кстати говоря, талантами полководцев Германия славилась всегда. В этих войнах взойшла звезда графа Гельмута фон Мольтке. Крупной исторической вешой, символизирующей начало новой Германии, стало коронование Вильгельма I в качестве кайзера (кайзер = цезарь = царь) в Версальском дворце.

6. Такие центрально-европейские "новости" не смогли не спровоцировать дальнейшие конфликты. Возникла новая расстановка сил. Старый Франко-Германский регион как единое целое был разорван на части. До последнего времени, в период почти трехсотлетней междоусобицы и мелководержавности, в сугубо континентальной Германии, не имеющей стратегического выхода к сокровищам Нового Света, лицом этого региона была Франция с рядом соседних земель. Теперь появилась новая сильная Германия.

Здесь следует отметить одно важное обстоятельство. Начиная примерно с этого времени, изменилась картина определяющих регионов-зон, которые теперь следует рассматривать в общемировом масштабе. Вот эти регионы-зоны:

а) колонизирующий морской запад Европы, состоящий из стран-метрополий с разбросанными по всему свету колониями и полуколо-

ниями. Это прежде всего Англия, такие относительно малые страны, как Португалия, Голландия и др.;

б) континентальный центр Европы, в значительной степени лишенный больших богатств Нового Света, возрождающийся в основном из своих внутренних источников за счет промышленного развития. Эта Европа стала обзаводиться своим флотом. К странам этой категории следует прежде всего причислить Германию и Австрию;

в) российская империя, вступившая в пору своего максимального территориального расширения, представляла собой нечто сложносоставное. Это была империя с множеством внутренних разрывов и прежде всего с разрывом между верхами, тяготеющими к Западу, и низами, старающимися сохранить старые устои;

г) Соединенные Штаты Америки, новое явление в истории, являющееся, по сути, концентрированным выражением-квинтэссенцией Нового Запада. Можно даже сказать, что в историческом плане США – это ученики Запада, опередившие своих учителей;

д) комплекс сравнительно удаленных от Европы азиатских стран, еще только вступающих в мировые игры, но уже оформляющихся в виде социальных организмов значительной силы. Это прежде всего Китай, Индия, Япония.

Среднеазиатский регион, форпостом которого в сторону Запада являлась Османская империя, был ослаблен и растащен по кускам. Османская империя (или теперь уже Турция) практически потеряла свою самостоятельно-существенную внешнюю политику. Такая же участь постигла Волго-Уральский регион, ранее самобытное и мощное социальное образование. Его история ушла в прошлое, сильно искажаясь потомками, его земли почти в полном составе вошли в состав Российской империи. Теперь и весь остальной мир, не включенный в ядро сильных регионов-зон, так или иначе был вовлечен в сферу их взаимодействий. Он уже не оставался в стороне, как было ранее. Теперь изменились и сами критерии-признаки этих регионов, которые с полным основанием можно назвать региональными конгломератами сил мирового уровня. Территориальное единство и ряд других критериев, характеризующих ранее тот или иной старый регион, теперь потеряли свою силу.

Теперь важными критериями новых регионов стали следующие:

а) сильное собственное промышленное производство, высокий уровень технического прогресса;

б) наличие большого числа колоний или эксплуатируемых земель (для стран западного типа), наличие значительного количества охватываемых своей региональностью земель (для других стран);

в) единообразие и эффективность принципов существования в самых различных сферах бытия (производственной, культурной, нравственной и т.п.);

г) доступ к полезным ископаемым, необязательно теперь уже к собственным;

- д) наличие современных средств коммуникации;
- е) наличие сил для внешних воздействий или сопротивления при вмешательствах сил других регионов.

7. Планета вступала в эпоху общемирового влияния, но не просто влияния из какого-либо общенародного коллективного образования, а влияния из доминирующих центров, прежде всего запада Европы. Сравнительно маленькая по своим размерам часть Европы стала дирижировать огромными мировыми богатствами. Но Европа тогда целиком не была сцементирована единством, в ней внутренних противостояний накопилось более чем достаточно. Поэтому война должна была разгореться именно в Европе. Время, когда европейские народы не захотят пролить свою "цивилизованную" кровь, еще не наступило. Да и задачи того времени были еще не те, что сегодня.

8. В цивилизованных странах заметно упало влияние многих традиционных религиозных течений. Практицизм, рационализм, философский и житейский материализм, экономизм, даже примитивизм, язычество и сектантство – вот типичные явления того времени. Религия как первостепенная социальная идеология и ранее великая сила стала играть более чем второстепенную роль в этих странах. Лишь на неразвитых территориях она сохранила свое значение.

9. Роль теневой и полутеневой частей общества, теперь уже напрямую связавших свою судьбу с судьбой капитала, стала все более и более возрастать. Историческим фактом можно было теперь считать проникновение теневой элиты на самые верхи социальной иерархии многих стран Европы.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Преддверие войны

Вот такие новые условия бытия стали определять судьбу мира. Эти кардинальные подвижки не могли не породить попыток силовыми способами со стороны какого-либо социального организма вырваться вперед на плечах соседа. Четко проявились стратегические направления мировой истории.

Первое стратегическое направление было чисто внутриевропейского свойства – выяснение отношений между морским западом Европы и ее континентальной частью.

Второе направление – устранение нависающей над Европой России. Поэтому продолжалась нейтрализация сил России испытанным способом – сраживанием ее с Турцией. Однако отношение к России все же несколько изменилось. Она стала рассматриваться Западом как противовес усиливающейся Германии. Эта тенденция использования русских сил для подавления германской активности просуществовала аж до середины 20-го века. Вот под каким углом зрения надо

смотреть на историю взаимоотношений Германия – Россия – Новый Запад!

Третьим стратегическим направлением стало стремление интернационального капитала освободиться от старых династических верхов и их государственных систем.

Четвертым направлением можно считать работу Европы со своими колониями и подвассальными территориями. Колониальный мир стал явно сопротивляться, пытаясь освободиться от своих "благодетелей".

В такой ситуации на планету пришел 20-й век. Многие язвы мира откровенно обнажились, силы государств возросли. Технический прогресс уверенно шел по Земле, наглядно демонстрируя как свои позитивные, так и негативные достижения, откровенно претендуя при этом на построение цивилизованного "рая". Средства уничтожения человека человеком также заметно усовершенствовались. И это при том, что человечество в своих главных устремлениях, в своих основных потребностях в целом не намного продвинулось в сторону подлинного гуманизма, истинной справедливости и глубокой позитивной религиозности. Хотя уж о гуманизме, либерализме, новом светлом будущем, о свободе и т.п. было сказано целое море слов именно в то время. Грядущие мировые катаклизмы казались просто утопией. Люди забыли о том, что не само по себе развитие материальных средств является первоосновой бытия.

Началось давление на Россию, уже давно пораженную духом разделения. В ней четко наблюдалось размежевание на освобожденные от многих обязанностей верхи, на средние сословия, многоликие, неустойчивые, частично пораженные образовательщиной неглубокого свойства и потому поставившие себя в оппозиционное выжидание по отношению к собственному государству, и на многочисленные низы, которые не были связаны никакими крепкими узами-связями с расположенными над ними социальными пластами. Оставались лишь сильно расшатанные, но все еще объединяющие моменты религиозного и национального свойства. Однако этого было недостаточно, чтобы крепить мощь такой большой и разнонародной империи, какой была Россия того времени.

Началось противостояние двух частей Западной Европы: Центральной и Новой Западной. Россию, несмотря на русско-германские связи, всеми силами притягивали к Антанте, чтобы использовать ее в будущей войне. И Россия пошла в "чужое стойло". Это же надо, идти воевать за чужие или чуждые русскому духу интересы, обманывая себя очередными иллюзиями, в том числе мечтой на выход к Средиземноморью через Константинополь! Ну ничему не учит история, ведь Запад всегда делал все, чтобы не пустить Россию в Европу.

Здесь следует сказать, что ни Германия, ни Австро-Венгрия не были тогда стратегическими врагами России. Подлинным геополитическим врагом как России, так и этих стран являлись как раз "продемократически-либеральные" Англия, Франция и стоящая за их

спинами Америка. Но поскольку Российская империя имела границы с Германией и Австро-Венгрией, поскольку ловкими приемами "работал" с Россией европейский Запад, а Константинополь все время маячил перед носом российских верхов в качестве великолепной приманки, то Россию склонили-таки к вступлению в войну на стороне Антанты.

1914 г.

Пришел 1914-й год, грянула мировая война. Французская сухопутная армия считалась тогда самой сильной в Европе, однако германские ударные соединения лишь немного не дошли до самого Парижа, чуть-чуть не окружили его (план Шлиффена). Огромными усилиями французам удалось всего в ~ 50 км от своей столицы остановить немцев. При этом значительную роль сыграло быстрое наступление русских армий на восточном фронте, которое оттянуло от себя часть германских войск. Это наступление было организовано не лучшим образом, и многие русские люди фактически заплатили своими жизнями за приостановку германского вторжения на западе. Германия ответила контрударом за русский прорыв, и армия Самсонова была окружена. После этого произошла некоторая стабилизация фронтов и началась опутанная колючей проволокой окопная война, перемалывающая кости человеческому материалу с обеих сторон.

Как многим ни покажется странным, но это было уже начало стратегического поражения Германии как лидера центрально-европейских держав. Ведь Германия не обладала достаточными ресурсами для длительного ведения полномасштабной войны. По запасу человеческого материала центрально-европейские державы также уступали их противникам. Кроме того, они воевали на два фронта. Чтобы достигнуть победы, они могли рассчитывать только на следующие моменты:

- высокое оперативно-стратегическое искусство;
- превосходящее техническое оснащение активно действующих соединений;
- строгая дисциплина и стойкость солдат;
- готовность населения идти на жертвы во имя победы.

В полной мере реализовать все эти моменты центрально-европейским державам так и не удалось. Австро-венгерская армия по своим боевым качествам явно уступала немецкой. Иногда кажется просто удивительным, что Германия сумела так долго продержаться в этой войне. Она перебрасывала свои наиболее боеспособные части с места на место, бросала их в атаки, редко уступая в прямых сражениях. Но несмотря на все это, она стала стратегически проигрывать. Время работало на Антанту, питаемую соками почти всего мира. Новый Запад сумел не только отразить германский наступле-

тельный прорыв, он мобилизовал еще способные на жертвы свои народы, развил военную промышленность, создал новые военно-технические разработки. Во Франции появились танки – совсем новые средства ведения боя.

И все же Германия сумела в первой мировой войне продемонстрировать свое военное искусство, свою мощь. В 1915-м году она начала наступление на восточном фронте и добилась несомненных успехов. Технология ведения боевых действий была в общих чертах следующей. Немцы концентрировали тяжелую артиллерию на заранее выбранном участке и массированными огневыми ударами прорубали русский фронт. Затем германские атакующие части занимали расширенный убийственным огнем и щедро политый русской кровью участок фронта; при этом они не несли существенных потерь, так как почти все было уничтожено. Далее, артиллерия устанавливалась на захваченном месте, и все повторялось вновь. Медленно, но уверенно немцы продвигались вперед, уничтожая на корню цвет русской армии. 1915-й год стал годом отрезвления многих легкомыслящих людей России. Однако чтобы довести дело до победы на восточном фронте, у немцев не хватило ни времени, ни сил. К тому же территориальная "размашистость", не очень благоприятные климатические условия, великие людские резервы и плохие коммуникации России сыграли свою роль. В 1916 году общая ситуация изменилась. Силы Антанты стали не только огрызаться, но и наступать. К концу 1916-го года Антанта была уже готова сломать хребет германским армиям. Объединенный флот Антанты, в котором главную часть составляли английские военно-морские силы, перерезали крупные германские коммуникации.

В России к этому времени был также проведен целый комплекс мероприятий, который позволял резко увеличить мощь русской армии / 41 /. Улучшилось снабжение, создан был мощный артиллерийский парк, накоплены огромные запасы снарядов, даже подготовили новое обмундирование для отборных частей. Война в целом подходила к своей развязке. И даже революции 1917-го года в России, то есть практическое выпадение России из состава союзников Антанты, не смогли помешать поражению центрально-европейских государств.

Итоги войны

Рассматривая в целом то достаточно далекое время, надо признать, что в первой мировой войне победившему Западу (Англии, Франции, США и др.) удалось даже много более того, на что он первоначально рассчитывал. Вот важнейшие итоги первой мировой войны, вот истинный портрет того времени:

1. Перестали существовать претендующие на перехват власти центрально-европейские империи. Программа минимум была выполнена.

2. Империалистический, интернационально-финансовый, западный, существенно-незамкнутый капитализм теперь стал определять ход истории. Тон ему задавал новый лидер (США), неимоверно нажившийся на этой войне.

3. Потерпела полное поражение старая система верховной власти. Старые лидеры имперского масштаба центрально-европейских стран, то есть Германии, Австро-Венгрии и России, были сокрушены. Выполнена была еще одна задача мировой войны, задача не просто межгосударственного уровня, а задача интернационального капитала.

4. Параллельно поражению старых верхов такому же поражению подверглась и христианская церковь. Сфера влияния ее основных ветвей-конфессий резко сократилась. Дорогу к секуляризованному рационализму и крайним формам материализма больше не перегораживал никто.

5. Были сокрушены не только чисто военные враги (Германия, Австро-Венгрия). Погибла и формально союзническая, огромная по размерам, богатая ресурсами и «чужая» Западу Российская империя, империя, потенциально стоящая на пути установления новых мировых порядков. Это же надо, как лихо удалось Западу победить не только явного врага, но и своего же союзника за последующей ненадобностью и возможной опасностью! Какая насмешка над Россией, какая бездарность российских верхов! К тому же был уничтожен не только царизм, на длительный период было фактически разгромлено ранее сильное социальное образование регионального уровня, коим являлась Российская империя. Это уже много больше, чем программа минимум.

6. Было доказательно показано, что тотальный характер взаимоотношений "государство – гражданин" есть не только реалья настоящего времени, но и тенденция будущего. Война показала, что низы в массовом порядке оказались способными нести это бремя, бремя, доходящее до требования их крови и жизни.

7. Еще один уникальный результат – в России в лице первых большевиков и сопутствующих им других "соцдемов" был поставлен действительно новый эксперимент. На базе захвата и удержания основных рычагов государственной власти подготовленным и подобранным "ядром революции", высокоцентрализованной эксплуатации низов, откровенно агрессивной материалистической идеологии, безжалостной системы подавления непокорных была сделана попытка построить хотя бы вчерне прообраз посткапиталистического, явно тотального по характеру будущего.

Но этот эксперимент пришлось творить сразу в послевоенной, полуразрушенной, во многом еще полуфеодальной России, в мешанине всех социальных слоев, то есть творить не только сверху, по детально написанной программе, но и снизу – из активности масс. С одной стороны, это давало в руки огромный экспериментальный материал, а с другой стороны – приводило к совсем непредсказуемым последствиям.

8. Теневая элита усилилась. Ей более чем соответствовали вставшие перед победившей стороной новые общемировые цели, а такое "соответствие" при благоприятных условиях всегда в истории заполнялось человеческим материалом. О могуществе теневой элиты в обществе можно судить по степени демократичности и либеральности, точнее по количеству и качеству различных партий, движений, фракций и т.п. Когда цели и путь истинны, четки и ясны для всех, такого разнообразия просто не надобно, сие должно быть понятно каждому. Это хороший критерий, здесь косвенное свидетельство дороже прямого, которого официальным путем простому смертному не добыть никогда. Из такого многоязычно-бестолкового винегрета всегда можно вывить все, что необходимо: нужного лидера (например Гитлера), нужных теоретических "обоснователей" и др. Кроме того, это позволяет держать под контролем самые различные социальные силы, включая и оппозиционные, взаимно натравливать их для общей нейтрализации, дробить их на части путем политического "размножения" движений и т.п. Да и легко отслеживать вредные или опасные политические.

9. Настоящим победителем в первой мировой войне оказалась не Англия (бывший лидер), и не Франция, на территории которой протекали основные сражения Западного фронта, и уж, конечно, не несчастная Россия, а США. Это государство колоссально выросло на этой войне, практически оставаясь в стороне от горячих дел. Теперь его голос становился главным на мировой арене. Такая передача первенства явилась новым событием 20-го столетия и своеобразным "подарком" новому. США стали теперь более Западом, чем сам почтенно-классический европейский Запад.

Итак, Германия и все ее союзники потерпели сокрушительное поражение. Россия оказалась "во мгле". Капитал неудержимо рвался вперед по теперь уже широкой и свободной дороге, он проник и в Советскую Россию (вспомним о концессиях). В новом финансово-промышленном колоссе – США – стали концентрироваться многие силы, здесь уже планировалось построить главный цивилизационный центр настоящего и будущего. Америка стала притягивать всех: финансистов, политиков, способных промышленников, крупных ученых, любителей легкой наживы и дельцов самого различного качества. Это был новый грандиозный пример в истории, когда истинным победителем стал не держащий меч воин (это время стало уходить в прошлое), не держатель сохи общинный крестьянин-производитель (это время безвозвратно ушло), но владелец денежного мешка, финансово-олигархически объединяющийся с себе подобными. Это закономерный в тех условиях ход истории, а на него не "обижаются".

Причины возвышения США лежат, вообще говоря, на поверхности, вот они:

1. Полное региональное превосходство над своими непосредственными соседями. В Северной Америке США доминировали безоговорочно.
2. Практическое социологическое единообразие населения, единообразие не в плане внутреннего высокодуховного единства, а в плане создания нового человеческого типа – американского. Население США не делится ни территориально, ни социально, ни бытийно на куски, способные на яркое индивидуальное существование.
3. Максимально развитый дух предприимчивости, деловитости, эксплуатации всего внешнего является первым и главным нравственным корнем настоящего американца. Работоспособность ради успеха, богатства и власти – вот стержень его жизни, который, вообще говоря, заслуживает уважения. Но не надо путать ее с сознательной тягой к созданию ценностей для других или в качестве самостоятельно возлагаемого на себя труда как креста. Не надо путать ее также с трудолюбием, то есть испытанием удовольствия от самого процесса труда – это у американцев обнаружить трудно. Если бы все это было не так, то негритянской “эпопее” никогда бы не было. Поддержание на высоком уровне таких ценностей, такого стиля бытия позволило Америке заслуженно добиться колоссальных достижений. Этот “менталитет” стал локомотивом, на котором Америка старается въехать в создаваемое ею новое “светлое будущее”.
4. Колоссальное богатство и оптимальный набор полезных ископаемых.
5. Приход на уже освоенные туземным населением угодья. Наличие многих продуктивных сельскохозяйственных культур (картофель, кукуруза и др.).
6. Концентрация и свободное выращивание теневых частей общества, не связанных никакими рамками-путями нравственного характера своих европейских предшественников, не сдерживаемых никакой исторически сложившейся аристократией.
7. Быстрое становление высокого статуса всевозможных демократических свобод, различных партий, движений, союзов, средств массовой информации, религиозных направлений и т.п. Положительным моментом для технического развития здесь является то, что эти свободы на определенных этапах развития общества дают людям возможность выбора жизненного пути, пути, более или менее оптимального для индивидуума, а следовательно, и для хозяина, заинтересованного в большей эксплуатации подчиненного, а не в объективной лениности раба.
8. Отсутствие войн на своей территории в течение длительного времени. Первая мировая война, как и последующая вторая, протекала полностью не на территории США. Малые потери в войне, которые понесли США, говорят скорее не о стремлении воевать, а о желании испытать свои вооруженные силы.

10. Финансовая "помощь" воюющим сторонам с возвратом назад дивидендов. В / 42 / сказано, что "если в 1913 г. золотой запас США составлял 1,9 млрд долл., то в 1927 г. он увеличился до 4 млрд долл.". Это эквивалентно было тогда многим тысячам тонн золота. Сопоставьте это с тем, что весь золотой запас Российской империи в 1917 году составлял фантастическую по тем временам сумму в 1 млрд 300 млн рублей (сотни тонн золота, платины, серебра, драгоценностей) / 42 /, что соответствовало примерно одной тысяче тонн золота. Теперь становится понятен тот уровень богатства, которое приобрели США, собирая "плоды войны" со всего мира. Значительная часть богатства Европы и России скорее всего перекочевала в американские закрома / 42 /.

ПЕРИОД 1917–1929 ГГ.

Может показаться просто удивительным, что США вместе с другими победителями не установили еще тогда новые правила своего общемирового господства. Имея почти полную свободу действий, этот новый Запад не сумел победить всех и вся. Более того, буквально через какое-то десятилетие после окончания войны (в 1929 г.) захлебывающуюся от восторга мировую капиталистическую систему потряс грандиозный кризис. Могут здесь возразить, что Советская Россия оказывала на него давление, что коммунистическое движение задерживало развитие империалистического капитализма. Но это несерьезные доводы. Россия в 20-е годы была очень слаба, и как раз под влиянием капиталистической победы в ней и осуществлялась так называемая новая экономическая политика. О силе же коммунистического движения после поражения германского восстания и говорить нечего.

Этот короткий, но показательный период истории от конца первой мировой войны до начала кризиса (1918 – 1929 гг.) характеризуется несколькими основными моментами:

1. Становление России, затем СССР как нового события мировой истории.

2. Эйфория победившего в войне капитала и соответствующих ему государственных структур. Технический прогресс окончательно стал важнейшим средством достижения успеха в межгосударственной политике.

3. Зарождение и усиление фашизма как новой силы континентального Запада.

Рассмотрим эти явления по порядку.

Большевизм – эксперимент на теле России

Относительно начального периода истории Советской России написано такое количество самой различной литературы авторами самой различной ориентации, что перебирать это море стоит с большой осторожностью. Важнее отметить самые главные, объективно-интегрирующие моменты, тогда все встанет на свои действительные, а не частные или надуманные места.

Разбирая внутренние причины обеих революций 1917-го года, следует прежде всего сказать, что одних только внутренних причин для разрушения великой империи накопилось к этому времени предостаточно. Это прежде всего глубокое и многоплановое разделение общества на очень удаленные друг от друга части, разделение на преимущественно прозападные верхи и восточные уже архаично-примитивные низы. Бывший крепостной, мелкий мастеровой, служба или рядовой рабочий были настолько оторваны от других слоев общества, что они никак не хотели ни уважать, ни защищать, ни тем более боготворить тех, кто в их глазах был просто белоручкой, бездельником, барином, белой костью, кровопийцей и т.п. Во-вторых, это разложение, перерождение, даже просто предательство верхних эшелонов власти и средних слоев. Один из великих князей, например, привел в 1917-м году в стан новой власти вверенных ему солдат (гвардейский экипаж), вместо того чтобы защищать основы старых порядков и интересы своего собственного положения. Такое сделал великий князь, что же говорить о других! Можно как угодно сие квалифицировать: как резко отрицательное или даже вполне положительное деяние (см., например, / 31 /). Здесь же показателен и важен сам факт нежелания защищать старые устои, факт расползания империи по всем швам. Даже сама царская династия, сама семья Николая II не имела единства. Двор Николая II и двор его матери сосуществовали как две отдельные планеты. В-третьих, это колоссальные ошибки царского правительства во внутренней и внешней политике, в финансах, в сфере подбора и расстановки кадров и т.д. В-четвертых, это податливость, равнодушие, благодушие или близорукость, безумие и даже поощрительная реакция многих представителей средних социальных слоев в связи с разрушительными погугами различных революционеров.

Первая мировая война объективно обострила все внутренние противостояния и неурядица, выплеснула на социальный верх накопленные недовольства, впрыснула в общество самых различных революционных деятелей, выразителей этих недовольств. Она вкуче с другими внешними и внутренними воздействиями, также интенсифицированными войной, привела к революциям. В этих условиях тяга к индивидуальному выживанию, к материальным ценностям прежде всего, тяга к переустройству сковала умы и души многих. Защищать былое никто более не хотел, февральская революция прошла в

смысле "потери крови" довольно гладко – никакого крупного движения в защиту царской власти не было. Упадок, упадок и еще раз упадок. В это время была порождена общинность очень низкого сорта – общинность толпы.

Это охлократическое бытие, неоконченная война, неразбериха политических сил, внутренняя грызня захватчиков тела и духа России, а также внешние воздействия подготовили почву для второго – октябрьского переворота 1917-го года. Причем в условиях слабости России внешние воздействия не обязаны были быть такими уж и мощными. Чтобы четко уяснить источники этих воздействий, надо прежде всего произвести оценку тогдашних внешних врагов русской государственности.

К ним относится, разумеется, Германия как основной военный враг. Для Германии богатства России – последняя ставка в мировой игре. Обессиленная войной и блокадой, Германия не могла тогда сильно воздействовать на Россию в военном плане. То, что Россия сумела к концу 1916-го года перестроиться и повысить свою боевую мощь / 41 /, было известно в Европе. Поэтому немцы стали усиленно предпринимать меры подрывного характера. Вот, в частности, почему всем памятный опломбированный вагон беспрепятственно проследовал через Германию в Россию, вот почему Германия финансировала революцию. Кстати говоря, нельзя не вспомнить, что "... Маркс и Энгельс называли ненависть к России первой революционной страстью немцев" / 43 /.

Важную роль играли также страны Антанты. Они видели грядущую гибель Германии, но явно не хотели ни ее временного усиления за счет русских богатств, ни, в свою очередь, возможного усиления России за счет общей победы над Германией и Австро-Венгрией. Последнее для союзников было даже более опасным. Поэтому на пороге победы, имея в руках кредитные и союзнические обязательства России, страны Запада стали проводить по отношению к ней более "адекватную времени", более широкую ликвидаторскую, даже экспериментаторскую политику. Три империи старой власти могли быть уничтожены (Германия, Австро-Венгрия, Россия), и в связи с очевидной грядущей гибелью первых двух силы Запада переориентировались на третью. Здесь следует заметить, что после гибели российской эскадры в Цусимском сражении ее флот стал довольно слабым. Так что Россия потеряла статус великой морской державы уже накануне первой мировой войны, она оказалась, по сути, континентальной империей, что сближало ее с центрально-европейскими державами. Вот она, "подводная" цель русско-японской войны – не только очистить тихоокеанский Восток от русского вмешательства, но и лишить Россию морского могущества. Последствия очевидны – русский флот в первой мировой войне не гремел победами.

Но это все следствия довольно понятных государственно-региональных интересов. Было стремление не только развалить царскую

империю, но и на ее развалинах построить нечто экспериментаторски-новое, теоретически-западное (европейское происхождение социализма, коммунизма, большевизма, "демократизма" и других "измов", надеюсь, не вызывает сомнения), по возможности подконтрольное Западу и уж по крайней мере более слабое, чем "цивилизованная" Европа. С эпохи Смутного времени подобные стремления не ослабевали. Так почему же теперь в канун грандиозной победы в первой мировой войне они должны были ослабеть? Явно все должно было следовать этому курсу и все ему следовало в соответствии с мощью победителя. Вот они – корни революций 1917-го года. Так вот он, смысл краткой эпохи Керенского, еще лишенной духа экспериментаторства, но уже наполненной идеей создания подвассального Западу государства и жалкими копиями принципов европейского либерализма. Вот он, Керенский, с одной стороны, играющий в демократию, исторгающий из себя славословия насчет национального патриотизма и широчайшей свободы, а с другой – хуже царской власти продолжающий убийственную войну. Вся подготовительная работа 1916-го года по усилению военной мощи России пошла прахом, и это после освобождения от "пут царизма". С одной стороны, правительство Керенского отбивает первую летнюю атаку большевиков в 1917-м году, одновременно шадя их главарей (все же свои люди, "сощеды", их вполне можно простить – Троцкого и др.), а с другой стороны, устраняет пытающиеся возродиться государственные силы, объединяющиеся вокруг генерала Корнилова. И все это происходило в быстротекущем месиве 1917-го года, во время объявленных свобод, в которых просто не могли "не гулять" тайные устремления теневой элиты, подаваемые в "общество" через самых разнообразных ее представителей. О последнем написано такое большое количество литературы, что об этом можно было бы и не говорить.

Грянул октябрь 1917-го года. Грянул не только благодаря организованности большевиков, не только благодаря очередным колебаниям верхов, продолжающих бездарную войну, не только вследствие широко распространившегося неустроения и неверия масс, не только в соответствии с пожеланиями Германии нейтрализовать Восточный фронт, но и под воздействием тайных сил. Появилась возможность произвести над Россией более "крутой" эксперимент, ориентиры которого уже наметились в 19-м веке.

Сам захват власти большевиками произошел в столице почти без людских потерь, что окончательно подтверждает высокую степень деградации социального бытия России того времени. Вполне возможно, что если бы затем не последовали жестокие средства подавления непокорных, силовое принуждение, беззастенчивая эксплуатация, массовые классовые ликвидационные мероприятия, то Белого движения как крупной реальной силы могло бы и не быть. Но не таковы были большевики. Последнее дополнительно приводит к мысли о постановке в России, помимо прочего, "интернационального" экспери-

мента, в котором ее народы должны были играть роль "материала революции". Здесь более чем полезно вспомнить изречение Ленина, сказанное по этому поводу.

Да и объективных доводов к сему более чем достаточно, вот они:

1. Эксперимент ставился не на "дорогом" европейском, а на "второсортном", с точки зрения победившего Запада, народе; однако идейные установки эксперимента и первые практические опыты наблюдались именно в европейских странах. Ничего исконно-русского в этом эксперименте не было.

2. Приход большевиков к власти в действительности не вызвал практически никакой негативной реакции победивших в войне стран Европы и США. Пока шла мировая война, страны Антанты были обеспокоены тем, что русские более не хотели серьезно воевать с их противниками. Но более всего они были обеспокоены тем, что многие военные запасы России могут попасть в германские лапы. Например, в 1919-м году У. Черчилль объяснял высадку военных десантов в приморских городах России, которые затем с помпой были объявлены новой властью интервенцией, тем, что "... иначе немцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы союзную блокаду" / 42 /.

Власть большевиков как таковая Антанту не интересовала / 42 /. В 1922 – 1924 гг. многие крупные капиталистические страны, не смущаясь, заключили дипломатические отношения с большевистской Россией. Небезызвестный социолог профессор Э. Саттон говорил следующее: "Революция и международные финансы не так уж противоречат друг другу, если в результате революции должна установиться более централизованная власть" / 42 /. Комментарии излишни, закономерности региональной борьбы сильнее каких-либо "теоретических" установок. В связи с этим вполне логичным выглядит тот факт, что впервые на государственном уровне задача борьбы с коммунизмом была провозглашена лишь в 1937-м году. Причем провозглашена она была не Новым Западом, а "антикоминтерновским пактом" Берлин – Рим – Токио. Здесь, однако, надо учитывать, что уже тогда опять Россию и Германию готовили к столкновению.

3. Несмотря на широко рекламируемые "классовые" расхождения большевизма и капитализма (отношение к частной собственности, идея мировой революции, классовая ненависть и другие штампы), капитал не только не ополчился против большевиков, не только не бросился свергать их шаткую власть, но даже продолжал помогать им. Здесь наглядным примером являются действия Запада в отношении помощи Белому движению, а точнее практического отсутствия крупной помощи этому движению / 44 /. Известно, как поступали "интервенты" со своими складами на территории России, известно, как их войска "воевали" с большевиками, известно, насколько "честными" они были со своими бывшими союзниками (вспомним о концлагерях, которыми были "награждены" войска Юденича после неудачного похода на Петроград) / 44 /.

Так что не случайно французский генерал Жанен вступил в сговор с большевиками и эсерами, что привело к выдаче им как золотого запаса Российской империи, так и самого Колчака / 42 /. Американцы же вообще оставались лучшими друзьями большевиков, они буквально пароходами увозили из нее ее сокровища. Когда они уходили в 1920-м году из Владивостока, то революционная власть устроила дружные проводы своим “интервентам” / 42 /.

Кстати говоря, второй человек революции того времени – Л.Д. Троцкий, попав в Америку, вовсе не возненавидел американские порядки, как следовало было ожидать от “закоренелого коммуниста”. Вот что он писал / 42 /: “... Нью-Йорк импонирует мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи ... Цифры роста американского экспорта после войны поразили меня. Они предопределили ... решающую роль Соединенных Штатов после войны ... Я уезжаю в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул в кузницы, где будет выковываться судьба человечества. Я утешаю себя мыслью, что когда-нибудь вернусь” (подчеркнуто автором). Комментарии, как говорится, опять излишни.

4. Характер и методика действий большевиков наиболее полно выражали суть западного духа вообще: а) захват власти как главного звена для обеспечения общего подавления и контроля за населением, для приобретения всей собственности и аппарата управления (ленинская работа “Государство и революция” – неслучайна), б) жестокость с непокорными, в) тотальное подчинение населения, г) привлечение непропорционально огромного числа инородцев в качестве слуг и наемников (латышей, китайцев, венгров и др.), с легкостью идущих на массовые репрессии, д) распространение фактического рабства на низовые слои коренного населения (введение продрозверстки для крестьян, повышение “дисциплины” у рабочих, практическое лишение прав представителей “эксплуататорских” слоев, зачастую шантажно-силовое привлечение к работе военспецов и др.), е) способы комплектования армии (комиссарство, рабская массовая мобилизация нижних чинов и т.п.), ж) откровенный грабег населения (декреты о конфискации ценностей, реалии продрозверстки, экспроприация собственности у состоятельных слоев населения и др.), з) беззастенчивость в средствах, и) разбрасывание неосуществимых лозунгов, к) дилетантизм при решении многих сложных практических вопросов, общая малограмотность верхов (одно из следствий – политическое мельтешение и частая смена курса), л) постоянная внутренняя грызня (параллель и с постфевральскими временами 1917-го года, и с французской революцией конца 18-го века) / 42, 44 /.

В целом это наглядно обрисовывает общую программу большевиков: большинство населения – эксплуатируемые массы, заметная часть – безропотные слуги и доверенные лица – управленцы разного уровня, подлинные верхи – большевистская элита, значительная часть

непокорного или ненужного населения – материал для жесточайшей эксплуатации или последующего уничтожения.

5. С приходом новой власти началась широкая распродажа всего, что только могло представлять интерес для капиталистического мира: от произведений искусства до дешевого сырья, например, зерна (и это осуществлялось даже в то время, когда "собственный" народ голодал). Производился массовый учет ценностей, доставшихся в наследство от царской России, которые могли хотя бы потенциально представлять интерес для западного покупателя. Осуществлялась закупка по совершенно "бешеным" ценам, за золото, иностранного оборудования необязательно "первой свежести".

Одной из главных целей большевистского правительства было удержание всеми средствами своей власти. Ради этой цели они готовы были пойти на все, в том числе и "подружиться" со своими официально-заклятыми классовыми врагами. Заключение, например, Брестского мира на "выгоднейших условиях" после всего вышесказанного не будет выглядеть ни случайностью, ни политической ошибкой, ни исторической неизбежностью (при почти побежденной Германии?!). Очевидно, что хорошие хозяева, а не экспериментаторы так не поступают, они не бросаются ни собственным народом, ни накопленными богатствами, ни подведомственными территориями.

6. Систематически осуществлялись попытки распространить свой "эксперимент" на большую территорию, прежде всего на население ряда соседних стран. Теория перманентной революции и стремление освободить народы от ига капитализма были выдвинуты в качестве идеологического фундамента такого распространения. Однако ни в одной стране победившего в войне Запада ничего подобного серьезно не произошло. Распространение влияния интенсивно развивающегося и позитивного социального организма на соседние организмы может являться, вообще говоря, благом. Но ничего подобного как раз и не было. Промышленность и сельское хозяйство разоренной Советской России было в своем развитии далеко отброшено назад, социального единства никакого не было, военная сила держалась на рабской мобилизации народных масс. Разумеется, были и энтузиасты, и преданные революции комиссары, и способные военачальники, но без "серой скотины", как показывает история Белого движения, большевики ничего бы не смогли сделать / 42, 44 /.

7. Целенаправленное и крайне жесткое пресечение многих живительных сил продуктивных пластов своего государства. Так опять же хороший хозяин не поступает. Но глубокому экспериментатору это-то как раз и надобно – "очистить" общество для "чистоты" эксперимента. Создание новых социальных структур и модернизация старых, раздуваемых по своим штатам до невероятных размеров и приводящих к глобальной тотальности. Нагляднейший пример – органы государственной безопасности.

Борьба с почти всем населением бывшей Российской империи. Гражданская война, разруха, голод, крестьянские и рабочие восстания, разгул всевозможных атаманов, жесточайшее подавление внутреннего "контрреволюционного врага" (особенно "славен" здесь г-н Тухачевский) – это все плоды революции. Борьба с зажиточным крестьянством и вообще с состоятельными слоями общества, со старой интеллигенцией, физическое уничтожение лиц царской, княжеской и крупнодворянской крови (это уж явно не просто так, это – очевидная экспериментаторская программа, а не построение нового благодатного мира для всех). Многие ценные специалисты уничтожались, а "классовочистые" выскочки-дилетанты занимали их места. Большевики объективно опирались в значительной степени на люмпен-бедняцкие или инородные элементы общества, не являющиеся, как правило, носителями национальных идей коренных российских народов и их нравственных устоев, но получающие от новой власти многие преимущества и привилегии. А знаменитое деление крестьянства на бедняков, середняков и кулаков со столь же знаменитым отданием предпочтения беднякам? Ни в одном национально-здоровом государстве никто не опирается на люмпен-бедняков.

Колоссальный удар по церкви, носительнице нравственных устоев: ссылки, расстрелы, закрытие храмов и монастырей, выращивание обновленчества. Вообще уничтожение исконно-русского духа, насаждение интернационально-классового сознания. Нельзя не вспомнить здесь слова Л. Кагановича о "задирании подола матушке России" при уничтожении храма Христа Спасителя.

8. Финансирование большевиков осуществлялось именно капиталистическим миром, а не пролетарскими слоями населения соседних стран, оно осуществлялось прежде всего США и Германией. Это теперь известный факт / 42 /.

9. Колоссальное, явно непропорциональное влияние инородного элемента в основных органах большевистской власти по сравнению с представителями коренных народов (русских, украинцев, белорусов). Только они, находясь в массе достаточно пассивного, но в целом враждебного к ним населения, могли выполнять все поручения новых властей. Эти силы отличались беспощадным подавлением любых голосов и отголосков старого мира. Примечательный исторический факт служит тому ярчайшим подтверждением: в привилегированных частях Красной Армии того времени числилось огромное количество интернациональных – "инородных элементов" – более 250 тысяч человек (венгров, австрийцев, чехов, прибалтов, китайцев и др.) / 42 /. Многие из них были просто "на заработках". В 1918-м году интернационалисты составляли аж 19% численности Красной Армии / 42 /. Это уникальная цифра в истории гражданских войн, показывающая, что война эта не была чисто гражданской.

10. Общая враждебность населения к новой власти была выражена довольно четко. Тогда еще находились значительные силы сопротив-

ления, это вам не 1991 – 1993 гг. Это Белое движение, возникшее не в одном, а во многих местах России, это крестьянские бунты, выступления городского населения, в том числе рабочих. Это и крестьянские национальные вольницы атаманско-псевдогосударственного характера (Махно и др.), это и общее пассивное сопротивление большинства граждан России. Здесь следует подчеркнуть, что враждебность появилась не сразу, а именно в связи с действиями большевиков. То есть большевизм был навязанным явлением для народа страны. Поэтому народ в целом либо “очищался”, принуждался, экономически покупался, либо запугивался или уничтожался. Все это прямо говорит о неорганичном, чисто экспериментаторском характере действий 1-го большевистско-ленинского этапа истории новой России. Вот, кстати говоря, почему отношение к Ленину даже в конце 20-го века со стороны “демократической” власти России было такое “неоднозначное”, вот почему его прах и на рубеже третьего тысячелетия еще покоится на главной площади страны – Красной площади, в то время как настоящего строителя могущества Советского Союза, вздумавшего-посмеявшего замахнуться на “планового” лидера – США, вздумавшего “давить” на Европу, а не просто спасти ее от фашизма, то есть И.В. Сталина, клеймят почему зря. Тело его уже давно выброшено из мавзолея.

11. Действия ленинских большевиков “удивительно” соответствуют стратегическим целям Запада в отношении России:

- уничтожение Российской империи; предоставление свободы Финляндии, Польше, прибалтийским странам есть создание буферного кордона “экспериментальной зоне”;

- уничтожение аристократически-династических слоев; такой степени “классового” уничтожения, какое мы наблюдаем в действиях большевиков, история еще не знала;

- резкое ослабление постцарского государства; здесь все как “по нотам”: взаимоистребление в гражданской войне, разруха, голод, восстания и т.д.;

- предоставление многих богатств России в руки различных “благодетелей”;

- идеологические установки новой власти, как это ни покажется многим странным, очень и очень соответствовали интересам крупного западного капитала: антирелигиозная направленность, расчищающая дорогу любой внушаемой идеологии, идейное задурманивание, обеспечивающее порабощение масс (классовая борьба – главный двигатель истории, интернационализм – философия безродной ненациональности, происхождение человека из пролетарских слоев – гарантия его полезности для Нового Мира, обещание светлого будущего – созвучно “раю на Земле” и т.д.), объяснение тоталитарности – “диктатуры пролетариата” как необходимейшего средства построения Нового Мира, обоснования потоков крови и др.

12. Сильнейший объективный факт, на который мало обращают внимание, – Советская Россия, начиная с 1917-го года, в 20-е годы и даже в начале 30-х годов представляла из себя слабое в военном отношении государство. Лишь массовая мобилизация населения создавала высокую “номинальную” численность Красной Армии. Но боеспособность таких частей оставляла желать лучшего. Небольшая Польша в начале 20-х годов сумела разгромить большевиков, под руками которых была почти вся Россия, Украина, Белоруссия и другие земли (лишь в Крыму еще находился Врангель). Эта “номинальность” продолжала играть свою роль очень долго. Вспомним фактический разгром превосходящей немцев по численности войск и количеству техники Красной Армией летом 1941-го года. Здесь важно также то, что большевики не посягали на “коренной” Запад. Если бы Советская Россия представляла действительную угрозу Западу в это время, а не некий “экспериментальный плацдарм”, не базу своего дешевого снабжения и обогащения, то она была бы с легкостью уничтожена еще во время существования Белого движения. Однако ничего подобного сделано не было, ни одна дивизия победившего Запада серьезно не дралась с большевиками – факт, который не перечеркнет никакое лукавствующее мудрствование.

В комплексе все это свидетельствует о “чистке” человеческого материала с целью построения некой новой, а на самом деле старозападной системы. Эта система выражает суть этого духа вообще, выражает с некоторой новой столь же западной “изюминкой” – эксперимент-опыт построения посткапиталистической системы ставится на чужом теле чужих народов. При этом “туземные” народы полностью не уничтожаются (как в США), а усиленно эксплуатируются. Схематически структура возводимой квазипосткапиталистической системы представлена ниже.

Такая структура, такой, с позволения сказать, “мавзолей” напоминает то, что ныне строится в общемировом масштабе. Это еще более подтверждает экспериментальный характер деяний 1-го этапа большевистской власти. Уже тогда очень мудро некоторыми силами возводились начатки-пробы нового мироустройства. С региональной точки зрения, сие, вообще говоря, может быть достойно даже уважения.

Но вернемся к истории. Основными заботами Антанты в отношении России, как уже говорилось выше, были надежды на продолжение использования русского пушечного мяса в войне с Германией. Заключение Брестского мира было невыгодно Антанте, началась высадка ее “окупационных” отрядов, кстати, очень незначительных по численности, на отдельные участки территории бывшей Российской империи. Это делалось вовсе не для войны с большевиками, а из чисто военного стратегического интереса – не дать немцам попользоваться богатствами России, не дать им захватить товары, посланные ранее Антантой в Россию для продолжения войны с Германией. Эти товары находились в портовых городах, и именно туда и только туда

высаживались "оккупационные" отряды / 44 /. Вот они – истинные корни помощи Западу Белому движению, вот они – истинные интересы Запада, связанные с этим движением:

- противодействовать миру Германия – новая Россия;
- обеспечить невозможность товарных поставок из России в Германию;
- максимально ослабить силы России в гражданской войне;
- заставить большевистское правительство быть более сговорчивым;
- не допустить победы национально-патриотических сил в России.

Ничего, абсолютно ничего иного не предусматривалось в качестве целей помощи Белому движению.

Простая значительная силовая поддержка Белого движения освободившимися вооруженными силами Антанты дала бы быстрый результат. Но Западу ничего этого не нужно было. Ему нужно было ограбление России. Ему необходимо было устранить саму возможность создания сильного национально-патриотического государства. На эту роль лучше всего подходили большевики, они и были оставлены у власти.

Как только немцы капитулировали, интерес к воссозданию даже подобия старой России со стороны Запада пропал окончательно. Большевики, по сути, начали пользоваться его поддержкой. Очень скоро многие западные страны заключили с Советской Россией дипломатические отношения. Какие уж тут разговоры о хваленном чело-веколюбии, о поддержке демократии, свободы и т.п., так широко

искореняемых в то время в России. Надобно ясно и холодным умом видеть истинное региональное лицо Запада. Когда же мы отрешимся от нашего преклонения перед розовыми идеями, прикрывающими не такую уж и сложную региональную суть ярко-привлекательной, но обманчивой личиной недоброкачественных социальных теорий? Итак, Белое движение было вынуждено рассчитывать в основном только на свои собственные источники.

Если по-крупному оценивать расстановку сил во время гражданской войны, то она в общих чертах сводилась к следующему:

1. Большевики удерживали центр России, что давало им значительные преимущества: более высокие финансовые и организационные возможности, приоритет в межгосударственных отношениях за счет представительства центральной, якобы легитимной власти.

2. Никаких внутренних сдерживающих рамок, никакой разборчивости в средствах, безжалостная расправа с инакодействующими, инакомыслящими и даже просто потенциально классово-недружественными гражданами со стороны большевиков.

3. Фактическая поддержка (пусть и неофициальная) новой власти.

4. Помощь Белому движению со стороны стран Антанты осуществлялась в большей степени на словах, чем на деле. Она проводилась в строго меркантильных рамках, часто за предоплату услуг золотом, предоплату за второсортные военные товары, которые нередко так и не поступали в распоряжение белогвардейских армий / 44 /.

Здесь уместно напомнить об одном важном и не очень известном обстоятельстве, а именно: условием поддержки Западом Белого движения был отказ белогвардейского командования от монархической идеи / 42 /. Поэтому Белое движение официально шло курсом прозападно-либеральным, а не экспериментаторски-большевистским, то есть курсом Керенского. Так что, ежели бы даже Белое движение "невероятно как" победило, то это обернулось скорее всего лишь иной формой покорения и разрушения России. Запад раскладывал бесприкрытый исторический "пасьянс".

5. Имелся целый ряд обстоятельств чисто военного характера, которыми большевики сумели неплохо воспользоваться:

- центральное расположение контролируемых территорий, повышенная плотность населения – больше "пушечного мяса", более развитые районы с подготовленными кадрами, лучшие средства коммуникации и т.д.;

- захват расположенных в центре России и планируемых ранее к использованию царской армией огромных запасов боевых средств и военного снаряжения;

- несопоставимая с противником мобилизационная активность, численность частей Красной Армии во много раз превосходила численность действующих против них белогвардейских соединений / 44 /;

- костяк Красной Армии состоял не только из преданных партийцев, комсомольцев, комиссаров и т.п., он включал и "нанятых"

военспецов, и привилегированные инородные части; они-то и распорядились призванным "быдлом", порой безграмотно и часто просто немилосердно заливая этой "дешевой" кровью свои победы / 44 /;

- основные боевые силы Белого движения так и остались, по сути, добровольческими (недаром их называли белогвардейцами), их боевое мастерство было часто единственным средством, которое они могли противопоставить численно превосходящему противнику; порой кажется удивительным, как Белое движение сумело так долго продержаться; основной опорой этому движению было профессиональное офицерство и активная ненависть подверженных большевистскому "воздействию" социальных слоев; однако для победы этого было явно недостаточно;

- очень часто белогвардейцам приходилось восполнять недостаток вооружения и боеприпасов победами в сражениях над своими врагами / 44 /.

6. Пропаганда и агитация большевиков были несравнимо доходчивей, наглядней и проще, чем у их противников. Сколько заманчивости было в таких известных лозунгах-установках, как: "Кто был никем – тот станет всем", "Долой помещиков и капиталистов", "Да здравствует трудовой народ", "Грабь награбленное", "Наш паровоз, вперед лети, в коммуне останова" и т.п. Огромная, выращенная веками пропасть между "голубой кровью", "баринном" и "черной костью" дала свои роковые результаты. Белое движение так и не смогло наладить надежных связей ни с крестьянством, ни с народно-атаманскими движениями, претендующими на примитивную независимость и очень часто выступающими против "беляков". Что говорить, если только в конце гражданской войны, в Сибири, были, наконец, сформулированы некоторые радикальные позитивные подвиги в белогвардейской идеологии / 42, 44 /. Но было уже слишком поздно. Итак, причин для поражения Белого движения накопилось более чем достаточно / 42, 44, 45 /.

Если перейти на религиозно-философскую трактовку явлений этого периода, то можно отметить следующее. Нельзя сказать, что только экспериментаторские большевистские лидеры вершили судьбы России. Это не так. В ту эпоху общего нестроения в головах многих людей сработала вера в возможность построения самими массами нового общества, более повернутого лицом к простому человеку. Это было очень заманчиво и настолько же наивно – верить, что можно своими "просто пролетарскими" руками, без бога в душе, без милости и любви в сердце построить справедливое общество, в данном случае – коммунизм. Великий человек 20-го века, митрополит Иоанн, говорил, что духовной первопричиной русской трагедии явилось то, что русский народ поддался соблазну "земных тленных благ" и отказался от идеи жизни как "великого духовного служения" / 28 /. Сработало постоянно существующее, то угасающее, то вспыхивающее и разливающееся вширь, стремление к лучшей индивидуальной жизни, достига-

емой путем чисто материальной общинности. Вот они, глубинно-философские корни свершившихся изменений в головах очень многих граждан России. И здесь неважно, реализуемы ли они были в тех условиях, соответствовали ли они истинным замыслам всех большевиков того времени. А действительные враги России удобно воспользовались этими идейными подвижками. Прикрывшись ими как ширмой, они постарались решить свои собственные задачи.

Если бы русский социальный организм был здоров, то он справился бы со всеми этими проблемами. Но в том-то и дело, что Россия уже давно была больна. Поражение в войне с Японией в 1904-м году, восстание 1905-го года, думские эксперименты, военные неудачи в мировой войне и многое другое – это не случайности, а закономерные следствия-симптомы общей слабости. Здоровый организм не боится заразы, слабый же легко поддается ее воздействию. Поэтому новая атака Запада, атака вовсе не такая уж и сильная (слабому организму много не надо), но все же хитроумно-изошренная (либералы-“демократы”, экспериментаторы-большевики, прихотливая смесь народных чаяний, различных “простеньких” идеалов, материальных устремлений, ликвидаторства старого и построения нового), увенчалась успехом. Шит, который Россия выстраивала, пусть с переменным успехом, в своих руках в течение многих столетий, теперь откровенно рухнул в 1917-м году. Этот шит много раз выпадал из ее рук под воздействием различных веяний (Смутное время, эпоха Петра, постпетровская иноземщина, время Наполеона, Крымская война и др.), но так сокрушительно и быстро он не разбивался никогда. Однако вот “загадка” истории (может, и не загадка, не только чужое дирижирование, а прихоти русского духа или даже задача высшего предназначения) – в скором времени миру предстояло увидеть в значительной степени иное, не очень-то и “заказанное” Западом лицо – суровое, во многом страшное, но регионально-мощное лицо СССР эпохи И.В. Сталина.

Итак, все шло к агонии Белого движения, эта агония произошла и очень быстро закончилась. Большевицкая власть укрепилась, она стала централизованно-государственной и сохранила границы своего тотального влияния почти на всю территорию прежней Российской империи. Теперь она стала проявлять некоторые черты своей самостоятельности и во внешней политике. Вдохновленная идеей перманентной революции, совершилась попытка внешней экспансии. Кстати говоря, в то время многие большевики именно так представляли себе дальнейшую мировую историю. Эйфория успехов, результаты работы с массами, опыт создания крупных соединений (одна Первая Конная армия чего стоит) вскружили одержимые этой идеей головы ряда большевицких лидеров. Можно даже сказать, что большевики как бы попытались “переиграть” своих попечителей, то есть попытались выйти из рамок простого экспериментаторского заказа. Они попробовали принести “карающий меч революции” в Европу. Были и другие

симптомы возгорания “пожара революции” – вспомним постимперскую Германию или Венгрию. Однако эти “пожары” провалились, как провалился поход на Польшу. Времена Наполеона, когда революционным духом нужно было заразить всю Европу, давно прошли, новому мировому дирижеру подобного было не надобно. На этом, по сути дела, закончились попытки реализовать на практике идеи перманентной революции. На этом же моменте был пройден пик 1-го этапа истории новой России, этапа большевистского, агрессивно-революционно-ликвидаторского.

Теперь большевикам что-то надо было делать, ситуация становилась опять критической, страна лежала в разрухе, большинство населения, которое в целом враждебно к большевикам, стало возвращаться к буквально допотопным, а значит, к почти несоциальным формам материального существования, точнее – просто выживания. Да и западный “заказ” надо было выполнять. И тогда был совершен ход, совершен вполне логично, а вовсе не случайно или гениально-политически, ход, укладывающийся в канву и философию большевизма. Была введена так называемая новая экономическая политика (какая мягенькая формулировочка для простой цели новой власти – банального собственного выживания в условиях капиталистического окружения с желанием сохранить глобальные установки экспериментаторства). Причинно-обоснованную суть НЭПа можно свести к следующему:

1. Западный мир до 1929-го года был на подъеме, а Россия неимоверно ослабла. Само дальнейшее существование большевистской власти становилось большим вопросом во всех планах. В том числе и экспериментаторском. Поэтому сделана была ставка на капиталистическое оживление умирающего хозяйства (для многих посредственных умов, не осознающих истинную суть большевизма, это казалось отступлением от идеи, ха-ха!). Было принято примитивно-простейшее решение – “нанять” капиталистов строить базис нового общества, расплачиваясь накопленными веками богатствами России. Тут особого ума не надобно, не говоря уже о гениальности. НЭП – это признак собственной недееспособности новой власти, это признак крайне слабого профессионализма пришедших к власти “старых революционеров”. Чрезвычайно неэффективная политика примитивного грабежа и уничтожения, прикрываемая “великими” лозунгами и идеями (вспомним хотя бы коммуны), себя быстро исчерпала. Режим ничего не придумал лучше, чем просто повернуть руль в сторону, где можно было пожить и продолжать существовать далее.

2. Не удалась экспансия – мировая революция (и не могла удалась, она не отвечала целям заказанного эксперимента) как отражение тогдашней теории коммунизма. Нужно было ужиться с государствами победившего капиталистического мира. Вот вам и нэп как демонстрация своей лояльности к окружающему миру, как ярчайшее подтверждение экспериментаторского, а не пролетарско-ком-

мунистического и уж тем более не национально-русского духа. Вот она – ставка на зарубежные хозяйственные поставки оборудования, станков, машин, ставка на создание некоторого хотя бы минимального технического базиса своего господства. Платилось щедро. Так что разговоры о том, что золотом платилось “вес на вес”, имели под собой твердую почву, это – не пустая болтовня, а отражение реалий того времени. Началась беспрецедентная в истории распродажа всего, что только пожелает Запад. Распродавались в том числе ценнейшие произведения искусства, которыми старались буквально завалить зарубежный антикварный рынок / 46, 47 /.

3. Еще раз подтверждался когерентный “заказчику”, а не “светло-народно-пролетарский” характер строительства нового социального мира. Ведь, по сути, в нем существенно-важно было одно – глобальное разделение “неогоспода – рабы”, а не положение промежуточных прослоек или какое-либо “теоретическое обоснование”, например, идея чистого коммунизма или объявленного частичного капитализма.

Способ социальной эксплуатации здесь играл второстепенную роль, как ни пытались или ни пытаются до сих пор убедить нас в обратном апологеты различных “измов”. Здесь все прекрасно уживалось в едином “букете”: и социализация с государственным тоталитаризмом, и капитализация хозяйственности, и феодальная фискальность, и неорабство, и даже развитие родоплеменных отношений. Вот подлинный пример, когда пресловутый “закон соответствия” производственных отношений уровню развития производительных сил трещит по всем швам.

4. НЭП никак не противоречит настоящей, а не официальной большевистской доктрине, то есть подлинной герметической философии 1-го большевистского этапа истории. Главное в НЭПе следующее – вся верховная власть, все основные рычаги управления и силовые структуры должны находиться в руках государственной верхушки, во главе которой восседает большевистская элита, которая и расставляет своих людей, членов партии, разумеется, по основным клеточкам социального организма. Это – главное, а чем властвовать и каким способом, каким “измом” властвовать, – дело второе.

Перечисленного вполне достаточно для того, чтобы понять, что НЭП есть вовсе не случайный, а более чем естественный продукт большевистского этапа истории.

Однако со временем на сцену истории России стали выходить новые силы. Перетряхнув и взбаламутив до основания весь организм бывшей Российской империи, классово ликвидировав многие старые социальные слои, уничтожив прежние корпоративные связи, новая социальная система не могла не функционировать, не втянув в вихрь своих изменений, не подняв на некоторый верх выходцев из низов. Представители этих низов проходили наверх по “каналам” Советов, партии, комсомола, неплохого хозяйствования, удачливого военного действия и др. Наряду со старой большевистской гвардией и

“пристегнутыми” к ним “спецами”, эти выходцы из низов, которые не очень-то, а порой и вовсе не разбирались в основах теории марксизма, стали тем новым цементом, на котором стало замешиваться будущее страны. Они заполняли вакансии новой иерархии от самых мелких руководителей трудовых масс до заметных высот парт- и хозаппарата. Со временем эта сила, соединенная с рядом “спецов” и с остатками старой бюрократии, стала главной в жизни страны.

В знаменитом кинофильме “Чапаев” есть одна запоминающаяся сценка, в которой крестьянин спрашивает у Чапаева, за кого он: “за большевиков, али за коммунистов”. Не надо улыбаться, эти слова вовсе не лишены смысла, как это кажется на первый взгляд. Именно этих людей, пришедших, как правило, из низов коренных народных масс, скорее всего и следует называть коммунистами-строителями социализма. Их следует четко отличать от “старых” большевиков – властителей 1-го, большевистского этапа. Ленинская “гвардия” хотя и приобрела в нэпе возможность своего дальнейшего существования, однако не могла не втянуться в новую для нее борьбу, борьбу не просто с закабаленным народом и “вшивыми интеллигентами”, а борьбу с выращенными ею самыми представителями народного “революционного пожара”. Это – дело совсем-совсем другое. И кто же первым должен был уйти со сцены власти? Разумеется, носители перманентной идеи. Первый удар был нанесен именно по ним, с капитализмом был заключен мир. Борьба несколько затянулась, но все же Троцкий, считавшийся главным лидером сего направления, навсегда покинул СССР в 1929-м году.

Дальнейшие события в России нужно рассматривать в прямой связи с мировыми явлениями. Поэтому следует прервать рассмотрение ее истории и вернуться назад, чтобы не утратить синхронность изложения, которая выдерживается в данной работе.

Эйфория победившего капитала. Причины кризиса 1929–1933 годов

После поражения Германии и выполнения главных целей мировой войны западный мир не мог не погрузиться в эйфорию победы. В странах-победителях стали ускоренно зализывать раны войны. Капитализм набросил свои сети на все, что только он мог проглотить. Финансовый капитал, до того времени более или менее базирующийся на реальных товарных потоках, “оторвался” от производственного. Подобное встречалось и ранее, например, в эпоху Французской Реставрации / 48 /, но это не носило тогда такого глобального характера. Оперирование не конкретными ценностями, а их знаковыми символами или даже эфемерными фантомами, позволяющее как бы “безналично” производить экономические операции, достигло невероятных размеров. При этом уровень международных связей стал

настолько высоким, что резкие изменения в одной крупной стране неминуемо приводили к цепочке последствий во всех других странах многообразного мира. Принцип межгосударственного естественноисторического "отбора" стал заметно нарушаться. Наступала эпоха международного империализма в мировом масштабе с локализацией лидера-гегемона. За всем этим просто не могут не усматриваться деяния теневых верхов.

Объективных свидетельств этого было много:

1. Резкий отрыв финансового капитала от производственного – прекраснейшая питательная среда для теневой элиты.

2. Космополитическая взаимосвязанность победившего в войне капиталистического мира; уже тогда ни о каком серьезном свободно-конкурентном "чистом рынке" и речи быть не могло (в России 1990-х годов это была просто "лапша для недалеких умов"). Эта взаимосвязанность, работа на построение нового мирового порядка способствовали экономическому кризису 1929-го года.

3. Усилившаяся "интернациональная" теневая элита могла стать мощным средством недопущения кризиса. С этим она не справилась. Но она справилась с выходом из кризиса. Именно в США, лидере капитализма, усиленно проводились плодотворные контакты Т. Рузвельта с сильными мира сего (способный президент, ничего не скажешь), направленные на восстановление утраченных было капитализмом мировых позиций. Вот оно – проявление теневых владык. Начиналась эпоха замкнутого капитализма. Не вдаваясь здесь в подробности теории замкнутого неокapитализма (в этой книге автор его подробно не описывает), нужно все же сказать следующее. Суть такого капитализма кратко сводится к тому, что властвующая страна или ряд стран перестраивают весь мир таким образом, что он, этот мир, создает товары, потребляет их, отдает другим (значительную и лучшую часть, разумеется, властвующей стране), осуществляет товарные перемещения и т.д., оставляя, однако, всю крупно-организационную, доминирующую-силовую, определяюще-финансовую и глобально-контролирующую власть в руках этой властвующей стороны. Многого из этого сделать тогда капитализм не сумел, да и не успел – вот вам и кризис.

4. Общая логика исторических событий предшествующих веков свидетельствует об усиливающейся тенденции к построению социальной системы общемирового уровня. Эта тенденция была "поднята на шит" новым капитализмом.

5. Интенсивнейшее распространение идеологических установок, направленных на построение нового мирового порядка: развитие идей космополитизма, антирелигиозности, материально-технической вселенскости, которые отличаются по многим пунктам от целого ряда положений "классических" мировых религий. Вот, кстати говоря, на каком фронте велась настоящая духовная борьба в 20-м веке.

6. Последовательность и стратегическая однонаправленность исторического процесса, сводящиеся в значительной мере к логике колос-

сального индивидуалистического элитного накопления, к созданию контролируемых богатств, то есть к созданию неконтролируемых и скрытых от глаз плебса верхов, составляющих неоаристократическое и узкозамкнутое меньшинство человечества.

Ясно, что теневая элита просто не могла не существовать в тех условиях, как рыба не может не зародиться и не существовать в благодатнейшем для ее жизни водоеме. Так что самая различная литература, посвященная тайным силам и их деяниям (см., например, / 49 /), так или иначе, но отражает реальность, а не фантазии дилетантов. Последующие исторические события, в частности, явления общемирового кризиса ярчайшим образом подтверждают вышесказанное.

Кризис есть результат чрезмернейшей капитализации экономики Запада, несоразмерной эксплуатации трудовых масс, результат проявлений эффектов замкнутости нового капитализма, неготовности к ним теневых верхов и даже результат начала интенсивной виртуализации жизни многих социальных слоев вообще. Причины кризиса кроются также и в убыстренном техническом развитии. Гонка за прибылью среди представителей промышленного капитала приводила к непропорционально-раздутому, не обеспеченному реальными ресурсами вкладыванию средств в создание объектов, которые только в перспективе должны были дать огромные барыши. Это – всегда затратная экономика периода строительства.

Мировая капиталистическая экономика впервые столкнулась с эффектами замкнутости в общемировом масштабе. Развитый классический капитализм построен на том, что производство потребительских ценностей должно находить своего внешнего потребителя, который обязательно с лихвой, с прибылью для капиталодержателя оплатит эту ценность другой ценностью, которая, в свою очередь, может быть доведена до конкретной продукции. То есть развитый классический капитализм может хорошо существовать только во время постоянной внешней экспансии или, если точнее выразиться, в разомкнутой системе. При этом осуществляется как бы "релаксация" процесса товарного производства на внешние пространства, на внешние рынки.

В конечном счете это приводит к изъятию из внешних социальных организмов (разумеется, по дешевке) предметов их "туземного" труда для обеспечения "золотого" существования метрополий. Заметим, что на стадии еще не очень развитого капитализма подобного рода капиталистическая "релаксация" может осуществляться в рамках своего собственного социального организма за счет "эксплуатации" других социальных отношений, например, феодальных. Но в любом случае финансист, пустивший в "работу" свой капитал, нацелен на возврат его с некоторой прибылью, в чем и заключается смысл капиталистического накопления. Классики марксизма-ленинизма показали это со всей наглядностью, уж в этом-то они не ошиблись.

Если замкнуть развитую капиталистическую систему саму на себя, не сделав внутри нее некоторых важных "конструктивных изменений", то результат будет следующим. Условное интегрирование всех актов "производство – распределение" показывает, что необходимо будет реализовать произведенную продукцию в замкнутых рамках производителей этой целостной системы. Но тогда наращивание крупного капитала в частных руках одних капиталистических ячеек будет возможно либо при массовом разорении других ячеек, либо при введении, по сути, планово-контрольной экономики. Последнее совсем не характерно для классического капитализма. Поэтому с проявлением эффектов замкнутости вся система старого капиталистического накопления рушится. Начинается массовое разорение ячеек мелкого и среднего звена, приводящее, в свою очередь, к взрыву безработицы. При этом происходит как бы парадоксальное, небывалое доселе для экономики явление – интенсивная эксплуатация масс не дает теперь результата, более того, чем сильнее эксплуатация и больше ожидаемая прибыль капиталиста-производителя, тем меньше шансов получить эту прибыль, получить, разумеется, интегрально, то есть в целом по системе. Ведь производитель должен приобрести практически весь произведенный товар, что в рамках рассматриваемого капитализма есть абсурд, есть противоречие такого капитализма как экономической системы. И тогда начинается бескомпромиссная и жестокая внутренняя борьба, сопровождающаяся разрушительными последствиями.

Вот он – кризис, хотя формально все есть: готовые трудиться производители, налаженное производство, госаппарат, сырье, предметы труда и произведенные товары. Итак, кратко говоря, кризис – это внутренняя война капитала с самим собой.

Зарождение глобального неокapитализма

Выходов из такого кризиса несколько. Первый – принципиальный, а именно социальная революция. Однако мировая история нам такого опыта не преподнесла по целому ряду причин. Второй – сильнейшее разрушение до состояния еще не развитого капитала. Такого тоже полностью не произошло, эффекты замкнутости еще не доросли до того состояния, чтобы они могли бы породить мировую катастрофу, намного отбросившую человечество назад в своем развитии. Был реализован третий путь – "а-ля государственный", при котором государственная надстройка "договаривается" с крупным капиталом, в том числе и с теневой элитой, о совместном осуществлении ряда явно некапиталистических мероприятий (в классическом понимании капитализма, разумеется). Государственный аппарат как бы принуждает верхи капитала временно перейти на спасительную, но затратную экономику, точнее, призывая его перейти к работе "на

перспективу”, к построению фундамента неокапитализма как следующего этапа общего капиталистического процесса. Новый Запад дальновидно выбрал путь повышения роли государственности ценой временного ограничения сегодняшних капиталистических интересов, такой государственности, которая со временем станет работать в направлении построения глобального капитализма.

Здесь очень полезно отметить одно важнейшее обстоятельство – капитализм вполне сносно и даже успешно может существовать в условиях замкнутости, не следует заблуждаться в противном. Капитализм – великая система организации социальной жизни, имеющая массу возможностей для своего устойчивого существования. Надо только учесть, что при этом он значительно деформируется, но все же сохраняет свои фундаментальные первоосновы. Эту фазу его развития можно назвать неокапитализмом. На этом-то третьем пути капитализм и остановил, если так можно выразиться, свой выбор, остановил, кстати говоря, очень удачно.

Четвертым направлением выхода из кризиса можно назвать ужесточение социальной структуры общества. Оно связано с проявлением самоограничения, инициированного кризисными явлениями и распространяемого во многих слоях общества, с усилением национальной идеологии. На Новом Западе этот путь был, “естественно”, не реализован.

После первой мировой войны с очевидностью для всех стало ясно, что не столько идеологическая подготовка населения, сколько технические достижения являются определяющими для регионального доминирования. При этом переход значительной части человечества в “технотронную” жизнь, не определяемую, по сути, окружающей природой, приобрел характер необратимости. Человек все более и более становился предметом и продуктом технического развития, которое стало жестко диктовать ему свои условия, нередко много жестче, чем прежняя феодальная власть. Военно-технические и экономические гонки претендующих на влияние государств начались снова. Они-то и определили всю “внешнюю” сторону истории человечества в 20-м веке. Они-то и помогли осуществиться еще одной попытке германского реванша – борьбе континента с новым межконтинентальным капитализмом.

Фашизм как реакция континентальной Европы

Теперь пора перейти к рассмотрению фашизма. Сегодня его принято всячески, от начала и до конца, чернить и поносить. Но все ли и всегда ли в нем было так плохо, так это на самом деле? Раз фашизм есть сильное историческое явление 20-го века, “подхватившее” многих людей многих народов, то даже из общих соображений следует, что не абсолютно все в нем должно быть прямо отрицатель-

но по идеям, целям, действиям, результатам и последствиям. Такого в истории просто не бывает.

Добротного, объективно-беспристрастного и широко известного всестороннего анализа этого вообще-то непростого и совсем не однозначного явления на фоне официального общемирового порицания мы сегодня так и не имеем. Да, в эпоху фашизма осуществлялись колоссальные разрушения, погибли и подверглись гонениям огромное число людей. Здесь оправдывать фашизм не стоит, тем более оправдывать народам бывшего СССР, наиболее пострадавшим от гитлеровской экспансии и сохранившим эту боль до сих пор в своих сердцах.

Но надобно не забывать, что и "цивилизованные" народы тоже причиняли миру значительные миллионные "кровопускания", которые сегодня как-то особенно не "выпячиваются". Ведь были удивительно длительные внутриевропейские войны, ужасы колонизации, массовое "переселение" негритянских рабов в Америку, революционные эпохи, первая мировая война и др. Если история будет анализировать не суть явлений, а прежде всего "считаться", кто "первый начал" (детский лепет) или кто больше кого побил (а может, битый достоин бития?), то грош цена такой истории! Кроме того, не надо забывать и так называемый эффект победителя, который гласит, что победитель всегда выставляет идеи и действия побежденного в самом неприглядном свете.

При анализе фашизма надо обратить внимание на следующее. Фашизм в своем развитии прошел ряд этапов, которые во многом значительно отличались друг от друга. На этапе становления в нем было нечто позитивное. Митрополит Иоанн как истинно русский человек, которого никак нельзя обвинить в симпатии к фашизму, пишет в то же время о нем следующее: "Фашизм начал свое существование как идеология народного единства и христианского консерватизма ..." / 28 /. Только потом, под воздействием целого ряда факторов, он докатился до того состояния, которое заслужил.

Учитывая логику исторических тенденций, отчасти уже рассмотренных выше, можно с уверенностью сказать, что фашизм есть, вообще говоря, объективное явление мировой истории западного свойства, отражающее еще один этап технически вооруженной борьбы континентальной Европы с имперско-колонизаторской, "морской" сущностью Нового Запада, уже претендующего на мировое господство. Это реакция на такой капитализм, который нацелен работать прежде всего не на национальных общественных ресурсах (вот и прояснение термина "национал-социализм"), а на ресурсах колонизируемого им мира. Такой капитализм рассчитывает на интернациональные связи капитала, выбравшего себе в качестве лидирующих коней, на хребте которых он собирается въезжать в строящийся им "рай", наиболее "удачливые" государства неконтинентальные или полуконтинентальные, а именно: США, Англию и Францию. Он рас-

считывает на создание опережающего всех научно-технического прогресса, интенсивное развитие своей производственной и информационной базы, использование привозного сырья, эксплуатацию социальной энергии собственного населения, объективно создающейся при относительно более высоком уровне жизни и др. В век технического прогресса этот самый прогресс и становится платформой для подавляющего закабаления всего внешнего по отношению к лидерам нового капитализма. Технический прогресс теперь становится самым основательным материальным средством (прогресс не является, вообще говоря, первоцелью "человека разумного", сие надо не забывать), которое позволяет закреплять колоссальное межгосударственное и социальное неравенство. Малая толика людей планеты за счет него хочет теперь держать в повиновении все остальное человечество.

Вот откуда происходят истинные корни фашизма как реакции континентальной, но той же самой Европы на установление такого рода мирового порядка. Вот откуда такие же амбициозные геополитические замыслы фашистской Германии, вот откуда обшность многих явлений "тоталитарного фашизма" и "либеральной демократии". Фашизм в лице Германии и атлантизм в лице основной капиталистической связки того времени "США, Англия, Франция" стремились к одной цели – к мировому лидерству, и каждый из них с успехом "уворовывал" друг у друга наиболее ценные достижения. В этой борьбе шло взаимообогащение противников, победитель же постарался снять все "сливки".

А раз это так, раз это есть новое повторение все тех же старых тенденций, то мы начинаем "вдруг" находить чрезвычайно много исторических параллелей с прежними эпохами. Аналогий между первой и второй мировыми войнами и даже с временами Наполеона "поразительно" много: сначала центрально-европейская грызня, временная победа континентального агрессора, затем борьба с Англией, но нет никакой высадки на ее территорию; позднее атака-вторжение в Россию, перелом хребта агрессору или его ослабление в российских пространствах, затем поражение континентальной Европы, стремление оттеснить Россию от победного "пирога", атака на нее как на вновь основную западную опасность. Существенное отличие здесь в том, что лицо нового Атлантического Запада начинает после первой мировой войны играть США – перенесенная Европа. Вот он, региональный анализ истории во всей своей красе.

Ясно, что атлантическому капитализму совсем не импонировали такие свойства фашизма, как:

- создание системы обшенародного единства без сильного акцента на классовые различия, массовый характер проявлений национальной энергии (одни сборища десятков тысяч людей чего стоят);

- нацеленность на внешнюю экспансию-реванш, интенсификация научно-технической деятельности; за короткий срок, с 1933 г. по 1939 г., была создана практически самая сильная армия в Европе;

- четкая и откровенная расовая политика по отношению к различным народам мира.

Со временем многие из этих свойств с соответствующими доработками перекочевали в новый Атлантический Запад. Было создано подобие общенационального единства для мобилизации масс на борьбу сначала с фашизмом, а затем с другими врагами капиталистической власти; была использована система государственного регулирования экономики; были существенно интенсифицированы военно-технические и научные разработки. Делалось также все, что только возможно для того, чтобы откорректировать фашизм, направить его в нужном для Нового Запада направлении.

На чем же стратегически мог тогда основывать свою победу здоровый фашизм? Ясно, что только на нескольких основных "китах":

1. Усиление духа национального единства, сглаживание внутренней напряженности.

2. Создание более качественных иерархических структур, чем у своих противников, лучшая подготовка и расстановка кадров.

3. Ускоренный технический прогресс, питаемый новыми целевыми установками.

4. Централизация власти, доходящая до социализации хозяйствования; соответствующая концентрация огромных сил на приоритетных направлениях.

5. Поиск новых форм международного взаимодействия, базирующегося на духе национального единства внутри своего государства и ожидании встречных движений народов многих других стран. Приобретение прежде всего соседей-союзников, а не примитивная военная экспансия. Такого рода "цепная реакция" национальных движений была опасна для противников фашизма, ведь могла произойти "фашизация" крупно-регионального масштаба.

6. Развитие идей самоограничения самого различного уровня, от индивидуального до межгосударственного. Сие есть компенсация сырьевых, коммуникационных и других недостатков центрально-европейских стран.

Полезно рассмотреть, как были сформированы эти "киты" фашизма, развивающегося не в эволюционно-инкубаторских условиях, а в реальном времени ускоренного 20-го века. Основными внешними воздействиями на фашизм, ярко окрасившими всю его краткую историю, можно считать следующие:

1. Стремление использовать революционный дух фашизма для окончательного слома аристократизма. Ни коммунистические, ни социалистические силы в Центральной Европе не смогли до конца достичь полного успеха в этом направлении. В связи с этим следует заметить, что в верхах германского рейха "почему-то", за редкими исключениями, так и не оказалось хорошо образованных аристократов (в военных верхах они все же были – результаты известны).

2. Сильнейшая дискредитация идей фашизма.
3. Стремление сравнить германский рейх с СССР.

В итоге было получено то, что откровенно проявилось в истории 20-го века:

1. Крупных успехов в области технического прогресса добилась фашистская Германия. Уму непостижимо, как все это можно было сделать: уже в 1939-м году была создана сильнейшая сухопутная армия, позволившая быстро разгромить Польшу, затем Францию, перемолоть многочисленные советские армии, захватить огромные территории. О высоком уровне технических разработок говорит хотя бы создание ракет серии ФАУ, достижения в области авиации и др. И это было сделано в условиях значительной изоляции и сырьевого голода. Уровень этих разработок продолжает будоражить умы даже в наши дни. Совсем не случайно многие германские специалисты после падения фашизма работали затем на США.

2. Централизация власти и возможность концентрации огромных сил в нужном направлении дали свои плоды в деле подъема германского могущества. Но якобы чрезмерная централизация власти позволяла представить фашизм в глазах многих людей как страну антигуманистическую, грубо-тоталитарную и т.п. Надетая на гитлеризм маска (концлагеря из памяти стирать, конечно, не нужно) до сих пор считается многими людьми истинным лицом любого фашизма вообще. Под знамена борьбы с фашизмом стали собираться самые разнообразные и даже враждебные друг другу силы, от коммунистических до религиозных и даже таких же националистических.

3. Были доведены до крайности многие явления гитлеровского варианта фашизма, которые в итоге пошли на пользу западным "демократиям". В частности, произошел выплеск наверх многих слабо образованных и даже не совсем здоровых личностей; примером здесь можно считать и то, что во главе Германии стал австрийский еврей-тор А. Гитлер, а вовсе не какой-либо высокообразованный коренной германец.

4. Нацизм в Германии принял такие откровенно расовые формы, которые привели к самым ужасным последствиям. В итоге деяния фашизма в расовой сфере, как это сегодня ни покажется многим странным, оказались очень полезными для Нового Запада. Так опорочить расовые установки ранее не удавалось никому. В головах очень многих людей расовая тема была просто "закрыта". Для достижения таких глобальных целей можно было кое-чем и пожертвовать.

В принципе в расовой политике национал-социализма кое-что есть. Но это кое-что было оформлено в эпоху рейха так топорно, из него были выращены такие плоды, от которых потом отшатнулись многие люди планеты. Победители великолепно воспользовались ситуацией. Гибель гитлеризма была объявлена чуть ли не гибелью национально-расовых идей вообще. До сих пор на эту сложную, довольно деликатную, а теперь просто живокровоточащую проблему наложено некото-

рое табу. Сегодня суть проблемы приходится просто выкапывать из-под различных обломков и всевозможных наслоений, в том числе и из-под набросанного на фашизм мусора.

Национально-расовая проблема человечества

Во всем этом следует разобраться. Поэтому просто необходимо на время отвлечься от рассмотрения истории и взглянуть на расово-национальную проблему человечества.

Во-первых, следует уяснить, в чем же заключается позитивный момент постановки расового вопроса в гитлеровской Германии? Он в том, что именно там на государственном уровне были признаны важными национальные признаки любого индивидуума как члена общества.

За длительную историю человечества было замечено, что представители одних частей планеты более склонны к вольному существованию, нередко к глубокой духовности, других – к дисциплинизации жизни, к четкому очерчиванию социальных рамок, к методичной, регламентированной работе и т.п. Третьи наиболее приспособлены к индивидуализму, к установлению своей власти над окружающим миром. Четвертые более склонны к неизменному потребительскому существованию, к почти реликтовому закреплению существующих порядков и нежеланию внешней экспансии. Пятые воспринимают мир, в котором они живут, как только часть бытия, причем не основную его часть, а как бы подготовительно-переходный этап посмертного будущего.

Разумеется, в любой части населения земного шара можно встретить людей – носителей каждого из перечисленных выше типов мироощущения и миросуществования. Но в различных частях планеты относительная доля их может несколько различаться. Это-то и определяет "портрет" той или иной народности, нации, региона и т.п. Население одних частей нашей планеты более склонно к агрессивности, другие в состоянии существовать столетиями без значительных ее вспышек, третьи – вообще чрезвычайно терпимы до готовности к ассимиляции. Одни не отдают свою свободу, предпочитая смерть, другие – легко идут в стойло рабства. Одни в истории создавали неповторимую культуру, другие – лишь идейный плагиат и посредственную переработку, приводящую, как правило, к созданию квазикультур невысокого качества.

Объективных подтверждений сему предостаточно. Прежде всего это различные условия существования населения планеты. К этим условиям можно отнести различные способы пропитания, возможности технических производств, степень трудовой загрузки, возможности товарообмена и т.д. Понятно, например, что житель северных районов вынужден затрачивать больше сил для обеспечения своего

существования, чем какой-либо житель благодатного юга. Отсюда, в частности, следует, что житель такого юга создает более яркие по темпераменту, более экспрессивные, более красочные художественные произведения, он требует более богатого религиозно-нравственного каркаса своего бытия. Такого рода различия в течение многих поколений формируют соответствующие различия в телосложении, различия во взаимоотношении полов, в нравственном поведении и т.д. Известны древние категории: охотник, скотовод, земледelec, торговец, воин, слуга-служитель, свободный, раб и др. Они очень существенны, тем более что в разных регионах они были проявлены по-разному. Мутационные изменения в различных географических средах также могут быть различными. В комплексе все это создает то, что мы сегодня имеем: европеец заметно отличается от японца, житель Крайнего Севера – от негра, а все они – друг от друга. Вот почва для создания многоязычия, разнорелигиозности, разноравственности и др. Все это, в свою очередь, не может не сказаться на особенностях как социального поведения, так и социального устройства в тех или иных регионах планеты.

Современные представления генетического плана в отношении человека, дополненные палеонтологическими исследованиями, можно свести кратко к следующему (см., например, / 50 /):

1. Современный человек произошел от "одного исходного вида", а не от нескольких, длительно существовавших независимо друг от друга.

2. Источником новой разновидности человека, потомками которой мы являемся, был скорее всего новый вид, который около 100 000 лет назад стал распространяться по планете из района Средней Азии в трех различных направлениях: в Африку, на юг Европы, далее в Азию. В Европе этот вид окончательно вытеснил неандертальцев ~ 35000 лет назад. Далее (~ 15 000 лет назад) произошло заселение этим видом Америки. Все это подтверждается тем, что обнаружены генетические крайности как раз в Европе, Африке и Америке.

3. Многочисленные экспериментальные исследования показывают / 50 /, что все же существует определенное разнообразие генетических признаков человечества, которое, кстати говоря, и позволяет делать выводы о прединтории современного человека. Надо учитывать, что малые исторические времена, в генетическом смысле, разумеется, происшедшие с момента разделения человечества по трем вышеуказанным направлениям, не позволили вырастить высокую степень генетической дифференциации, характерную для образования устойчивых региональных подвидов. Установлено, например, что "... 85% всех возможных генотипов (по определяющим признакам) встречается в пределах одной и той же популяции, где бы она ни была расположена географически" / 50 /. Это позволяет многим говорить о высоком генетическом единстве человечества в целом. Но никто серьезно теперь уже не отрицает и того, что все же существу-

ют некоторые различия на генетическом уровне между географически удаленными человеческими популяциями (~ 7–10% генотипов в общей массе / 50 /).

Итак, даже на генетическом уровне установлены некоторые "градиенты генетического разнообразия" / 50 /. При этом не следует забывать, что хотя генетический уровень – самый что ни на есть фундаментальный, что он много "круче" (да простят меня за жаргон читатели), чем иные различия, но поведенческий характер человека в большой степени зависит и от приобретенного им и его предками всегда конкретного "общения" с окружающим миром. Поэтому длительно живущее в одних условиях население части планеты всегда пытается сохранить свой "менталитет".

А отсюда следует важный вывод, что в различные исторические эпохи те индивидуумы, социальные организмы, регионы, которые наилучшим образом приспособляются к той или иной деятельности, которая, в свою очередь, является наиболее результативной, будут иметь преимущества над другими и этими преимуществами будут пользоваться. История подтверждала это неоднократно!

Сие есть реальная и объективная сущность и отмахиваться от нее сегодня, когда многие проблемы, например, проблема терроризма, встают очень остро, никак нельзя. Только накопленная многими поколениями одинаковость бытия, а таковой как раз еще и нет, может создать "одинаковость человечества". Например, однотипная по всей планете жизнь "бумажного" плана, проводимая в бетонных коробках городов и оторванная от создания конкретных, а не знаковых ценностей, подкрашенная-поперченная однотипными наслаждениями (пища, секс, нега тела, престижные знакомства и т.п.), может вырастить одинаковость "человека разумного". Но за спиной этих "знаковых" людей должны находиться с одной стороны – их хозяйева, а с другой – производители совсем не "знаковых", а очень даже реальных ценностей. Так что подобного рода одинаковость не имеет ничего общего с самодостаточным, непротиворечивым человечеством, более того, она может стать губительной для него в принципе.

Вся предыдущая история нам наглядно демонстрирует, что возникновение, развитие, расцвет того или иного социального образования сопровождается впоследствии последующим относительным спадом его активности. Для объяснения такой общей закономерности могут быть "притянуты" самые различные теоретические обоснования (см., например, / 51 /). Однако сему есть вполне простое объяснение.

Каждая историческая эпоха характеризуется своими условиями существования, предоставляя отдельным частям населения планеты возможность воспользоваться этими условиями. Так, например, хорошие сельскохозяйственные угодья, прекрасный климат, неплохие коммуникации, присутствие необходимого набора полезных ископаемых (железные и медные руды, уголь, драгоценные металлы) в стародавние времена порождали сильные государственные образования, импе-

рии регионального уровня. Затем многие из этих региональных лидеров ушли в прошлое или “перекрасились” до неузнаваемости. Почему? В огромнейшей степени потому, что социальные преимущества теперь основывались на новом базисе доминирующего существования. К ним можно отнести более богатый перечень полезных ископаемых (включающий нефть, цветные металлы и др.), высокое развитие средств коммуникации (железные дороги, океанский крупнотоннажный транспорт и др.), интенсивный технический прогресс. Эти изменяющиеся условия являются по большому счету благом.

Почему благом? А потому, что, с одной стороны, они не дают возможности отстающим, окаменелым или загнивающим в развитии социальным организациям надолго устанавливать свою власть и свои порядки над другими организациями, с другой стороны – выделяют лидеров исторического процесса, наиболее приспособленных к новым условиям, а с третьей – позволяют сохранить этих “сегодня отставших” для будущего, для возможного проявления их “законсервированных” свойств в новых, благодатных для этих свойств условиях. Это – чрезвычайно важно. Самобытность таких “сегодня отставших” может оказаться в дальнейшем самой прогрессивной силой, продвигающей цивилизацию к новым горизонтам. Говоря “биосферным” языком, такое различие повышает общую устойчивость человечества как биологического вида.

В связи с вышеизложенным проблеме фашизма неслучайно было уделено столько времени. Континентальный мир, возглавляемый тогда Германией, увидел настоящую угрозу своего развития, увидел даже угрозу будущему миру в лице межконтинентального капитализма. Фашизм подметил, что интернациональный глобализм уже тогда начал свою работу. Он пытался противопоставить неокapитализму дух народного единства (фашизм = fascio (итал.) = пучок, связка, объединение). Уже в одном этом следует усмотреть его историческое значение. По-крупному фашизм можно рассматривать как первую попытку 20-го века открыто выступить против межконтинентального неокapитализма. Это – зерно той эпохи, это – существенно, это – надо запомнить. Другое дело, что сдеформированный фашизм попытался воспользоваться не лучшими средствами для решения этой проблемы, что и привело его к плачевным результатам. Более того, результаты оказались глубже чисто военного поражения Германии как лидера континентальной Европы. Поражение был использовано, как говорится, “на всю катушку”, оно явилось дискредитацией практически всех плодов фашизма, в том числе и вполне позитивных. К такого рода плодам, несмотря на все ужасы и разрушения гитлеризма, можно отнести следующее:

- идея общенародного единства, спланирующая различные слои населения и ослабляющая внутреннее социальное напряжение;
- определение межконтинентального неокapитализма как главного врага 20-го века;

- утверждение важности национальных, расовых свойств социальных объектов;
- методики работы с массами, с работниками творческого труда, опыт построения эффективных организационных структур, структур государственного контроля;
- опыт, хотя и частичный, создания замкнутой социальной системы.

Подведем итог данного подраздела. Мы получили важный социологический вывод, а именно – высокая степень единства человечества является надежным основанием возможности существования общих закономерностей исторического процесса, а некоторые отличия – основанием необходимости учета этих различий при анализе истории и составлении полноценного футурологического прогноза.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 гг. КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ 20-го ВЕКА

В 1929-м году разразился мощнейший капиталистический кризис. Он стал явлением, существенно повлиявшим на все дальнейшие события. Прежде всего он разрушил общую эйфорию победного шествия капитализма на мировой арене. Кризис продолжался 4 года (до ~ середины 1933 г.) и сопровождался последующей депрессией (до ~ 1937 г.). Степень экономических падений была самой глубокой за всю историю капитализма. Уровень промышленного производства сократился в США на 46 %, в Германии – на 41%, во Франции – на 32%, количество безработных в развитых странах к 1933 г. достигло 30 млн чел. / 52 /. Кризис стал отправным моментом для интенсификации целого ряда процессов в мире.

В Германии начался подъем фашистского движения. До кризиса национал-социалистская партия имела в несколько раз меньше членов, чем социалистическая партия, в которой состояло тогда около 1 млн чел. Попытки фашистского переворота 1920-го и 1923-го годов окончились неудачей, многие лидеры фашизма оказались в тюрьме. С началом кризиса ситуация стала резко меняться, уже к 1930-му году численность национал-социалистской партии возросла до ~ 1 млн чел. / 53 /. Национальный германский капитализм и еще кое-какие силы (см., например, / 34 /) стали “делать ставки” на фашистское движение. Итоги всем известны: в 1933-м году Гитлер становится канцлером, горит рейхстаг, фашисты получают реальную власть. Через пять лет – крупная политическая победа в Мюнхене – раздел Чехословакии. За удивительно короткий срок создан вермахт (всего 6 лет!).

А что происходит в это время в СССР? Также заметный перелом, окончание 1-го, большевистского периода, внутривнутрипартийная борьба, окончательное отмежевание от идей перманентной революции и “умеренного” курса развития. Именно в 1930–1934-е годы происхо-

дит интенсивнейшая коллективизация сельского хозяйства, создается социалистический сельскохозяйственный базис страны. В 1930-м году состоялся 16-й съезд ВКП (б), известный как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, принимается решение об ускоренном развитии тяжелой промышленности как основы будущего могущества. Идеи "оптимального" варианта выполнения пятилетнего плана 1929 – 1934 гг. отброшены в сторону.

Все это результаты прежде всего мирового капиталистического кризиса, а не просто продукты ординарной внутрипартийной борьбы или какой-либо особой патологической жажды крови коммунистами того времени, как сегодня продолжают думать многие. Теперь ясно, что на ярком фоне кризисных явлений это был стратегический отказ от капитализации хозяйствования, от прямого большевистского экспериментаторства и различного рода "перманентности". Россия стала вырываться из капкана большевистского эксперимента, она пошла по пути создания мощного социалистического государства. Это российское свойство, которое формировало Россию с давних времен, проявилось вновь. Суть его в сочетании западных принципов, распространяемых сверху, с тягой к имперскости и сохранении элементов духа русской общинности. Все это вместе причудливо-прихотливо сливалось на данном историческом этапе. Эти "три источника и три составные части России" проявились вновь и проявились с огромной силой. Такой крупный переход в социальном плане можно даже рассматривать как некое подобие революции, возглавляемой И.В. Сталиным.

Небольшое терминологическое отступление. Революцией, вообще говоря, следует называть такое глубокое социальное изменение, которое не только кардинальным образом изменяет весь уклад жизни общества, ломает старые, накопленные веками устои, но и является качественно новым, небывалым ранее в данном регионе социальным открытием, дающим дорогу новым принципам социальной организации, введения во власть, новым доминирующим методам эксплуатации, возносящим на вершину социальной организации новые слои общества. Например, буржуазные революции Западной Европы открыли дорогу буржуазии к власти, перестроили западное общество на капиталистический лад, разрушили старые его основания. Так, октябрьский переворот 1917-го года явился настоящей революцией, он не только разрушил старые устои, но и "предложил" населению большевистский эксперимент.

А вот изменения эпохи первой пятилетки в СССР (1929 – 1934 гг.), "удивительным" образом совпадающие с эпохой общемирового капиталистического кризиса, не полностью соответствуют вышеприведенному определению революции. Здесь уместно ввести новое понятие, понятие "деволюция". Оно очень близко к понятию "революция", но отличается от него одним существеннейшим признаком – деволюция есть такое социальное изменение, которое характеризуется отсут-

ствием привнесения принципиально новых социальных и иных основ бытия, то есть она характеризуется наличием того, что уже практически встречалось ранее в истории данного региона. Здесь следует заметить, что деволуция – вещь серьезная, она случалась ранее в истории уже не раз. В частности, это понятие может быть использовано, например, при описании посткоммунистического периода в государствах бывшего СССР в конце 20-го века.

Ясно, что социальные изменения того времени в СССР, которые названы деволуцией, не могли не происходить без ожесточенной борьбы, без сопротивления большевиков-экспериментаторов, без драки на различных уровнях. Поклонников “старого” курса было много, они существовали во всех социальных пластах того непростого времени. И борьба началась, вот плоды этой войны:

1) массовые репрессии, в которых погибали и правые, и виноватые, то есть представители различных направлений;

2) новая “классовая” борьба, уничтожающая ненужные или кажушиеся ненужными для строительства нового государства социальные пласты и отдельные кадры; кстати, вот он, смысл сталинского тезиса о возрастании классовой борьбы в эпоху интенсивного строительства социализма, так и не понятый многими историками;

3) небывалое усиление системы безопасности государства (НКВД и т.п.).

Вот, кстати говоря, почему имела место такая “солянка” кадров, возвышение людей явно “непролетарского” происхождения при одновременном уничтожении или резком понижении служебного уровня многих “старых большевиков”. Ряд крупных служителей царского режима “вдруг” занимает высокие посты (вспомним хотя бы Б.М. Шапошников, бывшего царского полковника, единственного человека, которого, как пишут некоторые современники той эпохи, И.В. Сталин называл по имени и отчеству – редчайшее явление). Теперь становится понятным упоминаемое историками и мемуаристами отношение И.В. Сталина к эпохе Ивана Грозного, это была не примитивная тяга к “кровавому тоталитаризму”, а интерес к опыту строительства государственности. Началось ускоренное оснащение Красной Армии новыми боевыми средствами. К концу первой пятилетки была, например, построена отечественная авиационная промышленность, до этого массового выпуска самолетов не было / 52 /. Именно в этот период была создана сеть научно-исследовательских институтов самого разнообразного профиля, но военно-прикладного назначения.

Да, это была великая деволуция, почти революция, если рассматривать ее мировое значение, она сыграла колоссальную роль в истории всего 20-го века.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Новая ситуация в мире. Активизация СССР и Германии. Причины войны

Успехи Германии и СССР породили новую ситуацию в мире, "пахнущую" попытками передела границ и сфер влияния / 53 /. Восток тоже стал просыпаться, начала проявлять активность Япония. У атлантического капитализма появились конкуренты, ускоренными темпами наращивающие свое могущество.

Итак, сильнейший экономический кризис и последующая за ним депрессия подорвали эйфорию победного шествия капитализма по планете. Кризис показал, что ожидаемое многими время "окончательной" победы неокapитализма еще не пришло. Начинаясь новый виток соперничества. Новый Запад пытался применить свой испытанный веками прием – стравливание своих противников. Развязывая руки германскому фашизму в надежде столкнуть его с СССР и одновременно деформируя его, новый Запад "доигрался" до того, что Германия, напав на Польшу, вынудила его пойти на объявление ей войны.

Почему же именно это время можно считать началом мировой войны? Она началась совсем не потому, что западные демократии "пожалели" Польшу (пример с Чехословакией в 1938-м году и отсутствие помощи гибнущей Польше говорят о многом). Суть в том, что Гитлер в августе 1939-го года договорился со Сталиным о совместном выступлении против Польши. А это – уже серьезная угроза Новому Западу. Атлантический Запад испугался союза "Германия – СССР", он почувствовал угрозу своему порядку и сам объявил войну Германии, стал фактически считать СССР своим врагом. Правда, непосредственно проливать свою кровь новозападные страны не очень-то и хотели, началась "странная" война без войны, которая продолжалась до тех пор, пока Германия не перебросила свои соединения с востока и не ударила по уже "полубоявшейся" Франции.

Здесь нелишне отметить один немаловажный факт. В лице временного, но все же союза Германии и СССР мы видим нагляднейший пример того, как всевозможные идейно-теоретические, идеологические и другие кажущиеся значительными расхождения между различными государствами могут быть преодолены, если они становятся препятствиями для реализации крупных региональных интересов. Антибольшевизм, антиславянизм, официальная теоретическая "несовместимость" фашизма с коммунизмом, противоположная национальная политика в Германии и СССР, их различные социально-экономические устои, недавняя война в Испании, где эти страны стояли по разные стороны баррикад, московские летние переговоры 1939-го года между Англией, Францией и СССР, где рассматривались планы совместного обуздания фашистской Германии, – все это было как-то "неожиданно быстро" отброшено в сторону. Это факт истории, отнюдь не

редкий факт. Следует говорить вот еще о чем. Появился пусть очень зыбкий, но шанс на объединение сил континентального Запада с СССР. Это для нового Запада было, как нож к горлу, вот откуда такая его реакция. Вспомним, какотреагировал У. Черчилль на начало германского вторжения в СССР 22 июня 1941-го года. Его первой реакцией, которая часто бывает самой искренней, стали слова о том, что теперь Англия спасена. А вот что писал У. Черчилль в начале 1941-го года: "Чтобы Германия ... начала новую войну с Россией – это, казалось мне, слишком хорошо, чтобы быть истиной" / 54 /. Вот оно – новозападное зерно того времени – надежда связать силы Германии и СССР в клубке взаимоуничтожения, чтобы на этой многомиллионной крови восстановить свое господство. Шанс геополитического альянса народов СССР и Германии, являющийся, по существу, крупной стратегической возможностью поколебать завоевания атлантического капитализма, не был использован мировой практикой.

Но вернемся к описанию истории. После разгрома Польши стало происходить то, что и должно было происходить. Началось "переваривание" территорий, находящихся между двумя "договорившимися" государствами – Германией и СССР. Каждое из этих деяний, усиливающее и Германию, и СССР, встречало негативную реакцию атлантического Запада. Вполне логично, что СССР в декабре 1939-го года был исключен из Лиги Наций. Здесь следует сказать, что и Германия, и СССР вели себя при этом в классически-континентальном духе, то есть они шли по пути территориального расширения своих границ. Атлантический Запад давно изобрел для себя новый колониальный стиль, при котором уже никаких единых границ не надобно. Подвассальные земли могут быть распределены по всему миру, главное – была бы превосходящая сила метрополии да средства коммуникации.

Но почему же атлантический Запад начал эту "странную" войну без боевых действий? Во-первых, он еще не хотел с легкостью платить своей кровью за свои собственные интересы, ужасы первой мировой войны не прошли даром. Германия была сильным врагом, и воевать пришлось бы всерьез, да и военно-технического превосходства над противником тогда еще не было. Это превосходство наметилось только в 1944-м году, хотя производственная мощь нового Запада уже в 1939-м году намного превышала производственную мощь не только Германии, но ее союзников и СССР, вместе взятых. Но она не была поставлена на военные рельсы, США только стали поворачивать свою экономику в сторону надвигающейся войны. К тому же Франция в то время имела самую многочисленную из всех европейских стран сухопутную армию в Европе (без учета СССР). Так что опасность не считалась такой уж большой.

Но есть еще одно серьезное обстоятельство, о котором обычно не упоминают. Когда Германия громила Польшу в 1939-м году, то ее войск на границе с Францией почти не было. Война Германии была

объявлена, и вроде логично было бы предположить, что французские соединения атакуют западные границы Германии. Но этого не произошло. Почему? Потому что новый Запад стал остерегаться единого выступления новых союзников (СССР + Германия). К тому же в случае яркого возгорания войны между Францией и Германией силы СССР относительно них автоматически увеличивались бы. Вполне возможно, что, налюбовавшись европейским взаимоистреблением, СССР захотел бы вмешаться в конфликт в качестве освободителя-спасителя. Франция и Англия не могли не просчитать возможность такого очевидного сценария. Поэтому был взят следующий курс: наращивать силы, укреплять оборону и выжидать в Европе. Кроме того, еще не испарилась надежды сватить СССР в Германию.

В процессе "переваривания" приграничных земель СССР столкнулся с Финляндией. И тут произошло то, что вновь существенно повлияло на европейскую историю. СССР не смог быстро справиться с малюсенькой Финляндией, его войска стали нести огромные потери. В конце концов СССР додал-таки Финляндию, но эта победа СССР оказалась в итоге его поражением. Весь мир на рубеже 1939 – 1940 годов увидел, что Красная Армия, несмотря на ее многократное превосходство в живой силе и технике над финскими войсками, отличается крайне низкими боевыми качествами. Летом 1940-го года германский генерал Маркс (удивительное "фамильное" совпадение с К. Марксом) получил приказ разработать план вторжения в СССР. Невысокое мнение о боевых качествах Красной Армии, по сути, во многом подтвердилось летом 1941-го года. Это мнение стало фундаментом решения Германии о нападении на СССР. Учитывая, в частности, и это обстоятельство, вермахт решил нанести удар по Франции. Выполнить через Бельгию обход основных приграничных французских оборонительных сооружений, германская армия прорвалась к Парижу.

Интересная ситуация сложилась в районе Дюнкерка, где сосредоточились к тому времени отступившие английские войска. Почему все-таки Германия не уничтожила эти войска, предоставила им возможность переправиться в Англию. А ответ на него не такой уж и сложный. Германия, наученная горьким опытом первой мировой войны, старалась иметь одного боевого противника на выбранный ею период активных боевых действий. Да и английский народ не рассматривался нацизмом как низший народ в расовом отношении. Кроме того, многие крупные фигуры в правительстве Германии, по-видимому, были не прочь взять в союзники Англию, обладающую мощным флотом и огромными колониальными владениями. Стратегический союз "Германия – Великобритания" после поражения Франции дал бы Германии колоссальные преимущества, создал бы кардинально новую ситуацию в мире:

- уже вся Западная Европа, то есть и континентальная, и неконтинентальная ее части, находилась бы под контролем едино-согласованно-союзнической власти;

- Англия как кровный враг СССР послужила бы дополнительным шитом Запада против Востока в лице СССР, а также сил Европы против США;

- был бы расколот новый Запад, от него отпала бы не только Франция, но и Англия;

- Америка оказалась бы единственным оплотом неокапитализма.

Вот как много было тогда поставлено на карту. Но все дело в том, что вторая мировая война велась уже не просто на государственном и даже не на чисто региональном уровне, в этой войне сталкивались две силы: новозападный неокапитализм и континентальная европейская государственность. Вот "высшая математика" истории. Вот и было "разрешено" английскому экспедиционному корпусу более или менее беспрепятственно переправиться в Англию.

Именно в контексте этой мировой завязки следует рассматривать беспрецедентный перелет Рудольфа Гесса в Англию, совершенный в преддверии вторжения германских вооруженных сил в СССР. Но Великая Британия отреагировала на все это так, как и должна была отреагировать новозападная империя. Она воспользовалась предоставленной ей возможностью спасти свой экспедиционный корпус, но не пошла на союз с Германией. Германия не решилась на форсирование водной преграды, отделяющей Англию от континента, слишком сильны были военно-морские британские силы. Началась изнурительная для обеих сторон война в воздухе и на море.

В континентальной Европе Германия стала хозяином, но надолго ли? Американская военная мощь в очень скором времени могла быть доведена до такого уровня, когда США вполне могли бы решиться на войну с континентальной Европой. С Востока стал нависать Советский Союз, который хотя и был формально связан союзническими обязательствами с Германией, но начал проявлять "строптивость". Эта "строптивость" была продиктована как окончанием периода "переваривания" приграничных территорий между Германией и СССР, так и наращиванием работы военной машины СССР. По численности живой силы и техники СССР давно уже превзошел все европейские армии, включая германскую. Это придавало ему уверенности в решении политических вопросов. Здравые умы коммунистической России не могли также не осознавать, что Новый Запад не только не побежден, но он только теперь вступил, наконец, в непримиримую борьбу с континентальной Европой.

В новой ситуации советско-германские отношения требовали своей конкретизации. Прощупывание позиций СССР и Германии произошло во время визита Молотова в Берлин в конце 1940-го года. Визит не принес качественно новых договоренностей. Он свидетельствовал, что этап европейского "переваривания" завершен. Советские требования в отношении дальнейших территориальных уступок (в том числе вопрос о проливах Босфор и Дарданеллы, поданный Молотовым, ох уж эти "вечные" русские потуги в сторону Константинополя)

вызвали раздражение германского руководства. Этот поистине роковой визит Молотова в Берлин окончательно дал понять обеим сторонам, что этап их совместных взаимовыгодных активных действий заканчивается.

Новый Запад не преминул воспользоваться новой ситуацией. Почувствовав разлад между квазисоюзниками, он попытался сделать все, что только возможно, чтобы стравить Германию и СССР. Еще более прояснило ситуацию вторжение германских войск на Балканы весной 1941-го года. Оно, в частности, показало, что Германия не намерена идти на уступки СССР в отношении желанных для него проливов.

Войска обеих сторон уже стояли на границах, война была неизбежна, и она началась.

Начало Великой Отечественной войны – победа атлантического Запада

Начало Великой Отечественной войны есть в большой степени победа Нового Запада. На целых 4 года основные силы обоих стратегических противников нового мирового порядка нейтрализовались взаимоистреблением. С этого момента дальнейшие действия Нового Запада должны были укладываться в следующую канву:

1. Необходимо было продлить как можно дольше взаимоотношение "Германия – СССР", то есть надо помогать терпящей поражение стране. Вот почему, невзирая на прежнюю "непримиримость" и "классовый антагонизм", началась военная помощь СССР. Она началась вовсе не из чувства сострадания, а как раз ради продолжения крови – как хорошо было бы выбить молодые здоровые силы германского и русского народов.

Не надо тешить себя здесь иллюзиями вот еще о чем. Если бы вдруг, неожиданно, СССР стал ускоренно побеждать Германию в войне (предположим такую ситуацию), то Запад сплотился бы и начал помощь Германии в защиту интересов "цивилизованной Европы" от "коммунистических варваров". Именно такие идеологические обоснования "работали" в Европе в 1945-м году, когда русские армии входили в Западную Европу. Вот где пригодились бы некоторые исторические "непонятности" – спасение английского экспедиционного корпуса в Дюнкерке и др.

2. Осуществлять вторжение в Европу надо было тогда, когда либо обе стороны чрезмерно обессилят друг друга и тогда не потребуются заметных военных затрат на расчистку территорий, либо когда одна из сторон предстанет, наконец, явным победителем и захочет сама воспользоваться "законно" выигранными ею возможностями; тогда надо будет всячески помешать этому.

В любом случае для нового Запада можно было сделать некоторую передышку.

Германия в молниеносной маневренной войне не сумела победить СССР, она увязла в огромных просторах России, напорившись, по сути, на чувство ожесточенного, жертвенного, чисто восточного сопротивления и элементарнейшее чувство выживания, в том числе и выживания организационных структур государства перед надвигающейся смертельной опасностью. Нельзя не увидеть, что большая доля прозападных частей СССР (Украина, Прибалтика) быстро были захвачены и "освоены" врагом. Спасительным же рубежом, на котором, в сущности, был остановлен германский натиск, оказался тот самый "стародавний" Волго-Уральский бассейн, послуживший главной точкой опоры в грандиознейшей битве "Германия – СССР". Эти земли многократно угнетались различными "новаторами", но именно там были расположены силы, которые в огромной степени позволили победить фашизм. Знаменательно, что кроме небольших районов истоков Волги Поволжье не досталось врагу, что переломное сражение второй мировой войны (Сталинградское) произошло как раз на Волге – великой русской реке. Это – не случайность. Поволжье и Урал всегда были рубежом, где наблюдалось сопротивление прозападному духу. Свидетельств этому много: Разин и Пугачев, Минин и Пожарский, задержка в проникновении российской государственности к юго-востоку от Волги, антибольшевистские выступления и др. Общая "логика сопротивления" на волжском рубеже сработала и во время второй мировой войны.

Германская военная машина, рассчитанная на быстрый военный успех, забуксовала. Она была готова к "цивилизованной" борьбе и не очень-то годилась для кровопролитной войны, чрезмерно отягощенной бытовыми неудобствами (холод, грязь, голод, окопы и др.), сопротивлением населения, необходимостью контролировать огромные пространства. Война на Востоке была иной, чем на Западе. Борьба шла с, казалось бы, уверенно побиваемым, но неожиданно вновь оживающим противником, все время находящим и бросающим в бой новые массы войск, когда все мыслимые и немыслимые "теоретические" расчеты мобилизационных способностей вроде бы были давно уже исчерпаны. После сражения под Сталинградом (зимой 1941 – 1942 годов немцы были просто отброшены от Москвы, но не разгромлены) стратегическая судьба войны на Востоке была почти предreshена. Битва на Курской дуге показала окончательно, что наступательные порывы германской армии уже не сопровождаются ее победами. С этого момента Германия перешла на восточном фронте к политике сдерживания советских армий, к стремлению нанести ей максимальный урон.

С осени 1943-го года, почуяв вкус грядущей победы, СССР разрабатывал уже планы не только возвращения оккупированных земель, но и планы вторжения в Европу. Этого не могли не почувствовать

страны Западной коалиции, поэтому начались переговоры союзников, по сути, о разделе Европы после падения гитлеровской Германии. Но новозападные страны не спешили с открытием второго фронта: немцы были еще очень сильны, линия Восточного фронта находилась еще далеко, да и крови друг у друга, что СССР, что Германия выпускали еще не так уж много. Вот типичнейший пример выгодной региональной политики.

Почему был открыт Второй фронт

Но как только СССР начал одерживать победы, как только он стал быстро приближаться к "дверям в Европу", новый Запад зашевелился. Был открыт второй фронт. Вторжение осуществилось там, где и должно было осуществиться, а именно: на побережье Франции. Стратегические выводы здесь очевидны: близко от Германии, перспектива освобождения прежнего союзника – Франции, отсутствие слишком сильной немецкой обороны в этой зоне и др. Зашевелился новый Запад потому, что ему нужно было сдерживать своего квазисоюзника – СССР, с очевидностью стремящегося в результате победы над Германией "отхватить" от Европы куски "пожирнее".

СССР вновь становится с этого момента стратегическим противником Запада. Ведь Западу нужна была сила и кровь народов СССР для ликвидации сил нацистской Германии. Когда же СССР "посмел пожелать" воспользоваться плодами победы, хоть частично компенсируя свои многомиллионные потери и разрушения, то это не могло понравиться Западу. Вот для чего, в сущности, нужен был второй фронт – не дать СССР слишком глубоко в нее "залезть", устроить на всех отвоеванных европейских землях дружественные по отношению к СССР государственные образования.

К тому же надо было испытать на "натуре" эффективность новой боевой техники, надо было "обкатать" в порохе войны сформированные части, получить опыт ведения современного боя. При этом нелишне было и уничтожить некоторые производственные мощности Германии. Массированные бомбежки, породившие в том числе и "знаменитые" огненные торнадо в густонаселенных немецких городах Гамбурге и Дрездене / 55 /, в пламени которых погибли сотни тысяч жителей ("эффект" был почти эквивалентен атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки), – вот яркие плоды такого подхода. Открытие и "внедрение" этого "изобретения" принадлежит, бесспорно, США. Что там испанская Герника, о которой знают почти все образованные люди. А вот о Дрездене и Гамбурге как-то не принято сегодня вспоминать.

Когда войска антигитлеровской коалиции подошли к границам Германии, началась агония нацизма. Новый Запад отказался от идеи открытого использования германских войск в борьбе с "коммуни-

стическими ордами". На это были свои причины, причины прежде всего геополитического характера с прямой заявкой на будущее:

1. Нужно было окончательно подавить европейский континент, в корне задавить возможность произрастания независимой объединенной континентальной Европы.

2. Гитлеризм настолько дискредитировал себя, что непросто было бы повернуть мозги "демократического мира" в сторону союза со своим прежним врагом.

3. Необходимо было жестко наказать расизм и фашизм как идею, для этого надо было разрушить Германию и осудить ее лидеров; вот вам и Нюрнбергский процесс.

4. Целесообразно было установить свои порядки в Западной Европе с ориентиром на неокapиталистическую гегемонию США.

5. Желательно было захватить в свои руки все ценнейшие нацистские разработки.

Конец войны

1945-й год, гитлеровская Германия пала. Началось строительство нового мира. Имперская Япония была тоже обречена, США произвели свои знаменитые атомные бомбардировки городов Японии, которые продемонстрировали всему миру небывалую доселе мощь Америки и показали – "кто в доме настоящий хозяин".

Окончание войны интенсифицировало еще один процесс. Активизировались попытки освобождения многих стран от прямой колониальной зависимости. Большое значение при этом имело все усиливающееся противостояние США – СССР, которое со временем вылилось в целую эпоху двухполюсного мирового лидерства. Особенно отчетливо это стало заметным в Азии. Китай под воздействием СССР в 1949-м году превратился в КНР. Иран и Ирак подверглись сильному англо-американскому влиянию (в Иране – правительство Кваразикини 1946-го года, 1953-й год – проамериканский переворот, в Ираке – правительство Нури Саида 1949-го года, 1955-й год – англо-иракское соглашение). Многие страны испытывали также желание освободиться от иноземного вмешательства (в Иране – движение народной партии, правительство Мосаддыка в 1951-м году, в Ираке – восстания 1946-го и 1956-го годов, революция 1958-го года). Индия тоже медленно, но уверенно шла по пути освобождения. В 1947-м году Англия была вынуждена предоставить Индии права доминиона, разделив ее при этом на собственно Индию и Пакистан. В 1950-м Индия стала республикой, в 1954-м Джавахарлал Неру провозгласил вместе с Чжоу Энь Лаем панча-шилу (пять принципов), после чего национальное движение в Индии привело к фактическому освобождению страны.

ПОСТВОЕННОЕ ВРЕМЯ. ОБЩЕМИРОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

И все же главным содержанием поствоенной эпохи стало быстро начавшееся противостояние двух основных стран-победителей – СССР и США. Борьба этих гигантов затянулась более чем на 40 лет. Этот период мировой истории, вообще говоря, оказался очень плодотворным сразу по многим сферам человеческого бытия, однако и он не смог уклониться от действия основных мировых тенденций. Отметим в связи с этим некоторые моменты той эпохи:

1. Два мощных социальных организма встретились на мировой арене и не могли не начать борьбу между собой, подтверждая действующий с незапамятных времен закон неизбежности борьбы вступивших в контакт самостоящих социальных организмов. Прежнее сотрудничество перед лицом этого закона растаяло, как утренний туман под лучами солнца, в данном случае “солнца” истины данного социального закона. Началось массовое “переваривание” мирового человеческого материала, уже существующего в рамках различных государств. Каждый из гигантов старался забрать под свое крыло как можно больше. Под видом оказания помощи и СССР, и США вмешивались в дела различных государств, как правило, порознь помогая противостоящим внутри них политическим силам. При этом многие страны нередко сами предпочитали идти “под крыло” к кому-нибудь из них.

2. Как и много лет назад с захваченными в войне территориями последовательно осуществлялись почтенно-старые мероприятия, закономерно повторяющиеся в истории:

- нейтрализация активного сопротивления;
- изъятие или эксплуатация наиболее ценного с точки зрения победителя;
- реорганизация побежденного с мобилизацией его сил на решение задач победителя, как правило, не совпадающих с национальными задачами побежденного.

Раздел разгромленной Германии и ее последующая судьба (бундесвер, с одной стороны, и союзник по Варшавскому договору, с другой) – здесь яркий пример.

3. Перед двумя лидерами открылись просторы всего мира, началась его “обработка”. Во многом благодаря этому не случилось третьей мировой войны. Локальные войны шли с переменным успехом на территориях “перевариваемых” государств. Эта война “из-за кулисы” была открыта историей еще очень и очень давно. Натравливание своих вассалов или полувассалов на своих собственных врагов всегда было известным приемом. Тут снова никакого “открытия Америки” не произошло.

4. Сравнительно новым явлением нашей эпохи можно считать отсутствие “горячей” полномасштабной третьей мировой войны. Верхи глобально противоборствующих гигантов наконец-то поняли, что в

крупномасштабной ядерной войне победителей не будет. Крупные ученые показали это еще в 70-х годах прошлого века / 55 /.

И все же качественно новым явлением это в полной мере назвать нельзя. Подобное уже встречалось ранее. Примером здесь может служить, например, отказ Запада от широкого использования отравляющих веществ во второй мировой войне. К тому же Новый Запад давно уже научился с успехом использовать усовершенствованную методику в борьбе со своими врагами. Эта методика откровенно проявилась еще в эпоху 2-й атаки Запада на Восток (15-й век). Она давала свои результаты много позже, например, в период Смутного времени на Руси, в эпоху царствования Романовых и др.

Методика сия состоит из следующих пунктов:

а) прельщение верхов враждебного социального организма преимуществами своего жизнеустройства, а не прямая, открытая, "лобовая" атака на все целиком вражеское государство, предоставление этим верхам "искушений" индивидуального удовольствия, меньшей ответственности, меньшей работы, меньших социальных забот;

б) сильнейшая идеологическая обработка по возможности всех социальных слоев;

в) демонстрация технических и организационных преимуществ, которые мощно, но локально проявляются перед лицом потенциального врага, а вовсе не доводятся до широкомасштабного применения в "разговоре" с противником;

г) использование для борьбы с противником своих вассалов без риска растраты своих достояний, в том числе и своих армий.

Отсутствие в 20-м веке третьей всеубийственной ядерной войны не есть случайность, не есть результат какой-то особенной высокочеловечности современных социальных организмов. Это есть естественный, довольно-таки прагматически-закономерный результат выбора наиболее рационального способа борьбы крупных противоборствующих социальных организмов.

5. Новой силой современности в поствоенное время стала наука. Говоря возвышенным языком, НТР ворвалась на просторы современной цивилизации. И что же, многие фундаментальные социальные закономерности от этого изменились? Отнюдь нет. Объективно-закономерная эксплуатация производителей ценностей как была, так и осталась. Она существует во всех развитых социальных системах, во всех социальных организмах. Пока существуют социальные структуры человечества, ему некуда от нее деться. При наличии рабов эксплуатировали рабов, при наличии крестьянства эксплуатировали крестьянство, выросли ремесленные сословия – стали выжимать соки из них. Появилась наука, и так же закономерно деятели научно-технического прогресса как работники нового времени подпали под "опеку" властных сил.

Известный ныне процесс "скупки мозгов" западным миром разве не говорит, что научные работники есть неорбочая сила, что они

есть своеобразная разновидность легко покупаемых производителей ценностей. Сегодня все вышеперечисленные категории работников, включая низовую часть аппарата служащих-слуг, можно, безусловно, включить в состав укрупненного конгломерата социальных групп, в современный общий класс производителей ценностей.

Итак, изменились вывески, во многом изменился характер труда большей части населения планеты, сместился центр тяжести трудовой деятельности в сторону от изнурительного ручного труда к труду, наполненному техникой и интеллектом. Но сущность взаимоотношений между социальными группами не изменилась.

6. И даже то, что в США в 20-м веке был начат новый большой цикл (см. ниже раздел 3), который можно озаглавить как цикл новозападного американского моноглобализма, есть закономерный исторический результат, есть отражение перехода человечества к эпохе построения общемировой иерархии. Мы знаем, что история и прежде давала нам много примеров подобного. Здесь можно вспомнить и Ю. Цезаря, и А. Македонского, и Тамерлана, и Наполеона, и надежды на перманентную "классовую" революцию, и Гитлера (идея Тысячелетнего Рейха). Следует даже сказать, что как раз объективно нереальным будет соображение о том, что идея мировой иерархии не должна была проявиться в 20-м веке. Ведь именно в конце тысячелетия были созданы условия для ее практической реализации. Приведем некоторые из них:

- средства коммуникации выросли настолько, что впору было говорить об отсутствии пространственных преград на пути налаживания международных связей;

- технический прогресс дал в руки верхов колоссальные возможности укрупнения социальных объектов, вплоть до объектов-гигантов мирового масштаба; численность производителей предметных материальных благ сегодня в развитых странах становится явно меньше половины общей численности трудоспособного населения (для примера: в средние века 7–10 человек крестьян-крепостных могли прокормить, одеть и обслужить одного условного "некрестьянина" – дружинника, дворянина, князя и т.п.); освободившиеся руки можно использовать в самых различных направлениях; возможность тотального контроля стала очевидной;

- продолжительное существование в 20-м веке двух мировых доминантных гигантов (США и СССР) логически приводит как к неизбежности "выяснения отношений" между ними с победой одного из них, так и к обоснованию общего движения в направлении строительства моноглобализма на базе победителя;

- практика "интернационального" использования сырья;

- идеологические штампы нового времени становятся почти универсальными.

Теперь мы можем установить, когда начался этот новый цикл. В 1918-м году на волне победы в первой мировой войне началась

общая эйфория капитализма. В 1929-м году разразился экономический кризис. На арену истории вышли перестроенные Германия и СССР. В США пришло к власти правительство Ф. Рузвельта, которого по праву можно считать первой крупнейшей официальной фигурой неокapитализма. Во многом именно благодаря этому началось эпоха возведения мировой иерархии. На этом пути быстро выросли сначала Германия, затем СССР. Наконец и СССР в 1991-м году был повергнут во прах. После этого новый большой цикл стал откровеннейшим явлением мировой истории.

Поскольку время существования нормального большого цикла исчисляется веками, то с точностью до года (и даже десятилетия) не имеет большого смысла его исчислять. И все же, если взять за начало этого большого цикла 1918-й год, то возникнет некоторая некорректность. В период 1918 – 1929 гг. капитализм еще был во многом старо-имперский, не готовый к новым неокapиталистическим условиям. Можно было бы за начало нового цикла взять 1945-й год – год победы над фашизмом и начало двухполюсного мира. Однако в значительной степени это были уже плоды борьбы за гегемонию, плоды созревания американского глобализма, ярко и грозно прозвучавшего взрывами атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Поэтому не будет большой ошибкой считать началом нового большого цикла некую среднюю величину, например 1929-й год. Это было время, когда не только разразился кризис старого капитализма, но когда начали формироваться практические средства строительства неокapитализма.

Итак, мы установили нечто новое, но опять это новое определенно проистекает из “старых” мировых, установленных выше закономерностей, опять это новое вполне укладывается в “старую” канву. Действительно, эка невидаль: зарождение нового большого цикла на новой региональной и экономической базе.

7. Некоторой новизной 20-го века можно было бы считать то, что классовая борьба, борьба между социальными группами внутри государственных образований сходит, как говорится, на нет. А объяснения этого эффекта будут довольно простыми. Во-первых, в новую эпоху происходит перенос центра тяжести социальной борьбы на межгосударственный уровень. Во-вторых, марксистское утверждение неверно в принципе. Да, классовая борьба есть составная часть социальных отношений вообще. Но в том-то и дело, что не она одна является важной силой человеческой истории.

Если к этой проблеме подойти теоретически, то в правильной социальной пирамиде эта борьба может быть не только не антагонистической, но и вообще не иметь существенного значения. В правильной здоровой пирамиде каждый социальный элемент должен занимать положение, как говорится, “по праву”, должен выполнять свои функции, не быть паразитом. При этом если поток вверх перспективных лиц сильно не затруден негативными явлениями, а поток лиц от

вершины пирамиды вниз также имеет место быть (например, за всевозможные действительные, а не ложносфабрикованные проступки), то объективной основы для возникновения острого внутреннего межклассового социального противостояния практически не будет. Этот вывод есть вывод всей человеческой истории. Марксистский же тезис об определяющем характере классовой борьбы есть прежде всего лишь очень спорный тезис, выросший из анализа вполне определенного периода истории капитализма и годный к применимости лишь в очень ограниченных пределах для не очень-то здоровой пирамиды.

8. А вот действительно новым историческим явлением поствоенного времени является переход человечества к эпохе замкнутости. Сие есть вполне закономерное явление, эволюционно протекающее из всего хода истории, а значит, несущее на себе "бремя" многих фундаментальных законов и исторических тенденций. "Замкнутость" пришла в мир не необычайно-случайно, она есть естественноисторический процесс. Суть эпохи замкнутости заключается в следующем. Существовавшие ранее возможности релаксации природы от человеческой деятельности теперь резко сократились или даже вовсе сошли на нет. Прежде, например, после поражения в борьбе населения какого-либо социального организма, ему часто было куда переселиться. Миграции были известным явлением. Ранее эффекты отравления природы из-за необдуманной или просто наплевательской, но вполне "экономической" деятельности человека гасились "переваривающими" способностями природы с последующим восстановлением ее первоначальных свойств. Теперь ситуация в корне иная, теперь наступает время, когда все "шлаки" цивилизации, вся ее "мусорка" бумерангом будут возвращаться назад. Расчет нынешних поколений в значительной мере основан не на отсутствии самого эффекта бумеранга, а лишь на отсрочке этого эффекта за счет времени его полета. Бесспорно, это новое явление. Частично оно испытывалось и ранее, но в глобальном масштабе оно надвинулось на человечество именно сегодня.

Здесь возникают два важных вопроса. Первый – может ли теоретически современная цивилизация справиться с эффектом замкнутости и, в частности, сможет ли это сделать неокапитализм? Второй – сможет ли практически неокапитализм без значительных издержек для большинства населения планеты устойчиво жить и процветать в условиях замкнутости? Ответ на первый вопрос – да, в том числе и неокапитализм. Ответ на второй вопрос – неокапитализм может существовать в условиях замкнутости, построив моноглобализм. Однако это будет сопряжено с негативными явлениями, мощь которых может перекрыть некоторые позитивные моменты мировой централизации вообще, в том числе возможность более рационального использования сырья.

В итоге можно сделать вывод, что человечество продолжает и в наши дни свой закономерный социальный ход, встречаясь с нечто новым, но продолжая по-прежнему основываться на массивах старого.

МИРОВАЯ БОРЬБА: СССР – США

Однако вернемся к истории, тем более что осталось всего несколько аккордов – мы подходим к концу тысячелетия. Почти вся вторая половина 20-го века знаменуется борьбой двух гигантов – США и СССР. Можно сказать, что именно благодаря их борьбе был произведен рывок в сфере научно-технического развития. Осуществились полеты в космос, военная техника количественно и качественно поднялась до такого уровня, что ее дальнейшее наращивание стало граничить с бессмыслием. Но рано или поздно один из мировых лидеров должен был “уйти со сцены” – такова логика истории. Почему же СССР постигла такая участь? На это есть свои причины. Раскроем некоторые из них.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в борьбе участвовали явно неравные силы. США много-много десятилетий подряд не испытывали на себе вторжений вражеских армий. По экономической мощи Америка еще в конце 19-го века стала превосходить любую другую страну мира. Она обогатилась на первой мировой войне, вырвалась вперед в региональном плане. После кризиса 1929-го года США первыми стали перестраиваться на неоконсервативный лад. Не понесла заметных потерь во второй мировой войне, США опять получили с войны дивидендов более всех.

Ничего подобного в истории России-СССР нет. Неудачная первая мировая война, две революции, власть большевиков-экспериментаторов, гражданская война, последующие голод, холод и разруха, затем НЭП, деволюционные сталинские изменения, включающие период так называемых чисток, ужасающая по разрушениям и потерям Великая Отечественная война – вот тот плацдарм, с которого стартовал СССР.

Мощным геополитическим союзником США стала Западная Европа, включающая в свой состав такие сильные страны, как Англия, Франция, Австрия, Италия, чуть позже Западная Германия, которые, конечно, по своим суммарным возможностям нельзя сравнивать с “поясом” Варшавского Договора (Польша, ГДР, Чехословакия и др.) Многие государства Африки, Азии и практически все государства Северной и Южной Америки также находились “в ведении” США, Англии, Франции.

Итак, СССР со всеми его союзниками по объективно-экономическим условиям был слабее неоконсервативного мира во главе с США. Иногда даже может показаться странным, что СССР так долго продержался в качестве мирового лидера.

На чем же была основана сила СССР?

Во-первых, на достижениях в военной сфере. Большая часть мощности СССР работала на "повышение обороноспособности страны". В течение 20-го века население СССР-России просто не вылезало из войн: 1904 г. – война с Японией, затем первая мировая война, гражданская война, далее война с Польшей, конфликты с Японией, затем захват части Польши в 1939-м году, война с Финляндией, кровопролитнейшая вторая мировая война, опять война с Японией, участие в войнах в Китае, Корее, во Вьетнаме, затем конфликт с Китаем, война в Афганистане и др. Существенно более низкий жизненный уровень в СССР по сравнению с населением капиталистических стран, перегрузки на трудовом и боевом фронтах поколений советских людей – вот плоды борьбы двух мировых лидеров. И все же создание ядерного оружия, по существу, обеспечило мировое лидерство СССР, закрепило за ним пусть в чем-то и негативный, но мировой авторитет.

Во-вторых, социалистическая централизация всего государственного организма СССР позволяла концентрировать большие силы в наиболее важных направлениях, в том числе и в направлении повышения военной мощи страны.

В-третьих, нередко удавалось эффективно использовать способности населения к различным видам трудовой деятельности, использовать возможности народов СССР совсем неплохо существовать в общинно-централизованных формах организации жизни.

И все же в целом силы были неравными. Крупных союзников СССР завести не сумел. Огромное значение в связи с этим имела размолвка СССР – Китай, не исчезнувшая, по сути, до самого конца существования СССР. Стратегически только дружба-союз-единение трех держав СССР + Китай + Индия, не считая других, более мелких государств, могли стать основой равенства сил в мировой борьбе. Но этого не произошло. Война в Афганистане дополнительно подорвала престиж СССР. С Востоком СССР должен был работать мирным путем или в качестве ответа на чужую агрессию, ведь это был его единственный настоящий геополитический союзник.

СССР сдался без единого выстрела. Почему? А произошло то, что с высокой степенью вероятности и должно было произойти. В СССР в эпоху как раз мирного существования началось корпоративное загнивание, загнивание верхов прежде всего. Экономически более мощный новый Запад мог предоставить населению развитых стран, в том числе своим средним сословиям, не говоря уже о верхах, существенно больше выгод, чем СССР. В централизованной системе социалистического государства даже верхам власти надо было хотя бы худо-бедно служить, выполнять какие-то функции. При этом им предписывалось заниматься, как говорится, не своим делом, например, строить комбинат, доходы от которого потекут не в их карман, а в карман государства. Следует учесть, что социализм как система

организации общества в экономическом плане совсем не обязательно превосходит капитализм. У социализма есть много достоинств, но преимуществ в темпах экономического роста как раз и нет.

Со временем все стало идти так, как и должно было идти. Корпоративные связи усилились, появились кланы в руководящих слоях государства. Семена обольщения верхов преимуществами конкурирующей региональной системы стали падать на подготовленную почву. При этом возникли как раз не классовые напряжения в низовых и средних слоях общества. Нет, возникли брожения в верхах пирамиды, выросло напряжение высокого государственного уровня, поделившее верхи на две части. Часть верхов старалась сохранить ортодоксальные позиции и прежние основы организации, при этом они не были принципиальными врагами изменений, они хотели лишь немного "подлечить". Другая "прельщаемая" часть пошла по пути коренной реорганизации существующих порядков. Началась не революция, а то, что следует назвать деволоуцией.

За "бугром" верхи лучше, легче, богаче жили, как правило, не утруждая себя тяжелыми делами, тем более не нагружая себя необходимостью взбираться по партийной лестнице, характерной для советских порядков. К тому же они могли надежно обеспечить "приличное" будущее себе и своему потомству, чего не скажешь о СССР. Где, на каких "поднебесных" вершинах власти и богатства находятся сегодня потомки Ульянова, Сталина, Хрущева, Брежнева и др.? А за "бугром" можно, наняв управляющих, заниматься дирижированием и получать при этом огромные барыши.

Корпоративное загнивание советского общества стало проявляться в сильной форме уже при "царствовании" Л.И. Брежнева. Социальная пирамида оказалась нездоровой, и это нездоровье шло сверху, а не снизу. И то, что появлялись определенные упущения в научно-техническом прогрессе, и то, что идеологическая косность стала вызывать не только раздражение, но и насмешку, и то, что корпоративные верхи не смогли должным образом распорядиться собственными богатствами (хорошим человеческим материалом, способным к организованному труду, к творчеству и лишениям, прекрасной сырьевой базой, достаточно мощной технической базой и др.), и то, что не удалось создать крепкий союз СССР – Китай – Индия, и то, что силы часто растрачивались на второстепенных направлениях в условиях сильно усложнившейся социальной системы, – все это в большой мере плоды выросшей тогда корпоративности.

Итак, борьба велась вверху, вниз шли лишь ее театрализованные отголоски, вполне сносно прикрывающие предательство старых идеалов фиговыми листочками лукавого "либерализма" и идеями "перестройки". Запад давно отказался от "горячей" мировой войны, переводя ее в плоскость "холодной" (не давшей победы, СССР сумел по многим пунктам перейти в режим "полуавтономного питания", что делает ему честь), теперь он перевел ее в плоскость "либерально-

демократическую", верховно-компрадорскую. Эти потуги встретились с интересами советских корпоративных верхов, породив деволюционные изменения. Вот суть этого момента, суть, которая не является новостью в истории. При этом за редкими исключениями низовые и средние слои лишь в меру привлекались к борьбе "репетиторами перестройки", социальный взрыв не входил ни в планы Запада, ни в планы будущих хозяев России. После смерти Л.И. Брежнева стало окончательно ясно, что сражение за мировое лидерство СССР проигрывает. Здесь следует заметить, что часто встречаемые в литературе соображения о том, что социалистическая система в принципе не может должным образом "оседлать" НТР, выглядит более чем неосновательно. Как раз благодаря НТР СССР добился многих обеспечивающих лидерство успехов, которых он не смог бы добиться в иных условиях.

После ряда "недолговечных" лидеров советского государства к власти пришел Михаил Горбачев. Производя деволюцию, Горбачев, однако, хотел усидеть "на двух стульях". Он собирался отказаться от претензий на мировое лидерство, но при этом не поступиться владениями. Такого в истории не бывает. Поэтому тот, кто официально более всех сделал в направлении деволюции, тот, при ком развилась компрадорская корпоративность, но захотел при этом остановиться, был смещен с пьедестала. Разумеется, Горбачева не забыли, кое-какую работу он еще ведет. Но разве это "кое-что" может сравниться с положением Генерального секретаря ЦК КПСС?!

В 1991-м году к власти пришел Борис Ельцин, который совсем не случайно посетил до этого Америку и расточал там радушие своим новым друзьям – победителям в мировой гонке. Говоря языком политики, Ельцин демонстрировал тогда широкий диапазон своей готовности идти дальше Горбачева. События развивались стремительно, был сыгран августовский путч. Беловежское соглашение подвело черту под гибелью некогда мощного, пусть второго, но все же мирового лидера.

Если, забегая вперед, взглянуть на судьбу СССР без очевидных для современника эмоций, взглянуть в свете закономерностей больших и малых исторических циклов (см. далее главу 3), то многое начинает высвечиваться очень четко. Рассмотрим историю СССР с позиций циклического характера уровня относительного развития социального организма. Новый малый цикл был начат в России в 1917-м году, когда к власти пришли большевики. То есть этот цикл был начат как явно "не свой", не собственного происхождения. Так что ожидать от него результатов полноценного малого цикла, не говоря уже о большом, не следует. В России это вовсе не первый цикл подобного рода. В том-то и дело, что Россия уже давно находилась под сильнейшим внешним воздействием и имела соответствующие сокращенные малые циклы (см. опять главу 3).

В новый же большой цикл народы России вступили в 1612-м году, когда Романовы стали создавать, по существу, трехчленное тело

России с прозападнической верхушкой, закабаляемыми низами и с наследием имперской "памяти". При этом Запад многократно "подправлял" историю России, нарушая естественный ход малых циклов и искажая эволюцию большого цикла. Особенно часто это происходило тогда, когда "неожиданная Россия" вдруг вновь возрождалась, почти добивалась независимости и могущества.

Но что замечательно. Именно народы России очень долго в истории являли миру пример удивительного сопротивления западным замыслам. В этом и заключается, по сути дела, действительно уникальное свойство народов России, свойство прежде всего русского народа – периодически порождать вспышки силы и великого духа, демонстрировать неповиновение чуждым установкам и прогнозам, причем осуществлять все это именно тогда, когда чужая победа, казалось бы, является полной и окончательной.

Приведем некоторые примеры значительных западных воздействий в большом цикле (начатом в 1612-м году) и соответствующие им импульсы возрождения России.

1) Смутное время, приход к власти прозападных Романовых, еще робкая борьба с Османской империей; присоединение Украины, патриарх Никон, попытки обновления православия; 2-й удар Запада – 1666 г., Никон смешен, церковный раскол; затем Петр I как вновь откровенно прозападное орудие, как учредитель жесткого рабства; войны с мешающими Западу шведами и турками, религиозное ослабление; плеяда царьков и цариц, демонстрирующая вершину загнивания; малый цикл, отвечающий всем этим событиям, еще соответствует "классическим" хронологическим размерам.

2) На престоле Екатерина II, которая пусть и по полузападному, но все же усилила российскую имперскость, создала мощную армию и флот. После смерти Екатерины II новый удар по России. Сначала был убран неудобный Павел, а затем Наполеон вторгся с полумиллионной армией. Не удалось победить Россию, но давление продолжалось; 1825 год – декабристы, но опять не удалось – новый царь подавил мятеж.

3) Началось время Николая I, начался новый малый цикл. Запад опять консолидируется против России. Крымская война, поражение России, посрамление ее технического отставания. Затем эпоха Александров, эпоха восстановления сил с последующим наращиванием мощи. Запад понял, что Россия становится его важнейшим врагом, которого до конца никак не удастся устранить, пример Османской империи был иным. Россию ждала череда сражений, которые в яркой форме проявились при Николае II: революционные потуги самого различного свойства, террор, косность "образованных" сословий, "либерализация", думские эксперименты, война с Японией, революция 1905-го года, послабления враждебным элементам, ужасы и потери первой мировой войны. Конец наступил быстро – 1917-й год.

4) Эпоха СССР неплохо укладывается в череду предшествующих малых циклов, находящихся под воздействием Запада. Начало цикла прозападное: февральская революция 1917-го года, большевики-экспериментаторы, гражданская война, разруха, НЭП, ограбление народа, глумление над былой нравственностью. Затем сталинская деволюция, закончившаяся ценой колоссальных жертв и лишений внушительной победой в 1945-м году. Выход на мировую арену в качестве второго лидера, конкурента неоконсервативного мирового порядка, "холодная" война с постоянной опасностью перейти в "горячую", гонка вооружения, затем удар по корпоративным верхам советского руководства.

Итак, судьба СССР прекрасно укладывается в общую канву длительной борьбы Запад – Россия, начавшейся давно. Никаких качественно новых социологических и особых хронологических "чудес" эта борьба нам не предоставила. Следует с болью и одновременно с гордостью отметить, что в этой многовековой борьбе российские народы претерпели столько, сколько никому в мире претерпеть не удалось. Большой суммарный цикл "Россия – СССР", весь изрезанный глубокими падениями и высокими взлетами (см. главу 3), является примером яркого социального сопротивления. Обычно время загнивания социальных организмов под влиянием побеждающей "инородчины" много короче. Это продолжает вселять некоторые надежды на будущее России, тем более что время ее старого большого цикла (Россия – СССР) уже подошло к своему "номинальному" значению. Впереди возможен новый исторический скачок.

ПОБЕДА МИРОВОГО НЕОКАПИТАЛИЗМА

Итак, СССР уступил-таки в борьбе пальму первенства, более того, он развалился, а его составные части отступили практически к линии мировых аутсайдеров. Продолжилось выдавливание России на Восток. Никаких больших пожаров в Приднестровье, Прибалтике, Крыму, иных "ближневосточных" частях бывшего СССР, разумеется, не предусматривалось. А вот на Востоке многое было сделано для того, чтобы там не утихал пожар войны. Практически постоянная война в Чечне и поддержание старых советских государственных границ в Средней Азии – вот яркие примеры новой политики. Разумеется, русскоязычные беженцы из всех "горячих" и "холодных" точек оказались "слабо" нужными ранее великой Родине.

Все происходило по описанному выше сценарию: сначала ликвидация сил сопротивления, затем "изымание" того, что представляет интерес для победителя, от дешевого сырья до "мозгов" и ценных технологий, а уж после всего этого – использование сил побежденно-го для целей победителя. Первые две задачи этого сценария выполнены и продолжают с успехом выполняться далее. На рубеже веков

дело вплотную подошло к исполнению третьей задачи. Вот почему, в частности, когда время основного разрушения закончилось (эпоха Ельцина), то к официальной власти стали приходить новые люди, точнее, люди с иной окраской.

Для особо эмоциональных вполне уместным будет сказать, что на законы социальной истории не надо "обижаться", как мы не "обижаемся" на физические или химические законы. Другое дело, что мы не знаем сегодня многих законов социологии. Так не пора ли их начинать узнавать, ведь мы же в 21-м веке живем!

НА РУБЕЖЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

А что же происходит в это время в других регионах планеты? Эйфория грандиозной неокapиталистической победы обуяла основные капиталистические государства. Но это еще не означает, что человечеству окончательно обеспечена устойчивость и надежность существования в неокapиталистических рамках, возглавляемых США. В Европе возросло стремление к объединению. Каждое из заметных европейских государств не могло не заметить, что либо ему придется занять позицию союзника-слуги мирового гегемона – США, либо путем объединения Европы (в определенных пределах) оно в альянсе с другими странами сможет иметь некоторый самостоятельный голос. Ведь только посредством объединения Европы ее суммарная мощь может быть более или менее сопоставимой с американской. Вот оно – наглядное следствие регионального характера современной истории.

Гибель СССР интенсифицировала еще один процесс, процесс консолидации среднеазиатского мира. Этот регион, несмотря на большое количество довольно мелких государств, не потерял своего значения. Османско-турецкая, арабская, персидская, постсоветская среднеазиатская энергии, включая другие, более мелкие "добавки", могут слиться в общий поток. Религиозная близость отдельных ветвей этого региона, то есть ислам, является еще одним мощным фактором их консолидации. Сегодня Среднеазиатский регион можно рассматривать как заметную силу, тем более что этот регион находится на геополитическом стыке Запад–Восток. Если же следовать установленным в данной работе закономерностям (см. ниже), то можно признать, что Среднеазиатский регион уже начал новый большой цикл, используя в том числе и свою единоцементирующую религию, этническое подобие, последствия распада СССР и др.

В современную эпоху огромное значение для мировой истории приобретают страны, которые можно назвать странами Большого Востока. Это Китай, Япония, Индия и ряд других. Стратегические перспективы этого региона основываются на следующем:

- численность населения этого региона колоссальна, она намного превосходит численность населения любого другого региона планеты;

- внушительная территория, довольно богатая полезными ископаемыми;
- высокий экономический рост;
- крупные государства имеют современные виды оружия, включая ядерные;
- экологическая обстановка в этом регионе, несмотря на высокую плотность населения, в целом много благоприятней, чем аналогичная обстановка в странах Запада;
- географическое положение – довольно выгодно; регион омывается океанами с двух сторон, на севере граничит с ослабленной Россией и экологически чистыми просторами Сибири, на западе – со странами Среднеазиатского региона, которые вполне могут стать союзниками Большого Востока в грядущей мировой игре;
- население отличается четко выраженными национальными признаками, выделяющими их из состава другого населения планеты, что способствует их единению;
- Большой Восток обладает глубоким историческим наследием, религиозно-идеологические основы региона самобытны и достаточно независимы от воздействия других культур, население отличается способностями к "скромным" бытовым условиям, к самоограничению, к дисциплине, к проявлениям общности различного свойства;
- в 20-м веке наблюдалось сильное стремление к национальному освобождению, к созданию мощных государств, это наследие не забыто.

Итак, как и ранее, сегодня, в начале нового века, на мировой арене мы видим регионы, каждый из которых будет бороться за место под солнцем. Региональная история не заканчивается, она лишь переходит на новый виток развития – на виток общемировой значимости каждого крупного государственного образования.

Завершая описание истории прошедшего тысячелетия, мы переходим теперь к самому главному – к подведению итогов, к представлению этого массива в форме, наиболее удобной для укрупненного анализа, к проведению этого анализа, установлению важных исторических закономерностей. В дальнейшем все это послужит вескими основаниями для разработки надежного футурологического прогноза.

3. АНАЛИЗ ИСТОРИИ

АКСИОМЫ АНАЛИЗА

Как уже говорилось ранее, не следует исходить из положений теории устойчивого развития (см., например, / 3, 55 /). То есть не следует исходить из "социально необеспеченной" мысли о "необходимой неизбежности" создания ноосферной власти, которая впредь возложила бы на себя бремя управления человечеством. Не нужно выдавать желаемое за действительное, как бы оно ни казалось единственно и спасительно возможным. Известный социолог А. Зиновьев пишет по этому поводу: "Общественная эволюция не считается ни с какими прекраснодушными идеалами и намерениями людей" / 56 /. Не следует полагаться и на соображения принципиальной буфуркационной непредсказуемости будущего, из которых непосредственно проистекает невозможность долгосрочных прогнозов.

Поскольку будущее проистекает из относительно короткого настоящего, коренящегося, в свою очередь, в огромных массивах прошлого, то игнорирование "влияния" прошлого на будущее есть как минимум научное недоразумение, а как максимум – полное безрассудство. Надо не забывать, что современные изменения общепланетарного масштаба, о которых ныне так много говорят / 1, 3, 56 /, есть не случайность, а вполне закономерные явления, несущие на себе наследие прошлого. Если же игнорировать новое, то мы впадем в крайность научного консерватизма, способного лишь на формальную экстраполяцию "старых" законов в будущее (кстати, они должны быть верными), то есть на построение прогноза с возможной ошибкой. Но эйфория нового тоже может быть вредна и опасна. Очень часто новое в период его зарождения и расцвета рассматривается, что называется, в крайностях: либо как только позитивное, как гарантия построения "рая на Земле", как обреченное завершить социальную историю человечества (чего искать, если лучшее найдено), либо как пророческое неизбежную гибель. Подобными заблуждениями пестрит прошлое. Это и вера в технический прогресс, и религиозные обновления, и грандиозные революции, и еще многое другое. В дальнейшем история все ставит на свои места, и, как правило, оказывается, что это новое вполне "укладывается" в фундаментальные исторические закономерности и ни к какому общему спасению или к общей гибели не приводит.

Где же он, правильный футурологический подход? По мнению автора, он заключается в разумном синтезе обоих принципов, в применении следующей методики:

- построение укрупненной картины истории мира значительного масштаба времени;
- установление социальных закономерностей на базе комплексного анализа достоверного исторического материала;
- проверка действий этих закономерностей на примерах прошлого и настоящего;
- выявление ряда сильнодействующих и качественно новых явлений сегодняшнего дня (если таковые имеются); определение степени воздействия этих явлений на ранее установленные закономерности с целью оценки "запаса прочности" последних; корректировка или даже установление новых закономерностей исторического процесса;
- построение футурологического прогноза на базе уточненных данных.

Настоящая работа и является, по сути, одной из попыток реализации представленной выше методики. Говоря языком математики, результаты этой работы можно считать неким "нулевым приближением" исторического прогноза 21-го века. Теперь можно будет вводить уточняющие поправки в этот каркас, основанные на более детальном учете многих сложных социальных и не только социальных явлений.

В значительной мере анализ массива исторических данных уже проводился по тексту, ранее уже были введены некоторые аналитические характеристики. Теперь пора привести все в более стройный, более обоснованный вид. Итак, использовались следующие принципиальные подходы при анализе истории:

1. Подвергающийся анализу период истории должен быть не очень коротким, чтобы выявить наиболее мощные, длительно действующие закономерности, но и не слишком большим, чтобы не пользоваться туманными или даже легендарными данными. Так что выбор последнего тысячелетия в качестве анализируемого периода более чем оправдан.

2. Необходим региональный, а не государственный, не формационный (то есть характеризующийся каким-либо главным принципом экономической организации общества: рабовладением, феодализмом) или какой иной подход. При этом проводится оценка объективных возможностей создания крупных социальных организмов регионального уровня. Для каждого периода времени выявляются определяющие регионы, которые в своем развитии играли наиболее важную роль в мировой истории и наследие которых в той или иной степени можно связать с будущим.

3. Исследование следует вести в хронологической последовательности с синхронным рассмотрением ситуаций во всех выбранных регионах, а не путем, например, рассмотрения истории одного региона от начала до угасания, затем другого и т.д.

4. Базовое понятие анализа – понятие относительного уровня развития социального организма. Под относительным уровнем развития социального организма следует понимать интегральный комплекс уровней развития данного организма в самых различных сферах деятельности (производственной, финансовой, военной и др.), сопоставляемый с соответствующими уровнями развития активно взаимодействующих с ним других социальных организмов. Оценка могущества какого-либо социального организма проводится путем сопоставления уровня его относительного развития с уровнями развития других организмов. На основе этого понятия и с использованием широко известных данных (периоды расцвета государств, победы или поражения их в крупных сражениях, периоды интенсивного территориального расширения и т.д.) в данной работе была построена в системе координат “относительный уровень развития – единое время” аналитическая картина прошедших веков для определяющих регионов планеты, которую можно рассматривать как историческую панораму тысячелетия.

5. Важным явлением, присущим, вообще говоря, любому социальному организму на определенной стадии его развития, считается явление корпоративности, подробно изложенное С. Морозовым в работе / 6 /. Корпоративность есть такое явление, при котором в объеме социального организма осуществляется расстановка кадров не по принципу лучшей профессиональной пригодности, а по принципу протекционизма. Со временем это приводит к отставанию в уровне относительного развития того социального организма, где корпоративность оказывается сильно развитой.

6. Необходим комплексный подход при анализе исторической информации, то есть необходима оценка уровней развития социального организма в самых различных сферах его деятельности. Принималось за аксиому, что в определяющих регионах высокий уровень развития в одной сфере предполагает столь же высокий уровень в другой сфере.

7. Особо пристальное внимание следует уделять периодам возвышения и упадка крупных организмов регионального уровня.

8. Описание и анализ истории следует проводить без “идеологической ретуши”. В то же время признается, что основной принцип экономической организации общества однозначно не определяет условия бытия и могущества того или иного организма.

МАЛЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ ЦИКЛЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Остановимся на явлении корпоративности несколько поподробнее, используя результаты очень полезной работы С. Морозова / 6 /. Корпоративность “работает” наиболее социально значимо прежде

всего в верхах социальной системы, причем во всех верхах всех социальных систем независимо от основного принципа-способа их социальной организации. Развившаяся корпоративность приводит к замедлению темпов развития общества, увеличивает загнивание и социальный паразитизм. Это в комплексе приводит к тому, что в состязании-конкуренции или в открытой борьбе с другими организмами данный сильно корпоративный организм начинает уступать соседям и сходит с исторической сцены. Эти явления приводят к образованию малых циклов социальных организмов. Временной диапазон существования такого цикла – порядка одного века. Своевременное устранение корпоративности можно считать благом, как бы нас не убеждали в противном апологеты “приглаженно”-поступательного развития.

Имеют место два типа разрушения корпоративности. В 1-м случае происходит внутреннее “мягкое” нарушение корпоративности путем, например, компрадорства-заимствования, во 2-м – корпоративность устраняется за счет силового, чаще всего внешнего воздействия со стороны сильно развитого соседа. Так осуществляется, вообще говоря, нормальный исторический процесс, включающий эволюционный, корпоративно-устраняемый, военно-агрессивно-устраняемый и революционный этапы.

Все это происходит с одновременным участием многих социальных организмов, находящихся на самых различных фазах развития. Вот она – многонародная, многоразличная, но органичная социальная жизнь со всеми присущими ей “естественными” рожденьями и смертями, взлетами и падениями, лидерством и ассимиляцией. Рассуждая на “приземленном” уровне, подобного рода процесс может показаться неправильным или даже жестоким. Но именно такой процесс и обеспечивает уверенно-устойчивый характер общего стратегического развития человечества в целом. Факел планетарной жизни как бы передается из рук в руки, и всегда находится тот, кто будет подхватывать его, не давая упасть в пучину социального гниения.

Если же многопланового, многонародного различия нет, то нет и мощного замещения корпоративности, нет и сравнительно легкой ее ликвидации за счет силового вмешательства соседей. Усевшуюся на трон корпоративность одними внутренними усилиями при отсутствии более удачливых соседей-аналогов “сковырнуть” трудно. Тогда прежнего способа стратегического развития человечества существовать уже не будет. Он будет состоять из стадии эволюционного накопления, в том числе накопления огромных объемов социального мусора в широком смысле этого слова, с последующей грандиозной революцией, то есть с крахом-катастрофой огромного масштаба. Такая дорога опасна для человечества в целом, особенно сегодня.

На рис. 1 (см. приложение) представлены некоторые примеры малых корпоративных циклов социального развития. Малыми циклами их можно назвать и потому, что они существуют в истории наряду

с более продолжительными большими циклами, характеризующими бытие, как правило, крупных социальных организмов, длительно проявляющих свое лидерство за счет набора сильных региональных качеств.

Началом нового малого цикла можно считать период революционных изменений 1 (см. рис. 1, а). Далее следует период строительства нового 2. Затем, по мере создания и укрепления корпоративных свойств, наступает период их явного и сильного проявления 3, при котором происходит ослабление темпа роста относительно уровня развития. Наконец относительный уровень развития достигает максимума, за которым, как правило, следует его понижение – начинается период корпоративного загнивания 4. При этом абсолютный уровень развития в течение периодов 3 и 4 может и не понижаться. Если революционные изменения приводят к положительному эффекту в развитии социального организма ("нормально-классический" тип цикла), то итогом революции является некоторое увеличение его уровня развития 5 (см. рис. 1, а).

Однако данный малый цикл является сильно идеализированным. Помимо такого цикла, осуществляемого без внешнего силового вмешательства со стороны соседних организмов, чаще всего имеет место ситуация их активно-агрессивного взаимодействия, приводящая к повышению относительного уровня развития одного организма за счет другого. Пример такого случая представлен на рис 1, б. Из рис. 1, б следует, что после поражения в борьбе объекта 2 происходит его угасание, а объект 1 усиливается. Более того, объект 1 удлиняет время существования собственной корпоративности, он сдвигает максимум своего относительного развития "на потом", то есть в будущее. При этом он сдвигает и время наступления своего значительного корпоративного загнивания, он как бы подпитывает свою корпоративность, оживляет свою кровь.

Здесь отражен и обоснован тот всем известный исторический факт, что социальный организм как живое целое борется с другими социальными организмами и старается их победить. Последнее дает ему целый ряд преимуществ, продлевает срок его активного существования при сохранении старых корпоративных основ. Вот внутренняя причина большинства войн, показанная без прикрас, предельно ясно и обоснованно.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ПРОШЕДШЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В реальной жизни такие малые циклы наслаиваются друг на друга, усиливаются или ослабляются в борьбе, генерируются или уничтожаются под воздействием самых различных факторов (например, началом освоения новых сельскохозяйственных культур, техническими новшествами, катастрофами, открытием новых коммуникационных

возможностей и т.д.), которые можно условно-обобщенно назвать факторами роста. Более или менее полный учет этих факторов позволяет прояснить истинную историю того или иного социального объекта.

На рис. 2 для примера представлена типичная история одного довольно удачливого социального объекта, длительно существующего в море всевозможных взаимодействий и факторов роста. На этом же рисунке представлен идеологический образ его истории, присутствующий в мозгах современного среднемассового индивидуума. Этот образ и выдается, как правило, за подлинную его историю. При этом он может более или менее соответствовать действительной истории, именно такой случай представлен на рис. 2. Однако по ряду моментов даже в этом случае он может расходиться с истиной. Различие времен в характерных точках графиков, например, максимумов развития, могут составлять десятилетия. Действительный характер изменения уровня развития и "общественное мнение" о нем могут быть прямо противоположными. Так, относительный упадок социального объекта нередко рассматривается как его подъем.

Общая историческая картина ушедшего тысячелетия с учетом всего вышеприведенного становится не такой уж и простой. Однако она и не настолько сложна, чтобы не суметь представить ее в наглядном виде, точнее, представить ее крупно-региональный вид. Из богатства всевозможной исторической информации (и достоверной и, прямо скажем, не очень) вдруг начинает проявляться истинная история ушедшего тысячелетия. Она восстает из сказок и преданий, из домыслов и логических "упрощений", из верных, неверных или намеренно забытых фактов. Появляется собранная воедино социальная история тысячелетия. Становится видно, как многоликое, многоязычное человечество через пробы и ошибки, через взлеты и падения отдельных ветвей-народов, сквозь изменяющиеся условия бытия, иногда очень гибко склоняясь перед обстоятельствами судьбы, а иногда вставая во весь рост перед надвигающейся опасностью, такое многогранное человечество идет дорогой, которую современники называют дорогой прогресса. Это и есть настоящая социальная история, а не перечень выбранных дат, известных имен или капризов царедворцев, не описание сражений и т.п. Если хотите, это и есть жизненная история человечества, в которой есть все: и чье-то социальное рождение и чья-то гибель, и болезнь и выздоровление, и здоровье и дряхлость, и высокое творчество и душевный упадок. Все это протекает одновременно, в одной общей связке, в которой находятся опять же все: от захудалого изгоя до владыки миллионов, от маленькой народности до величайшей нации.

Общую дорогу социального развития можно с рядом не очень существенных упрощений представить в виде синхронно состыкованных по времени графиков уровней относительного развития определяющих регионов планеты. На рис. 3 показан такой комплекс графи-

ков, отражающий все важнейшие исторические перипетии ушедшего от нас совсем недавно тысячелетия. Следует напомнить, что эти графики построены по данным классической хронологии, точнее, они построены в предположении хотя бы "временной справедливости" исторических фактов, то есть необязательно смыслового значения этих фактов, что нередко и проявляется на страницах данной книги.

Даже бегло рассматривая рис. 3, нельзя не удержаться от ряда хотя и несколько предварительных, но все же полезных аналитических выводов:

1. История наглядно демонстрирует нам существование циклов развития.

2. Затухание одних циклов сопровождается рождением других, причем совсем не обязательно на прежнем региональном месте, на "старых" региональных основах.

3. Можно отметить целый ряд существенных отличий в представлении фактов истории по сравнению с "классическим" их изложением.

4. К настоящему времени четко проявились новые социальные объекты регионального уровня, которые по многим признакам вовсе не сливаются в общемировое интернациональное единство. Их борьба – удел будущего.

На основе вышеизложенного можно сделать следующий вывод: очень и очень маловероятной представляется возможность "полюбовного" объединения всего человечества в 21-м веке. Возникает даже сомнение в необходимости такого объединения. Для подобного рода объединения в столь жестких временных рамках единственной причиной может стать только некая глобальная критическая точка, касающаяся почти всех без исключения социальных организмов. Но и она вряд ли будет являться решением всех крупных проблем, накопленных, созревших и открывшихся человечеству в ушедшем тысячелетии. Так не бывало в истории никогда, почему же это произойдет в ближайшем будущем?

Очередное упование на победу Разума, на внутренне сгенерированные почти во всех людях и реализуемые ими на практике идеи сильнейшего самоограничения (без возникновения качественно новых обстоятельств жизни), на самостоятельный отказ от погони за потребительством как раз тогда, когда цивилизация представляет человеку массу заманчивых возможностей в этой сфере, – столь же очередное заблуждение. Сие наблюдалось уже не раз: иллюзии технического прогресса, победы идей гуманизма, равенства, братства, счастья и много чего еще. Глобальные исторические законы не перечеркнуть простенькими домыслами пусть даже и честно-благородных правдоискателей. Игнорирование этих законов есть страшный социальный грех сегодняшнего времени рубежа тысячелетий, есть безумие, за которое придется дорого расплачиваться. Первоочередная же задача заключается в том, чтобы выявить эти законы и на основе их готовиться к будущему.

МОНОГЛОБАЛИЗМ. ЧТО НАС ЖДЕТ, ЕСЛИ ОН ПОБЕДИТ

А теперь предположим, что моноглобализм довольно быстро, например, в первой половине нового века, победит во всемирном масштабе. Что тогда будет? Победит он, разумеется, силовыми, эксплуатационными и идеологическими методами, победит с великой долей искусства. Иначе и быть не может, это закономерно вытекает из вышеизложенных материалов, из того, в частности, что для "полюбовной" победы моноглобализма должно пройти или значительное время или должны появиться такие мощнейшие факторы роста, которых история еще не знала. Поэтому вместо гибко-, пробно-, мирноприспосабливаемого человечества мы увидим не живую жизнь постепенно объединяющихся организмов, а жесткий костяк новых общемировых устоев, которые новой властью будут, разумеется, выдаваться за вечные социальные истины.

Во что это выльется со временем? В консервацию единоподобия принципов социального бытия. Это уже опасно. Опасно, помимо всего прочего, и единственностью пути, по которому будут следовать все без разбора социальные организмы, погоняемые возгласами управляющих, за которыми будут стоять неконтролируемые никем, всевластные а потому и объективно суперкорпоративные мировые верхи-лидеры. Загнивание верхов станет неизбежным, оно достигнет невиданных доселе размеров и может привести к поистине катастрофическим последствиям, причем катастрофическим такого масштаба, которого еще никогда не видела история.

Будут подавлены многие стимулы высокого индивидуального творчества, жертвенности и даже самой обыкновенной деятельности массовых производителей ценностей. Это – существенная переделка фундамента индивидуальной деятельности. И наука, и техника, и культура станут "окончательно-объективно" рабами верховных власть имущих, то есть корпоративной элиты. Будет развиваться лишь то, что служит укреплению их власти. Высокая многопланово развивающаяся фундаментальная наука падет ниц, будут усовершенствоваться прежде всего: учетно-контрольно-информационная техника (от ближнего космоса до компьютеризации всего что только возможно), военная техника (обеспечение гарантированного превосходства), технологии переработки сырья, энергетика (материальное обеспечение важно), средства массовой информации (умы тоже надо держать в узде). Действительная властная мировая элита будет в основном теневая или квазитеневая. При этом ее руководящая часть выпустит в "свет" массу своих представителей-исполнителей. Окончательно будет приостановлен отбор наверх лучших, туда пойдут только нужные, что полностью соответствует этапу корпоративного загнивания.

Будет построена невиданная доселе система мировой иерархии, при этом естественные фазы социального развития различных социальных организмов будут жестко "пристегнуты" к этой иерархии.

Человек разумный увидит мировую власть, международную эксплуатацию, сильнейшее глобально-корпоративное загнивание с целым букетом столь же общих последствий экологического, социального и другого характера. Тогда, вполне возможно, свершится тот самый конец старого света, который предрекался христианством. Вот он, тот "Рубикон", который предстоит переступить в случае быстрого наступления моноглобализма.

Здесь нельзя не отметить, что к обоснованию такой "перспективы" мы подошли на основании вполне материалистических доводов. Так, по аналогии, население планеты во второй половине 20-го века неожиданно впервые подошло к реальности самоуничтожения, то есть к реальности конца света (библейская мудрость) в ядерной войне, реальности, которую в 19-м веке и представить-то было трудно.

Полученные выводы дополняются ныне уже очевидно ожидаемыми последствиями потребительски-технического прогресса, способного привести человечество к нарушению природных балансов в самом недалеком будущем. Сильнейшая реакция природы на исторически сложившуюся эксплуатационную агрессивность человека скорее всего неизбежна. Отвратить ее не смогут никакие рассуждения типа победы Разума, торжества ноосферы, никакие новые научно-технические достижения. Последние, кстати говоря, могут даже усугубить ситуацию – усилить возможность дальнейшей паразитической эксплуатации биосферы человеком и соответственно увеличить высоту, с которой придется ему падать на дно исковерканной им природы.

Надо честно признать: для того чтобы сегодня априорно заставить свернуть все (повторяю, все!) человечество с очень давно выбранной дороги, объективно нет никакой серьезной социологической возможности. Ушедшее тысячелетие не принесло коренного разрешения даже многих чисто социальных проблем (отношений собственности, организации здоровой власти, национальных), не говоря уже о других. Критическое время должно наступить, природа найдет свои убийственные аргументы для "человека разумного", обуздает его неумную прыть, она уже находит новые болезни, уже платит человеку экологическими катастрофами.

ЦИКЛЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ (БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ)

На рис. 1 (см. выше) был представлен пример "классического" малого цикла, являющегося, вообще говоря, исторической идеализацией. В реальном мире разновидностей таких циклов довольно много. Некоторые примеры этих циклов представлены на рис. 4. Более сложные виды циклов, например, циклы с активным взаимодействием трех или более социальных организмов здесь не рассматриваются.

Качественно все эти циклы можно разбить на два основных вида: циклы, близкие к идеальному, без активного внешнего силового

вмешательства и циклы с сильным внешним вмешательством, чаще с внешним разрушением социального организма.

Из рис. 4 видно, что эти циклы многообразны, имеют различные социальные последствия, они могут быть короткими по времени, так и продлевать свое активное существование, они могут быть как малозаметными, так и очень величественно проявляющимися в истории. В целом следует признать, что многообразие малых циклов корпоративного свойства и придает огромную долю индивидуальности в каждую историческую эпоху, оно даже создает иллюзию исторической неповторимости, кажущейся социальной сложности мирового исторического процесса. Кстати говоря, о циклическом характере истории различных государственных образований говорили и продолжают говорить многие (см., например, / 51, 57 /).

Анализ аналитической картины прошедшего тысячелетия (рис. 3), состоящей из набора различных циклов и дополненной с учетом событий более древних периодов истории, в частности, событиями Римской (Италийской) империи и Византии, позволил сделать следующие выводы:

1. Получена удобная форма для анализа истории в виде аналитической картины.

2. Подтверждено, что так называемый тип общественно-экономической формации, то есть основной экономической принцип организации общества (рабовладение, капитализм) однозначно не определяет главные свойства и динамику социальной жизни. В различные эпохи, отличающиеся по времени существования на тысячи (!) лет, прекрасно уживались между собой различные принципы социально-экономических отношений, как они уживаются и сегодня. Многие этого не замечают. Например, в США аж в 19-м веке вы могли бы найти и элементы племенного вождизма, и рабство, и феодализм, и капитализм, и элементы социалистической общинности.

3. Уровень межрегионального взаимодействия оказался настолько высоким, что впору говорить о наличии большого числа критических периодов, являющихся фундаментальными вехами социального развития, определяющими историю как основных, так и второстепенных регионов, а нередко и историю человечества в целом. В значительной степени всю историю прошедшего тысячелетия можно рассматривать как региональную историю, а не как, например, перечень событий в жизни тех или иных народов, отдельных государств, деяний великих людей, описаний знаменитых сражений. Последнее есть, вообще говоря, лишь отражение, лишь внешние проявления более общей региональной истории.

4. Анализ исторической картины позволяет представить основные регионы, которые будут иметь большое значение в будущем.

5. Аналитическая картина демонстрирует нам существование трех характерных видов циклов крупных социальных организмов регионального уровня:

- длительные циклы региональной активности (~ 1000 лет);
- большие циклы региональной активности (~ 300 – 500 лет);
- малые циклы корпоративного свойства (~ 150 лет).

Практически каждое определяющее региональное образование прошло на своем жизненном пути эти виды циклов. В каждом регионе были обнаружены как значительные по времени, так и довольно короткие периоды истории, которые характеризуются всплеском активности. Эти периоды можно разделить на два основных вида: большие циклы и малые циклы (длительные циклы имеют времена порядка тысячи лет, они не могут быть здесь исследованы). Малые циклы корпоративного свойства описаны выше, теперь надо дать представление о больших циклах. Рождение больших циклов определяется мощными толчками регионального уровня как внутреннего, так и внешнего свойства. К такого рода толчкам можно отнести существенные климатические изменения, например, длительные потепления или похолодания, открытие и использование нового сырьевого базиса, освоение новых технологий, выращивание новых высокопродуктивных сельскохозяйственных культур и др. Толчками такого рода являются крупнейшие переселения народов, войны, сопровождающиеся захватами огромных территорий, другие мощные воздействия. Поэтому-то большие циклы и сопровождаются значительными изменениями региональных свойств социальных объектов. Потому-то для создания больших циклов всегда требуются сильные новые толчки регионального уровня.

Некоторые важные характеристики больших и малых циклов представлены в таблице 1 и 2 соответственно (см. приложение). При составлении таблиц в качестве хронологических данных для отсчета начала, определения конца, максимума и других характеристик циклов брались даты наиболее известных, наиболее значимых исторических событий, которые, вообще говоря, могли и не совпадать с реалиями истории. Однако в масштабе длительности циклов неточности в датировках не должны приводить к большим ошибкам в исчислении хронологических характеристик. Последние столетия (17-й, 18-й, 19-й и 20-й века) подверглись дополнительному анализу, а именно: определялись временные характеристики значительных конфликтных периодов в жизни крупных социальных организмов (см. таблицу 3).

На основании полученных данных были построены зависимости хронологических характеристик различного вида циклов от текущего исторического времени. Оказалось, что хронологические характеристики, принадлежащие к одному виду цикла, либо "неожиданно" устойчиво повторяются в истории, либо являются в основном функцией текущего времени. Они не сильно зависят от того или иного доминирующего государства в различных регионах, того или иного человеческого "материала", того или иного основного способа экономической организации общества.

На рис. 5 и 6 представлены хронологические зависимости малых циклов. Из этих зависимостей следует, что время от начала малого цикла до его первого значительного максимума является почти инвариантой истории. Это можно даже считать социальным законом общемирового исторического процесса. А вот длительность малого цикла в значительной степени является функцией текущего исторического.

Малые циклы по их длительности можно разбить на три категории:

А. Удачные малые циклы. К такого рода циклам принадлежат периоды истории высокого регионального могущества, когда отсутствуют сильные внешние разрушающие воздействия. Обычно это эпохи так называемого расцвета социального организма. К ним принадлежат некоторые малые циклы эпохи Византийской империи, Монголии, Османской империи и др.

Б. Нормальные малые циклы. К ним принадлежит большинство (то есть ~ 2/3) малых циклов. Это циклы с заметным внешним воздействием, приводящим к "современному", если так можно выразиться, окончанию малого цикла.

В. Неудачные малые циклы. Это циклы, сопровождающиеся либо сильным внешним воздействием, прекращающим эволюционное развитие цикла, либо циклы так называемого спровоцированного свойства, то есть когда социальный организм находится под прямым подавляющим воздействием другого организма.

На рис. 7 даны хронологические характеристики больших циклов. Из рис. 7 следует, что такая хронологическая характеристика, как время от начала большого цикла до его первого значительного максимума, является почти инвариантой истории, а продолжительность больших циклов является функцией исторического времени. Такой характер зависимости оказался аналогичным полученному выше характеру для малых циклов. Как для большого, так и для малого цикла со временем длительность циклов уменьшается, то есть имеет место убыстрение хода социальной истории человечества. Это явление можно считать еще одним законом общемирового исторического процесса.

Здесь необходимо отметить следующее. Данные некоторых новых работ, направленные на уточнение истории (см., например, / 11, 12, 15 /), несколько изменят численные значения ряда хронологических характеристик, относящихся к более древнему времени, а именно: повысят их стабильность, то есть придадут им значение еще большей инвариантности. Настоящая работа базируется на классической хронологии, поэтому если вышеупомянутые исторические "исправления" окажутся в итоге неверными (см., например, опровержения в / 57), то все вышесказанное остается в силе. Итак, основные результаты данной работы остаются действительными в обоих случаях. В то же время настоящая работа показывает, что даты – не случайности

истории, а ее вехи, определяющие хронологические характеристики различного вида циклов. В частности, знание начала регионального цикла позволяет с высокой степенью вероятности заглянуть в будущее. А это – задача архиважная.

Из рис. 7 также следует, что в истории имеются как нормальные, так и сокращенные по времени большие циклы. Сокращение по времени для больших циклов может быть связано с несколькими причинами:

- сильнейшие силовые воздействия регионального уровня, прекращающие эволюцию цикла; катастрофические природные процессы;
- возникновение и существование цикла под значительным воздействием внешних сил; такие циклы можно назвать зависимыми большими циклами;
- переориентация основной региональной цели в другом направлении.

Примеры сокращенных больших циклов (см. рис. 3): 1-я атака Западной Европы, Россия эпохи Романовых.

А вот время от начала большого цикла до его максимального максимума оказалось неоднозначной функцией текущего времени. Такая неоднозначность и должна иметь место в истории, она прямо следует из утверждения о высоком уровне межрегионального взаимодействия. Именно этот уровень и не позволяет, как правило, осуществлять длительное эволюционное развитие социальных объектов. Межрегиональная борьба – вот причина такой неоднозначности.

КОНФЛИКТНЫЕ ПЕРИОДЫ

На рис. 8 представлены хронологические характеристики наиболее значимых конфликтных периодов в истории последних веков тысячелетия. Из рис. 8 следует, что длительность самого конфликта в среднем сокращается с нарастанием текущего времени, а время между конфликтами остается почти постоянным (~ 45 лет), оно примерно соответствует времени жизни двух поколений людей. Относительно мирные исторические периоды находятся в диапазоне ~ 20 – 40 лет, то есть также соответствуют 1 – 2 поколениям. Эти численные значения неслучайны, они проистекают из целого ряда обстоятельств. Одно из них заключается в стремлении регионов, точнее, верхов государственных структур этих регионов, к постоянной межрегиональной борьбе. Но когда эта борьба может быть осуществлена? Ведь нельзя же все время воевать, нужно когда-то и строить! Ясно, что необходимы паузы.

Какого порядка времени должны быть эти паузы? Предположим, что закончилась очередная крупная война межрегионального уровня. Победенные начинают залечивать раны, победитель занят “перевариванием” победы. Это “переваривание” не может произойти мгновенно.

венно, оно включает в себя, как уже говорилось ранее, три основных стадии: ликвидация сил сопротивления, использование ресурсов побежденного, использование вооруженных и иных сил побежденного в своих интересах. Но для выполнения этих мероприятий необходимо как минимум: социальное устранение недовольных, проигравших прошедшую войну, выращивание новой компрадорской верхушки в рядах побежденного, налаживание производственной и сырьевой базы.

Для того чтобы основательно перестроить побежденного на свой лад, нужно вырастить в его теле новое поколение, то есть затратить на это ~ 20 лет. Но нужно еще и перевооружить его и направить в сторону врагов победителя, ведь совсем не обязательно, чтобы эти новые "враги" являлись врагами собственно побежденного. Кроме того, в организме самого победителя нужно создать новые силы для отпора соседям, жаждущим реванша. При этом желательно вырастить новые молодые силы (~ 20 лет), а не только опираться на "старые". Кроме того, победителю, как правило, требуется модернизация своих средств борьбы. Таким образом, и победителю для наращивания своей силы в среднем необходима фаза передышки в ~ 1 – 2 поколения.

Проигравшим и новым врагам победителя для реванша необходимо использовать новые средства борьбы, в том числе военные средства. Через ~ 20 лет можно вырастить новые силы, то есть вырастить новое поколение, которое можно послать на битву. Но этого времени обычно оказывается недостаточно, чтобы создать, то есть изобрести, испытать, запустить в массовое производство, освоить эти новые средства борьбы. Для этого, как правило, требуется еще одно поколение, которое не только вырастет, то есть станет рядовым "пушечным мясом", но сможет создать и освоить эти новые средства. Ведь "старым" оружием и "старыми" силами результатов ранее не было достигнуто.

Здесь следует обратить внимание вот еще на что. В течение примерно двух поколений могут быть проявлены социальные организмы, которые за счет своей корпоративности или за счет отсутствия ее станут заметно различаться в уровне относительного развития. Последнее создаст новую расстановку сил на мировой или региональной арене, спровоцирует социальные организмы на новую борьбу.

Таким образом, можно говорить о существовании двух типов конфликтов:

1. Конфликты с периодом времени около одного поколения (~ 20 лет). Они характеризуются использованием преимущественно "старых" средств и "старых" сил ведения борьбы, то есть средств, соответствующих предыдущему конфликту. Если же победитель не ослаб, то он может начать новый конфликт даже раньше.

2. Конфликты с периодом времени около двух или более поколений (>40 лет). Они характеризуются выращиванием новых сил, созданием новых средств, новых методик борьбы. При этом целевая

направленность войн и ее "идеологическое обслуживание" могут уже заметно отличаться от прежних.

Разумеется, в современных условиях эти времена могут быть значительно сокращены. Казалось бы, тотальный характер социально-го бытия в 20-м веке, использование огромных людских масс в боевых действиях, развитие технических средств должны были бы увеличивать время конфликта. Ан нет, сокращение времени конфликта как раз и связано с "массированным" характером его протекания. Когда в сражениях участвует сразу вся "отмобилизованная" мощь, когда технические средства и средства коммуникации возросли неимоверно (практически мгновенная доставка "полезного груза"), исход конфликта решается довольно быстро. Эпохи тридцатилетних и столетних войн канули в далекое прошлое.

Подведем итоги. Конфликтные периоды не закончились, они будут происходить и далее. Время последнего конфликтного периода истории регионального, точнее, даже мирового уровня – это период развала СССР в конце 20-го века. Вероятнее всего, следующий значительный конфликт в 21-м веке окажется конфликтом первого типа. Слишком велика мощь победителя – США. А вот крупный конфликт мирового уровня следует ожидать где-то к середине первой половины 21-го века, когда неокapитализм породит качественно новую ситуацию в мире.

НЕОБХОДИМОСТЬ КОРРЕКТИРОВКИ ИСТОРИИ

Анализируя картину истории (см. рис. 3), многие явления прошлого начинают представляться в совсем ином свете, чем преподает нам классическая история. Отсюда, например, следует, что значение Итальянского Рима и ряда других регионов в рамках прошедшего тысячелетия, мягко говоря, преувеличено. А вот роль, например, Орды – Монголии была велика, и место даже первоначальной "дислокации" этого мощного образования ну никак не вяжется с географическим расположением современной Монголии. Следует учитывать, что в начале прошлого тысячелетия определяющими регионами являлись (см. рис. 9): Средиземноморский регион с доминирующим центром – Византией; Франко-Германский регион; Волго-Уральский регион; Среднеазиатский регион. В контексте проведенного анализа понятие "Монголия" четко ассоциируется с Волго-Уральским бассейном с "добавками" Среднеазиатского региона.

Очень прозрачно высвечивается судьба, историческая роль и мировое значение Руси–России–СССР–России, судьба, не "заляпанная" идеологическими штампами и фальсификационными наслоениями. В некоторые периоды истории события, произошедшие в Руси–России–СССР–России, выявляются совсем в ином свете, чем сегодня принято считать. Построенную новую аналитическую картину этой

значительной части планеты в пору можно считать "регионально-исправленной" историей Российского региона. Более того, можно даже смело сказать, что российские исторические перипетии, четко высвечиваемые этой картиной, могут послужить неплохим материалом для выработки национальной идеи России. Становится также более понятной суть такого непростого течения, как фашизм. Показано, что фашизм в эпоху Гитлера являлся, вообще говоря, частным случаем более общей борьбы, заключающейся в соперничестве "морской" и континентальной частей Европы.

Теперь пора перейти к самому интересному разделу, разделу, посвященному будущему. Это касается всех, по крайней мере это не обойдет стороной большинство ныне живущих людей.

4. ПРОГНОЗ БУДУЩЕГО

Борьба регионов есть закономернейшее и крупнейшее социальное явление. Маловероятно, что в ближайшее время она закончится общим миром. По крайней мере она будет продолжаться до того момента, когда какой-либо один регион не останется единственным мировым победителем и не укрепит свое мировое господство. Только после этого может начаться эпоха победы моноглобализма, эпоха, которую ошущают чуткие умы (см., например, / 1, 2, 42 /). Но и тогда все равно будут продолжать существовать социальные организмы, которые хотя и “перестроятся” в единую мировую иерархию, но будут по многим параметрам значительно отличаться друг от друга, а значит, иметь все основания для продолжения межрегиональной борьбы. Структура моноглобального мира здесь приводиться не будет – это предмет отдельного изучения.

Чтобы построить достоверную картину будущего, мы поступим так, как уже говорилось ранее. Сначала произведем предварительную экстраполяцию хронологических характеристик больших и малых циклов определяющих регионов на 21-й век, используя полученные ранее данные. Перед этим полезно построить более уточненный, хотя и укрупненно-региональный фрагмент аналитической картины двух последних веков (19-го и 20-го). Такая картина двух последних веков представлена на рис. 10. Затем, на втором этапе, следует учесть влияние ожидаемых войн, конфликтов регионального уровня. И, наконец, на третьем этапе необходимо произвести корректировку полученных результатов на предмет воздействия новых факторов роста, новых антропогенных явлений мирового уровня на социальную историю 21-го века.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА 21-ГО ВЕКА

Предварительная экстраполяция дает возможность получить, конечно, идеализированную картину 21-го века. Однако она является исходным материалом для построения уточненной картины будущего. Такая предварительная картина, построенная на базе данных таблиц 1 – 3 и рис. 3 – 9 (см. приложение), представлена на рис. 11. Из

этой картины видно, что в 21-м веке определяющими организмами регионального уровня будут являться:

1. Соединенные Штаты Америки.
2. Страны так называемого Большого Востока.
3. Объединенная Европа.

Последнее, вообще говоря, является очевидным, тут никакого открытия нет.

Значение России, стран Среднеазиатского региона и других регионов Земли не оказывается таким уж высоким. Например, то, что сегодня происходит в России, вполне можно представить как течение очередного "неудачного" малого цикла. Пусть простят меня современники, но с точки зрения региональной истории это именно так. Завершение этого цикла произойдет примерно к ~2040-му году, произойдет в случае, разумеется, сохранения прежних тенденций и достаточно бесконфликтного существования самой России. Начало же нового большого цикла, если таковой вообще произойдет, следует ожидать примерно к ~2070-му году. То есть, если все будет продолжаться более или менее "по-старому", то бурный расцвет для нынешнего и только еще зарождающегося поколения "не грозит", как это ни печально.

Необходимо также отметить еще одно довольно интересное обстоятельство. Из хронологических характеристик, представленных на рис. 11, следует, что все три главных, определяющих региона (США, Европа, Б. Восток) имеют максимумы циклов примерно в середине 21-го века. В практическом плане это говорит о неминувности сильнейшей социальной борьбы между данными социальными образованиями. Так что обострение региональной борьбы почти неизбежно ждет нас впереди.

Нелишне также отметить, что спады региональной активности всех трех лидеров следует ожидать в конце 21-го века. Это все то, что по-крупному дает нам формальная экстраполяция на базе установленных ранее хронологических закономерностей.

УТОЧНЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ КАРТИНЫ

Теперь произведем учет влияния конфликтов и возможных катастрофических воздействий на социальную историю человечества в 21-м веке. Используя данные таблицы 3, можно прийти к выводу о наличии в 21-м веке двух характерных временных периодов, в которых ожидаются крупные конфликтные ситуации. Это примерно первая и последняя трети 21-го века. Следует учесть также всевозможные негативные природные воздействия, некоторые из которых могут быть приравнены к катастрофам.

Но не будем здесь рассматривать последствия случайных природных или антропопровоцированных катастроф, таких как, например,

космическая катастрофа, непреднамеренная ядерная война и т.п. Разрушительная "эффективность" этих явлений, как, впрочем, сам факт и точность определения времени их возникновения – вещи более чем неопределенные. Поэтому и говорить о корректном учете социологических последствий этих явлений не имеет большого смысла.

Но есть явления, очертания которых явственно проступают в дымке исторического будущего, которые могут привести к катастрофическим последствиям. К такого рода явлениям можно отнести катастрофы, связанные с природно-физическими процессами крупнейшего масштаба (к ним, в частности, относятся явления резкого изменения климата, например, липотронные катастрофы / 13 /), также явления экологического характера, которые в виде "цепной реакции" могут прокатиться по всей Земле. К такого рода явлениям следует причислить распространение эпидемий новых болезней, удары природы по сельскохозяйственным культурам, по поголовью скота и др. Многие из этих катастроф обязаны своим происхождением естественноисторической деятельности человека и направлены своим острием прежде всего против него самого.

Однако здесь надо отметить следующее. История наглядно нам демонстрирует, что какими бы мощными ни были катастрофические явления, например, эпидемия чумы или так называемый малый ледниковый период в средние века, социальная история не останавливается, она просто, как правило, несколько замедляется в подверженных катастрофическим воздействиям регионах, качественно нисколько не останавливаясь. Учитывая все вышеизложенное, следует деформировать предварительную аналитическую картину 21-го века. Эта деформация приводит к следующему уточненному футурологическому прогнозу, представленному на рис. 12.

До середины 21-го века человечество, по всей видимости, ожидает 1-я эпоха конфликтов, а также наступление эпохи негативных природных воздействий, близких к катастрофическим. Скорее всего в конфликты будут вовлечены все три лидера (США, Большой Восток, Европа), однако вовлечены не сразу. Вполне возможно, что на пожар войны прежде всего будет отправлен нелидирующий региональный объект – страны Среднего Востока. Они будут втянуты в конфликт, выгодный, разумеется, не им самим. Об этом уже говорилось выше. В дело включится мировой лидер ⁹ 1 – США – при определенном вмешательстве Европы. И уж затем в конфликт может ввязаться Большой Восток. Если объединенные силы США + Европа при "вассальности" России сумеют разрешить многие проблемы, в том числе преодолеть кризисы и катастрофы, то они окажутся победителями в этой мировой схватке. России при этом ничего особенно "не светит", ей, конечно, могут "обломиться" кое-какие куски, но куски самые-самые второстепенные. Далее наступит относительно мирный период "переваривания", нового переустройства мира и решения проблем компенсации негативных воздействий.

В работах целого ряда современных ученых (см., например, / 2 /) сроки наступления кризисных для человечества ситуаций называются в диапазоне ~2020 – 2070 годов. Прохождение определяющих регионов по максимумам различных циклов в середине 21-го века (см. рис. 11), негативные природные и иные воздействия, наступление нового срока выяснения межрегиональных отношений конфликтным способом (см. табл. 3) приведут к тому, что во второй половине 21-го века наступит и сильно проявится вторая эпоха конфликтов мирового уровня. Кто в ней окажется победителем?

Следуя логике предыдущих рассуждений – опять США. Однако такой вывод оказывается несколько преждевременным, и вот почему. Необходимо учесть качественно новые явления мирового уровня, возникшие на рубеже 20-го и 21-го веков, которые во всей своей красе предстанут в 21-м веке. То есть следует произвести еще одну корректировку данных рис. 12, а именно: необходимо учесть новые явления и тенденции для корректировки полученных выше экстраполяционных данных.

НОВОЕ В 21-М ВЕКЕ

Можно представить длинный список нового, что собирается подарить нам 21-й век. Постараемся выделить из него наиболее важное с социологической точки зрения:

1. Переход человечества к эпохе замкнутости. Замкнутость есть новое состояние человечества, характеризуемое целым набором признаков, в том числе огромным влиянием результатов человеческой деятельности в одном регионе Земного шара на другой регион, в наращивании, если так можно выразиться, международной-интернациональности, в практическом отсутствии зон релаксации от ударов цивилизационной деятельности. Теперь все влияет на все, все влияют на всех. Теперь цивилизационные шлаки одного региона являются общемировыми шлаками. Релаксировать безнаказанно на окружающем пространстве больше уже нельзя. Эпоха замкнутости накладывает много жестких условий на исторический процесс. Переход к эпохе замкнутости обоснованно подталкивает человечество к созданию общемировой иерархии государств, к попыткам построения систем мирового контроля и т.д.

2. Построение моноглобализма, то есть системы общемирового господства, во главе которой стоит какое-либо одно социальное образование. Стремлением создать нечто подобное изобилует история (Александр Македонский, Тамерлан, Наполеон, Гитлер и др.), но именно сегодня эта возможность может стать реальностью. В моноглобальной системе неизбежно создание довольно жесткой иерархии государств:

- А. Господствующее государство-лидер.
- Б. Сильные государства-союзники.
- В. Покорные, производящие потребительские ценности государства.
- Г. Сырьевые, слаборазвитые, полупокорные страны.

3. Существенно изменилась социальная структура общества. Сегодня в непосредственном производстве предметных материальных благ во многих странах мира занято не более 30% населения. Если положить, что в сфере управления находится ~ 10% населения, то мы имеем дело с целым морем (~ 60%) "освободившегося" населения. Из этого моря "непроизводителей предметных ценностей" могут быть сформированы огромные по численности социальные пласты, которые легко посылаются в любом направлении. Возникают предпосылки как для подавления производителей предметных ценностей, так и для надежного закабаления всех остальных "промежуточных" слоев общества, лишенных как средств собственного производства продуктов потребления – базиса независимого существования, так и реальной власти над распределением ценностей, захваченной верхами.

4. Сегодня совсем не производство определяет развитие общества, хотя производственные мощности достигли высочайшего уровня. Сегодня наука, технология, информация – вот те "три кита", на базе которых осуществляется основное повышение уровня относительного развития социальных организмов. При этом надо не забывать, что все это не панацея, не эликсир молодости, не дорога вхождения в "рай земной", а всего лишь очередные средства обеспечения власти верхов. Если общемировая башня моноглобализма будет построена, то надобности в более или менее гармоничном развитии этих "китов" вовсе не потребуются. При этом следует не забывать, что существуют и естественные барьеры ускоренному научно-техническому развитию. Период активной сознательной генерации научных ценностей высокого уровня образованным индивидуумом оказывается, как правило, не таким уж и большим (с возраста ~ 30 лет до ~ 45 лет, то есть ~ 15 лет). Все это объективно приводит к неизбежности широкого распространения специализации, а в перспективе – к замедлению темпов сгармонизированного научно-технического развития.

В свою очередь, это создает условия для еще более легкого закабаления чрезмерно "заспециализированных" специалистов. Поэтому научно-технических работников следует рассматривать пусть как и привилегированных, но все же не рабов современного капитализма. Проблема захвата реальной власти деятелями научно-технического прогресса вовсе не решена, она сегодня практически даже не ставится. Поэтому научно-техническое развитие нужно рассматривать прежде всего не как очередной спасительный "...изм", не как радикальное явление, порождающее новый активно-доминирующий социальный класс, а как одно из средств продолжения эксплуатации квалифицированных кадров. Что-то не наблюдается на гори-

зонте сильных политических объединений научно-технических работников – еще одно веское подтверждение последнему. Вот вам и вся “ноосфера”.

5. В современных условиях так называемая классовая борьба внутри государств не обостряется, а ослабляется. На арену мировой истории во всей своей красе выходит межгосударственная, межрегиональная борьба. Межрегиональное, межгосударственное социальное расслоение достигло ныне невиданных размеров / 2, 3 /. Хотя социальное неравенство, вообще говоря, является аксиомой-инвариантой любого социального организма, но сегодня оно превзошло все мыслимые и немыслимые рамки. Рядовой житель цивилизованной страны пользуется неизмеримо большими благами самого разнообразного рода (материальными, культурными и др.), чем рядовой житель рядовой страны. Идея “подтягивания отстающих” есть очередная иллюзия или пустые разговоры политиканов. Сегодняшнее общество можно рассматривать состоящим из 4-х основных конгломератов социальных групп – современных неоклассов:

- А. Действительные верхи.
- Б. Руководители различных уровней.
- В. Слуги самого различного рода.
- Г. Производители ценностей.

Такое деление сохранится и в ближайшем будущем. Также сохранится фундаментальная социальная эксплуатация, которая грубовато-кратко может быть выражена следующей формулой: “Богатство богатых держится на нишете масс”.

6. В особую фазу своего развития вступят национальные проблемы. Проблемы эти обречены на обострение. Перенос “центра тяжести” социальной борьбы на межрегиональный и межгосударственный уровень, наступление эпохи замкнутости, укрупнение государственных образований, демографические диспропорции планетарного масштаба, даже само наложение табу на серьезное рассмотрение расовых вопросов – все это и еще многое другое создает условия для мощного всплеска национальной энергии в самых различных частях Земного шара.

7. Взращенная современностью идея неприменения военной силы в полном объеме порождает как специфику широкого применения в наше время более “мирных” способов воздействия, так и использование технологий малых сил. К последней вполне можно причислить и войска быстрого реагирования, и “новое изобретение” – терроризм. Терроризм как суперлокализация боевых ударов сопротивления каким-либо порядкам со стороны ограниченных по численности и силе групп оппозиционеров становится заметным явлением. На сегодняшний день терроризм есть, пожалуй, одно из наиболее болезненных активных средств воздействия со стороны низов на сильных мира сего, вот почему он вызывает такое бурное неудовольствие власть имущих.

Кстати говоря, теперь становится вовсе не обязательно затевать полномасштабную войну с соперничающим социальным организмом. Для победы бывает достаточным, спровоцировав сильные проявления корпоративности в верхах государств-противников, прельстить их своими преимуществами, переориентировать средние слои, одурманить массы и после этого захватить реальную власть. При этом можно немножко и пострелять, используя компрадорские верхи (неплохо проверить их преданность), пострелять так, для острастки, чтобы "слишком понятливым неповадно было".

8. Современное цивилизованное общество можно охарактеризовать заметным смещением баланса "общинное – индивидуальное" в сторону индивидуального. Эта деформация камуфлируется целым букетом всевозможных псевдообщинных форм, например, имитацией привлечения личности к государственным делам путем "демократических" выборов или даже к интернациональной общинности. "Урапатриотизм" также является разновидностью псевдообщинности для люмпенизированной части общества. Из действительно общинного у личности остается слабенький фирменный интерес (то есть общинность уровня фирмы, в которой она работает) и все усиливающаяся семейственность довольно низкого, но организационно значимого уровня (вот еще одни корни мафиозности и корпоративности). Развивая индивидуализм и низовую семейную общинную форму в массах при одновременном затормаживании всех других, более высоких форм общинной жизни, современный неокapитализм весьма мудро способствует поддержанию своей стабильности. Сегодня главными стимулами и нравственно-психологическими установками цивилизованного человека являются: богатство, удовольствия, привилегированное положение, власть, личная свобода. Заметьте, в этом перечне нет ни одного однозначно общинного стимула.

9. Грядущее сырьевое и энергетическое голодание, как домоклов меч висящее над человечеством, даст возможность вырасти и отплодоносить многим указанным выше разрушительным явлениям. Именно благодаря "нехватки для всех" стала так модна ныне идея "золотого миллиарда".

10. К объективно слабым местам неокapитализма можно отнести следующее:

а) важной болевой точкой неокapитализма является принципиальная невозможность создания на его базе прогрессивного триумвирата: элитарная аристократия (нетеневая элита) – государственники – интеллектуалы-творцы. Только будущее с такой властью может быть признано здоровым будущим человечества;

б) устойчивый суперкрупносистемный организм, довлеющий над всем миром, возвести будет не так уж и просто. Этому мешают накопленные историей национальные, государственные, региональные, демографические, сырьевые, энергетические, научно-технические, экологические и еще многие другие проблемы;

в) расслоение человечества сразу по многим пластам бытия, в том числе в социальном плане, мягко говоря, совсем не способствует их мирному, нравственно обособанному, сознательно-радостно принимаемому объединению. Неокапитализм уже сегодня не является социальной системой, обеспечивающей взаимовыгодное общее развитие и личности, и общества. Развитие индивидуума становится мелкой разменной монетой. "Закон" достижения максимальной эффективности при усложнении социальной системы / 55 / не выполняется. Доминирует "закон" достижения максимальной личной выгоды (не пользы даже) при минимуме затрат со стороны личности. Идеология возможности подъема во властные слои любого, то есть самого посредственного человека при необходимости решения им сложнейших и важнейших задач, стоящих сегодня перед человечеством, есть идеология крайне вредная, совсем не отвечающая насущным требованиям современности;

г) идея частной собственности, так возносимая современным неокапитализмом, никак не увязывается со здоровым будущим;

д) но главное, коренное "противоречие" неокапитализма сегодня заключается даже не в разделении мира на самые различные части, оно, по сути, заключается в опоре на индивидуализм. Человечество в будущем должно будет сразу по целому ряду требований (эпохи замкнутости, необходимости развития позитивной науки и техники, решения сырьевых, экологических проблем и др.) базироваться на примате общинного. Крен в сторону индивидуализма – это теперь крен в антисистемность. Здесь следует отметить, что капитализм эту проблему разрешить не может в принципе, в этом его стратегическая слабость, которая постоянно будет давать свои плоды.

Итак, подводя итог столь довольно краткому анализу, следует сказать, что никакой идиллии в 21-м веке не будет. Комплекс природных негативных явлений вместе с явлениями относительного регионального роста при сохранении действия фундаментальных социальных закономерностей не позволит построить никакого "рая на Земле". История будет продолжаться, продолжаться во многом так, как это было предопределено процессами ушедшего совсем недавно от нас всех тысячелетия.

Итак, человечество идет семимильными шагами по пути возрастания общей цивилизационной неустойчивости.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ 21-ГО ВЕКА

С учетом всего вышеизложенного представленная на рис. 12 картина будущего вынуждена будет претерпеть некоторые изменения. Не следует, однако, думать, что все новое проявится мощно и незамедлительно в самом скором времени, то есть в течение ближайших 10 – 20 лет. Человечество не сумеет за столь короткий срок ни

накопить достаточной энергии для компенсации этого нового, ни организовать для серьезной реализации попыток такой компенсации, ни даже кардинально перестроить свое мироощущение адекватно требованиям времени. Энергетический и сырьевой кризисы еще не наступят, да и экологическая обстановка не настолько еще будет подведена к краю пропасти. Поэтому не имеет большого смысла говорить о существенной корректировке картины социальной истории, показанной на рис. 12, в ближайшие 10 – 20 лет. А это значит, что представленный на рис. 12 прогноз начала века может быть почти без изменения перенесен на уточненную картину будущего. Это также означает, что в грядущий 1-й период конфликтов победителями регионального масштаба вновь окажутся страны западного толка.

К этому времени максимумы больших и малых циклов этих стран еще не будут пройдены, что также является существенным довеском на "весах региональной судьбы" в сторону победы конгломерата европейских государств и США. После 1-го периода конфликтов эти регионы достигнут своего максимума относительного развития, причем США, вероятнее всего, достигнут своего максимального максимума большого цикла. При этом страны Среднеазиатского региона окажутся наиболее угнетаемыми. На фоне всего этого Россия, которая испытает скорее всего некоторый принудительный подъем в период ~ 2005 – 2010 годов, опять понизит свой уровень относительного развития.

Однако примерно к середине нового века картина, представленная на рис. 12, заметно сдеформируется. Новые факторы регионального и общемирового уровня войдут, как говорится, во вкус и обрушатся на человечество. При этом выживаемость населения слабодивилизованных или вовсе нецивилизованных стран может оказаться много большей, чем "изнеженного" населения стран западного толка. Несмотря на большие потери, они смогут вновь повысить свой уровень относительного развития к временам 2-й эпохи конфликтов. К тому же многие страны смогут, наконец, понять, кто же является их настоящим врагом. На этом фоне Россия опять сможет начать несколько оживать, ее природные запасы и просторы останутся аккумуляторами "здоровья" несмотря ни на что. Однако это оживление начнет подавляться странами западного толка, которые за счет "вассала" захотят поправить свое пошатнувшееся положение. В итоге ко временам 2-й эпохи конфликтов Россия опять окажется в аутсайдерах.

Стремящийся вверх неокапитализм, на вершине которого попытается воссесть теневая элита, окажется атакованным со всех сторон негативными для него силами. Среди этих сил окажутся такие, которые являются прямыми шлаками или порождениями самого неокапитализма. Крупнейшие удары последуют совсем не оттуда, откуда они наносились ранее, то есть не со стороны чисто социальных или

чисто военных противостояний. В значительной степени гигантская машина неокapитализма начнет буксовать из-за отсутствия легкой добычи всевозможного "горючего", из-за "подарков" окружающей среды, из-за необходимости разрешения огромной когорты накопленных проблем при нарастании эффектов сложности и замкнутости, из-за многолетнего выращивания универсального типа человека ("цивилизованного", внешне послушно-лояльного, но социально пассивного, изнеженно-непригодного для автономного природного существования, слабтворческого, виртуальноживущего, подверженного страхам, предрассудкам и суевериям, стадного и одновременно не-стадного гомopазоида), из-за затормаживания научно-технического прогресса, из-за почти смерти сдерживающе-возвышающих рамок ряда позитивных религий. Социальная пассивноподатливость окажется ловушкой истории, провоцирующей ослабление социальных организмов западного типа изнутри. Формальная свобода обернется "дичайшим" злом человечества. На этом фоне возможная тирания лишь продлит агонию, заставит пролить море слез, создаст прецеденты запоминающихся кровавых событий. Но проблем она не разрешит.

Если к этому подойти с формально-экономической точки зрения, то результаты окажутся аналогичными. Перед первой мировой войной США производили ~ 30% мировой продукции, после второй мировой войны они подошли к своему максимуму ~ 50%. В настоящее время они производят ~ 20% мировой продукции, причем "доля США неуклонно падает" / 59 /. И это при том, что США сегодня потребляют ~ 40% мировых ресурсов и "производят ~ 50% мусора" / 59 /.

Промышленные предприятия в последнее время стали "перетекать" из США в другие страны. Таким образом, США уже прошли пик своего производственного лидерства. Сегодня речь идет о "деиндустриализации Запада" / 59 /. Автономное существование США без сильнейшей "подпитки" извне теперь невозможно.

Итак, относительный упадок Запада прослеживается довольно четко. Вполне вероятно, что он произойдет во второй половине 21-го века.

ДВА НАЧАЛА СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА МИРА – ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ БОРЬБА

В рассматриваемый период истории скорее всего развернется, точнее, достигнет апогея грандиознейшая борьба человеческой истории, борьба двух начал социального устройства, борьба до боли интуитивно-знакомая, но практически досконально не описанная в каких-либо научных трактатах по социологии, философии или истории. Эта борьба протекала с незапамятных времен то разгораясь, то утихая, но именно в это время она может проявиться с максималь-

ной энергией. В этом плане 21-й век можно будет считать новым судьбоносным рубежом мировой истории.

Эта борьба есть борьба двух фундаментальных принципов существования.

Первый (назовем его условно западным) заключается в создании сильнейшего социального расслоения как внутри социальных организмов, так и между ними с целью образования вершинных слоев общества (идейный концентрированный образ – теньевая неконтролируемая никем элита), эксплуатирующих океаны порабощенных ими низов-рабов. Рабство во всех его разновидностях – вот критерий этого типа социальной организации. Захват, порабощение, эксплуатация, власть, использование сил порабощенных масс для нового захвата, натравливание соперников друг на друга, соблазнение верхов конкурирующих социальных организмов – таков дополнительный набор признаков этого стиля бытия. Развитая иерархия с созданием аппарата слуг для подавления низов и управления ими – вот еще один признак. Законотворчество и всеохватность (до крайних мелочей) юридических и иных регламентирующих норм в жизни “западноидов” / 1, 56 / – все это не случайно. Привилегированные боевые силы комплектуются из аппарата слуг (офицерство), а “пушечное мясо” – из низовых рабов или полурабов. Сие есть, если так можно выразиться, почти беззатратное (со стороны верхов, разумеется) хозяйствование – свои рабы в случае войн и восстаний уничтожают боевые силы противников или рабов. Погибнут эти рабы – наберут других.

Привилегированные слуги направляются на создание средств превосходства над противником, причем таких средств, которые обеспечивают неоспоримое, пусть медленно действующее, но существенное преимущество. Это позволяет сформировать суперударные силы, пусть меньшие числом, но более эффективные в бою. Примеров новинок западного боевого искусства более чем достаточно. Это и закованные в железо с ног до головы “псы-рыцари”, и массовое применение огнестрельного оружия. В дальнейшем это танки и самолеты, авианосцы и космические аппараты. Когда боевого превосходства добиться трудно, то таким оружием становятся деньги (например, золото в средние века, добытое в Новом Свете). Когда и золото оказывается “слабо”, то в бой вступают способы прельщения, покупки, одурманивания, террора и т.д.

В этом заключается колоссальная практическая мощь данного способа, позволившая охватить им многие народы мира. И так везде, во всех сферах жизни, а не только в военной. Просто военная сфера наиболее четко демонстрирует нам свойства этого стиля. Так что солдатчина, крепостное право, прямое рабство, “издержки” колонизации, переселение негров, недоступность, а теперь и закрытость истинных верхов и многое-многое другое – все это плоды данного способа.

Доведение социального расслоения общества до значительных размеров создает еще один эффект. Самый обыкновенный по способностям человек может по родовым, теневым или каким иным признакам оказаться наверху социальной власти и управлять намного более способными членами общества, чем он сам. Это еще один очень и очень заманчивый "стимул" данного способа бытия, способа, продлевающего жизнь посредственности в верхах общества. Многие говорят, к примеру, что корпоративно-родовые признаки есть архаизм. Это совсем не так – что за неразумная блажь. Родовые корпоративные признаки, помимо всего прочего, есть один из плодов сильнейшего социального расслоения, а сколько их еще!

Важнейшим критерием западного типа бытия является стремление верхов к наиболее полному собственному освобождению от всевозможных тягот существования. Верхам нужна свобода, чтобы консервировать самих себя сегодня, а также во многих поколениях, сохраняя при этом свой костяк и не допуская туда ненужных выскочек из "плебса". Это свойство присуще, вообще говоря, всем социальным организациям, но в "западном варианте" оно проявляется наиболее сильно (многовековое выращивание теневой элиты, создание тайных обществ, революционных потоков и др.). Наилучшей системой организации власти для такого освобождения, как это многим ни покажется странным, является так называемая демократия, которая и обеспечивает власть имущим максимальную свободу, маскируя ее среди низов всевозможными театрализованными процедурами. Сегодня этот демократический способ есть, по сути говоря, общественный способ обеспечения свободы верхам неокapитализма. Если поглубже копнуть историю, то более или менее реальная демократия никогда не была широкой, действительные демократические свободы никогда не охватывали большинство населения (см., например, / 60 /). Так что сегодняшняя демократия – это порождение нового времени.

Еще одним критерием является идея превосходства, в том числе превосходства имперско-государственного типа. То есть создание многонационального социального организма с фактически равноправными народами, с мирным и психологически здоровым сожителем их в единой семье, с хотя бы примерно пропорциональным выдвижением в реальную власть представителей этих народов относительно общей численности населения для этого общества, вообще говоря, нетипично.

Идеалами-стимулами для членов такого общества являются: 1) властная свобода, даваемая деньгами и связями, 2) индивидуальное наслаждение, 3) ощущение превосходства над эксплуатируемыми нигерасположенными членами общества.

Подводя итог описанию первого принципа социального бытия, можно кратко охарактеризовать его следующими ключевыми словосочетаниями: сильнейшее социальное расслоение, создание многоуровневой иерархии, рабство во всех его видах, эксплуатация в различ-

ных формах, внешняя экспансия-захват, использование прежде всего "чужих" сил для борьбы с собственными противниками; деньги – средство неовласти, возможности нахождения наверху очень "ординарных" личностей, идеология превосходства, в том числе технического, широкий арсенал "мягких" средств разрушения организмов-соперников, создание символов-носителей богатства, виртуализация многих сфер бытия; детальная проработка законодательных норм; так называемая демократия как наилучшая современная ширма "прикрытия" власти, трудноуживаемость национального равноправия.

Даже из простого перечисления всех этих признаков следует, что мощь этого стиля бытия в современном социальном мире – очень велика.

Второй принцип социального бытия (назовем его условно восточным, хотя не во всех восточных странах реализовывался комплекс этих признаков, не во всех он принимал здоровую форму) заключается в следующем. Организация общества уподобляется структуре сложного живого организма, имеющего свои уровни иерархии и соответствующие функционально различные части. Иерархичность и деление на социальные группы – обязательный признак во всех социальных организациях вообще.

Раз есть социальное разделение, есть и неравенство, есть и эксплуатация. Не надо идеализировать, это аксиомы существования любого общества. Как уже говорилось выше, неравенство в принципе не есть социальное зло, как принято нередко считать. Неправильно сформированное неравенство – вот истинное зло. А что такое правильно сформированное неравенство? Это такая иерархия, когда занимаемое каждой личностью положение пропорционально ее отдаче для общества, соответствует уровню создаваемой продукции, способностям, талантам и энергии личности. В такой пирамиде вверх уходят наиболее полезные, творческие, одаренные индивидуумы, способные на сложную работу, а еще выше – талантливые организаторы. Вот признак здоровой социальной пирамиды, вот признак здорового неравенства и справедливой эксплуатации низов. Вот при каких условиях может быть выращена подлинная аристократия, то есть дословно – лучшие люди общества. При такой системе организации власти создание теневой элиты и проникновение вверх выскочек, карьеристов, белоручек окажется затруднительным. В такого рода пирамиде иерархическое расслоение должно быть развито лишь в такой степени, в какой оно необходимо для данного исторического времени. Разумеется, все это будет наблюдаться до яркого проявления корпоративных свойств верхов, что, вообще говоря, является естественноисторической закономерностью. Ясно, что и по этой причине тоже такого типа социальные пирамиды должны встречаться не очень часто. Но они были в истории – это тоже факт.

В такой социальной системе внешний уничтожающий захват, жесткая эксплуатация, учреждение рабства, прямое паразитирование

верхов не то чтобы не могут существовать, но они уже не являются необходимыми и полезными. Если так можно выразиться, в такого рода обществах властвует идея утверждения порядка и оптимальной организации жизни, достижимая только при сильных верхах. Расширение границ подобного рода социальной системы есть не столько захват, сколько присоединение, распространение своего влияния, иногда даже взятие под свое крыло. Отсюда вытекает еще один критерий данного способа организации социальной жизни. Этот критерий – отсутствие идеологии превосходства, уважение к ценностям культуры соседних и вновь “вступивших в общество” социальных объектов.

В такой системе роль личностей, находящихся на вершинах власти, становится чрезвычайно высокой. Ни о какой широчайшей демократии, которая на вершину власти может вытолкнуть любого легко-весно-обещающего, среднemasсового человека (а широкая демократия никогда не выберет аристократа, большинство, то есть низы, выберут себе подобного), при этом и речи быть не может. Кстати, демократический вопрос хорошо разобран И.А. Ильиным / 61 /. Итак, нужны не выбираемые временщики, не псевдолидеры, за спиной которых будут царствовать чаще всего скрытые силы, а ответчики перед обществом и одновременно полновластные распорядители. Здесь нужны нравственно, интеллектуально и духовно много более высокие члены общества, чем “среднemasсовый обыватель”. Здесь нужен хозяин в хорошем значении этого слова.

Вот, кстати говоря, почему нередко так “бичуют” династическое самодержавие, связывая его с тоталитаризмом, тягостным гнетом, загниванием и тому подобными характеристиками: продолжающие жизнь идеи самодержавия мешают определенным силам спокойно править за спиной демократически избранных “народных представителей” – политических артистов своего дела. Данному стилю социального бытия для его здоровья нужно, с одной стороны, верховное династическое управление с аристократическим наполнением аппарата власти и наиболее важных сфер деятельности, а с другой стороны – мощный встречный поток активных народных сил, заполняющий средние и низовые ячейки общества. Вот хороший рецепт для таких систем. Верховное управление должно быть династическим, только тогда у вознесенного наверх человека устойчиво-объективно возникает стремление стать истинным хозяином, одновременно и требователем народа, и надежным защитником его интересов.

Совершенно очевидно, что базироваться такого рода системы могут только на сильно развитом общинном духе. Где этот дух ослабевает, там такого рода социальные организмы гибнут под напором внешних и внутренних разрушительных сил. Во всем этом прослеживается и сила и слабость таких организмов одновременно. Сила в том, что духовность здесь может быть доведена до больших высот, цементирующих в случае угрозы весь социальный организм. Слабость

в том, что высокий уровень общинности и духовности оказывается необходимым условием существования системы в принципе.

Из всего вышеизложенного проистекают такие главные признаки этого стиля, как: поиск справедливого социального устройства жизни, верховная династичность + аристократия + поток энергии снизу – это оптимальный “рецепт” государственного устройства, общинный дух и как адекватная ему мера – повышенная религиозность, власть ради утверждения порядка и организации жизни, относительная национальная терпимость, отсутствие доминирования идеи превосходства, расширение за счет присоединения, отсутствие жадности к откровенной эксплуатации, взимание дани или существование других форм отдачи части своего на общее дело (суть здесь одна), на государственные и общественные нужды, отсутствие отрыва от природы, доходящее даже до некоторой приземленности (что, однако, не противоречит полетам высокого духа – вот вам и раскрытие “загадок русской души”). В такого рода обществах нет необходимости в создании до тонкостей проработанного юридического права. В качестве системы общественной регуляции здесь должны преобладать религиозно-нравственные нормы и общинные установления. Вот почему различные “указы” здесь являются обычным явлением. Абсолютная официальная свобода отсутствует, она тут вредна. Присутствует общинная свобода, укрепляемая заслуживаемым уважением и одновременно ограничениями со стороны членов общины.

Из сопоставления основных характеристик двух принципиально различных способов социального устройства можно сделать вывод, что объективно 1-й тип, хотя он и имеет сегодня большую силу, в меньшей степени соответствует требованиям будущего. Однако из этого вовсе не следует, что он самостоятельно, что называется, по логике времени уступит место 2-му типу. Развитие социальной истории очень часто совсем не осуществляется по принципу “лучшего варианта”. Этот первый тип и существует потому, что, во-первых, он подготовлен всем ходом социального развития, а во-вторых, потому, что он сумел проявить многие свои преимущества в межрегиональной борьбе.

Преимущества его в следующем:

1. Не требуется высокой духовности, как для второго типа, единения населения; вообще говоря, почти не нужна никакая высокая духовность общинного свойства.

2. Обеспечивается большая свобода и меньшая нагрузка верхов, что заманчиво.

3. Рабство во всех его модификациях позволяет создавать повышенную устойчивость в метрополиях системы, является источником дохода и превосходства для многих слоев населения метрополии. Использование колоссальных объемов рабской или неорабской, “свободно нанятой” силы обеспечивает мощь данного типа социального устройства. Это может быть присуще любому основному принципу

экономической организации общества, любому "...изму": рабовладению, феодализму, капитализму, социализму и др.

4. Эксплуатация дает энергию для питания огромных аппаратов слуг и всевозможных "профи", которые волей-неволей начинают создавать средства технического и иного превосходства над другими социальными организациями.

5. Логическим завершением этого стиля является четкая цель – построение моноглобального мира с вершиной из теневой элиты. Дорога к ориентиру уже сама по себе является источником силы, тем более если носителем этой идеи являются верхи.

Итак, мощь этого стиля социального бытия очень велика.

При описании обоих стилей имела место, разумеется, существенная идеализация. Длительное "проживание" их на планете с неизбежностью порождало образование "смешанных" социальных организмов, размывала "чистоту" этих стилей в истории. Но проблема сути этих стилей, проблема их корней от этого нисколько не меняется.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Сегодня первый стиль социального бытия стал доминирующим. Но поставим вопрос: доколе так будет продолжаться, что может пошатнуть его победное шествие по планете?

Внутригосударственные подвижки чисто социального плана, то есть то, что ранее называлось классовой борьбой, – это теперь в лучшем случае мелкие укусы, только повышающие его живучесть. Деятели науки и техники – "белые воротнички", как показано было выше, ныне являются новым эксплуатируемым материалом неокapитализма, они ничего не смогут радикально сделать. Основной удар будет нанесен с другой, природной, стороны, подкрепленный эффектами замкнутости мира и другими эффектами, о которых говорилось выше. Отсутствие должного духовного единства в цивилизованном обществе говорит о внутренней непрочности системы, о неспособности населения идти на значительные сознательные жертвы. Такое отсутствие может в принципе компенсироваться только потоками энергии извне, то есть, попросту говоря, эксплуатацией внешних социальных объектов. Но эксплуатация на межрегиональном и межгосударственном уровне, а именно такая является необходимым условием построения моноглобализма, не может не сказаться на государственном и региональном стремлении освободиться от столь тесной "любви". К тому же перенос во "второй" и "третий" мир значительной части производственной базы может дать шанс многим государствам-оппозиционерам потеснить лидера в межрегиональной борьбе. А в региональном мире пустых мест "под солнцем" не бывает.

Свобода верхов, доходящая до создания социальной "нирваны", порождает гниение, фундаментальную некомпетентность и глобально-

мировую корпоративность (теперь можно ставить проблему корпоративности в мировом масштабе), что в целом приводит к "жуткому" несоответствию теневых верхов требованиям развития. Вполне возможно, что наверху сложатся кланы расово-генотипического свойства без проникновения туда действительно позитивных личностей. Идеи какого-либо превосходства, которые еще более будут выращены неокapитализмом, довольно быстро начнут встречать нравственное неприятие и откровенное сопротивление. Причем эта реакция со временем может быть обнаружена не только у рядовых членов мировой иерархии, но и у целого ряда государств довольно высокого ранга.

На фоне этих тенденций времена энергетической и сырьевой нехватки, времена жесточайшего обострения экологических, национальных, демографических и других проблем, протекающие одновременно с попыткой возведения мирового моноглобализма при возрастании эффектов "изнеженности" цивилизованных народов, объективно породят кризисные ситуации неокapитализма. И тогда распространившийся широчайшим образом индивидуализм окажется стратегическим могильщиком неокapиталистической формы социального бытия; защищать эти не адекватные времени формы индивидуалистически взращенные социальные элементы не захотят. Одно дело – пользоваться благами, совсем другое – защищать их. Принцип "подставления" наемно-рабской силы аутсайдеров мировой иерархии окажется слабо работающим при резком ухудшении условий жизни, в том числе и в странах-лидерах неокapитализма.

Искавление-затормаживание научно-технического прогресса, о котором говорилось выше, скорее всего не позволит изобрести и внедрить добротные спасительные мероприятия для стран неокapиталистического толка. Возможные же тирании только подольют масло в огонь изменений. Властные силы начнут "закручивать гайки", заставят быстрее вращаться государственный механизм. Однако многочисленные "шестеренки" этого механизма не захотят уже полноценно "крутиться". Чрезмерно усложненная Вавилонская башня неокapитализма / 1, 56 /, живущая по "потребительским" законам, начнет расшатываться. При этом даже малые по моши воздействия смогут оказаться сильно разрушающими. Виртуальные ценности "вдруг" потеряют свою значимость. Более здоровые регионы по закону неустанной региональной борьбы будут "тут как тут", они начнут набирать очки в мировой гонке. Региональная борьба сделает свое дело. Скрытые силы цементации неокapитализма (а такие есть) вступят с ними в борьбу, но вероятность их победы в новых условиях будет невелика – когда горит везде, каждый старается спасти свое собственное достояние.

В условиях общего ухудшения условий жизни многие потянутся за другими, более конкретными ценностями, потянутся в том числе и представители верхов. Это очень важно. Здесь заключен сильнейший корень крупнейшего социального перехода мирового уровня, корень,

который будет эквивалентен новой мировой революции. Стремление верхов к полному освобождению практически от всех тягот бытия окажется для них гибельным, оно вынужденно будет заменено стремлением остаться "на плаву" за счет оседлания новых социальных движений. Старый псевдodemократический обман рассеется, как туман, возникнут новые системы организации власти с четким выдвижением "конкретно-деловых" лидеров. Национализм ярко проявит свое лицо, он наглядно покажет, что неокapитализм не смог, да и не мог с ним справиться.

Следует также сказать, что как на микро-, так и на макросоциальном уровне неминуем переход от индивидуализма, абсолютной свободы и частной собственности к новым формам общности, к ограниченной свободе, к ликвидации безоглядного индивидуального. И здесь опыт "сильногогосударственных" социальных систем может оказаться наиболее полезным. Конкретные пути и методы решения мировых проблем пока неясны, их подскажет история. Здесь же важно то, что будут созданы объективные условия для такого глобального перехода, будут выращены силы для его осуществления.

РАЗРУШЕНИЕ МОНОГЛОБАЛИЗМА

Всего вышесказанного, по-видимому, вполне достаточно, чтобы представить себе хотя бы в общих чертах картину разрушения моноглобального неокapитализма. Вот этот-то процесс скорее всего и начнет осуществляться во время 2-й эпохи конфликтов (рациональной мысли совсем не хочется, чтобы все это затянулось на века истории).

Таким образом, прогнозируемая ранее историческая картина, представленная на рис. 12, требует своей деформации. Находящиеся уже не на подъеме США и Европа, по сути, сами спровоцируют 2-ю эпоху конфликтов. При этом США и Большой Восток, то есть главные силы того времени, скорее всего первыми перейдут к активным действиям. Не окажутся в стороне Россия со Среднеазиатским регионом. Ряд технических преимуществ стран западного толка еще на некоторое время создаст видимость их победы, однако эта победа окажется скорее всего эфемерной. На этом фоне произойдет гибель России в старом ее качестве – в качестве вассала неокapитализма. В России и во многих прилегающих к ней территориях произойдет глобальный переворот, который можно рассматривать как начало эпохи самостоятельного, то есть как минимум не искусственного, а жизненного возрождения. Определенные выше хронологические характеристики российской истории также свидетельствуют о возможности начала нового большого цикла как раз в этот период. При этом чрезвычайно важным станет багаж исторических взаимоотношений "Россия – Восток". К этому времени следует завершить конфликты "Россия – Средняя Азия" и предотвратить конфликты "Россия –

Большой Восток". И тогда, как только страны Большого Востока начнут одерживать верх над государствами западного толка, в России сможет осуществиться национальная революция (если, разумеется, сохранятся еще здоровые силы), приводящая к росту уровня ее относительного развития с высокой положительной производной.

Не следует, однако, думать, что США и страны европейского Запада будут разгромлены, как говорится, "в пух и прах". Нет, после определенной фазы поражения они выйдут на "полку" своего развития и, вполне возможно, на рубеже 21 – 22-го веков вновь начнут "набирать очки". Следует отметить, что данная эпоха спровоцирует скорее всего выход на арену истории еще одного сильного региона Земли. Им может оказаться Южная Америка, и районы Африки, и даже Австралия. Но не будем загадывать. То, что это произойдет и произойдет непременно, объясняется слишком радикальными изменениями планетарного масштаба, которые, как правило, всегда приводили к появлению новых региональных лиц. Почему же будет по-иному?

Итак, возникнет объективно-предсказуемая, планетарно-важнейшая, можно сказать, долгожданная победа Великого Континента над более предприимчивым, до поры до времени более удачливым, желающим опутать весь Земной шар своими эксплуататорскими связями, конгломератом стран западного толка. Стратегически именно эта дорога – объективно обоснованная дорога будущего, дорога, которой человечество пойдет, автор надеется, уже в 21-м веке. В этой победе основную роль будут играть страны Большого Востока, подкрепленные скорее всего землями России, Средней Азии и многими другими, не желающими установления "Нового" Мирового Порядка. Эта победа будет являться, по сути, победой второго типа социального бытия, о котором говорилось выше. Грандиозность и значимость ее трудно переоценить. Появится возможность на новых основаниях строить социальную организацию народов всего мира. Можно даже сказать, начнут сбываться предсказания ряда позитивных религиозных учений, причем сбываться в положительном, а не только в однозначно-негативном смысле (как, например, сегодня принято считать время Апокалипсиса).

Заглядывать в более далекие времена, то есть пытаться обрисовать черты далекого будущего, мы здесь не будем – это предмет отдельного рассмотрения. Хочется лишь сказать, что изменения грянут радикальнейшие во всех сферах бытия, покоя – не будет. Да, эпоха перехода ознаменуется временами, которые потомки назовут фундаментальнейшей вехой мировой истории.

В связи с составлением общего прогноза будущего нелишне немного остановиться на ближайшей судьбе России. Тут напрашиваются следующие выводы:

а) Россия как региональное образование входит в 21-й век в положении аутсайдера после грандиозного поражения в борьбе с

Западом. Это надо честно признать и не строить на этот счет никаких иллюзий;

б) ближайшей угрозой для народов России является втравливание их в борьбу на Востоке, то есть на юге России. Здесь полезно отметить один интересный момент. Мировая история до последнего времени показывала, что наиболее полезным для сильного социального организма регионального уровня является его широтное, а не меридианальное расширение. Примеров этому более чем достаточно: арабские захваты, завоевания Османской империи, европейское переселение в США, расширение Руси-России в Сибирь и др. Всему этому есть веские основания. Еще и поэтому стратегически бесперспективными собственно для России будут агрессивные ее действия в сторону юга и юго-востока. Не следует России ссориться со Среднеазиатским регионом, а тем более с государствами Большого Востока, не следует играть под дудку чужих интересов. Иначе она будет неизбежно ввязана в игру основной тройки региональных лидеров в качестве аутсайдера со всеми вытекающими для нее негативными последствиями;

в) надеяться сегодня на скорое самостоятельное возрождение России при наличии мощной тройки региональных лидеров – вещь ненадежная. Скорее всего пока будут происходить ее частичные возрождения для того, чтобы использовать силы России в общемировой региональной схватке. Лишь наличие у нее мощного ядерного оружия может со временем стать последним бастионом ее национального самосохранения;

г) действительное возрождение России как мощного регионального центра, возможно, будет скорее всего в результате ожидаемого поражения региональных центров Западного толка. Вероятнее всего, это произойдет во второй половине 21-го века. Вот когда нереализованные возможности Российского региона могут дать сильные всходы независимого и бурного развития. И только стратегический мир с Востоком будет тогда серьезным фундаментом этого развития. Объединение Большого Востока, России и Среднеазиатских социальных образований – есть объективная дорога будущего. Самая крупная единоконтинентальная часть планеты в единстве обретет, наконец, свое величие и могущество.

В самом конце автор хочет отметить вот еще что. Вполне возможно, что в своей книге он повторил или использовал чьи-то идеи и результаты исследований, не ссылаясь по ошибке или неведению на соответствующие источники информации, не ссылаясь на других авторов. В таком случае он приносит свои глубочайшие извинения. Ему хочется подчеркнуть, что он никак не претендует на первооткрывательство в чем бы то ни было, он претендует только на одно – истину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение автору хотелось в очень краткой форме сформулировать то, что, по его мнению, является наиболее важным в проделанной им работе:

1. Создана аналитическая история прошедшего тысячелетия, продиктованная насущной необходимостью дать оценку пройденного человечеством 1000-летнего пути, а также неистребимо-естественным желанием каждого человека заглянуть в будущее; эта история не носит привычного всем предвзято-описательного характера, она в концентрированном виде высвечивает ход основных процессов и с достоверностью демонстрирует сформированные этими процессами массивы мировых событий; при этом многие факты истории читатель видит в не совсем привычном для себя свете.

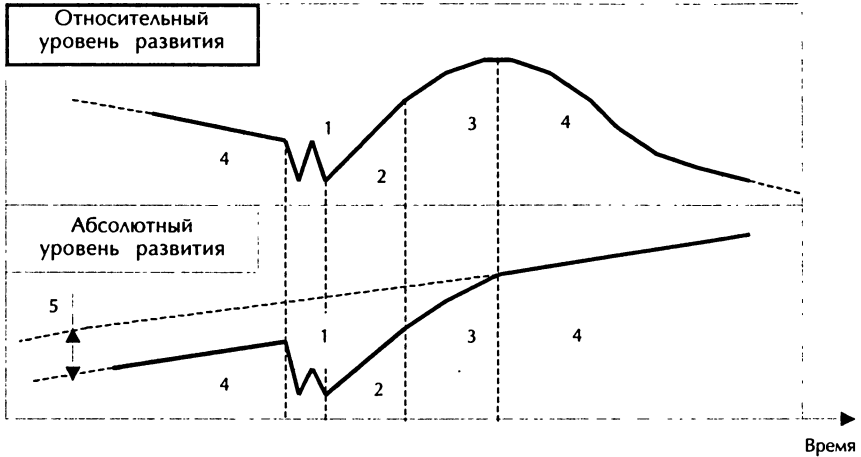
2. Выявлен ряд хронологических закономерностей, приближающихся по своей значимости к социальным законам; эти закономерности имеют большой запас прочности, они надежно проверены веками и слабо подвержены изменениям, в том числе изменениям, связанным с ожидаемыми катаклизмами крупнейшего масштаба.

3. Составлен региональный исторический прогноз на 21-й век, он начисто отмечает как всевозможные соображения о принципиальной непредсказуемости будущего, так и разнообразные представления о "поступательно-застолбленном" ходе мировой истории.

В целом можно сказать, что настоящая работа может послужить отправной точкой для формирования более реального взгляда на прошедшую и еще "ненаписанную" историю человечества. Во всяком случае, она является наглядным примером того, что открытые или еще не открытые нашими современниками фундаментальные социальные закономерности все равно пробьют себе дорогу во тьме непонимания, неверия или обмана людей. Эти закономерности сформируют подлинную летопись нашего века, которую человечество 22-го века (автор надеется, что таковое будет существовать) с высот своих свершений будет оценивать как более чем обоснованную историю, не имеющую никаких серьезных "случайно-непредсказуемых" результатов и вполне укладывающуюся в написанную наконец социальную теорию.

Рис. 1. ПРИМЕРЫ МАЛЫХ ЦИКЛОВ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

а) Идеальный корпоративный цикл без внешнего силового вмешательства (пример “нормально-классического” развития):

б) Циклы двух социальных организмов с силовым взаимодействием (пример консервирования собственной корпоративности объекта 1 за счет захвата и эксплуатации объекта 2):

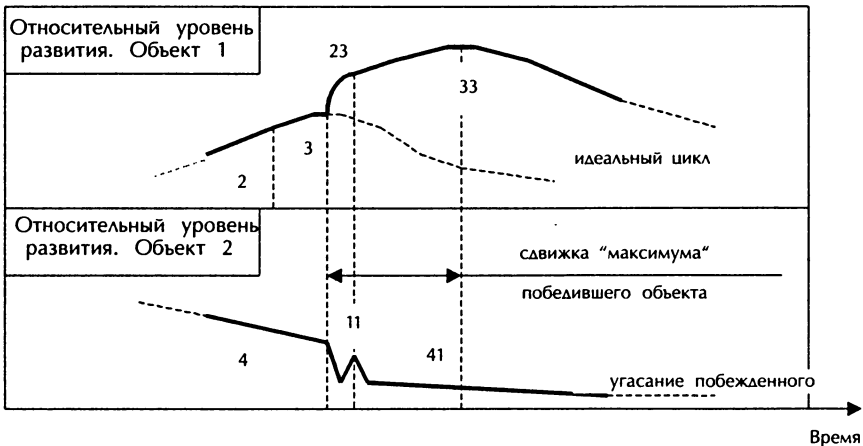
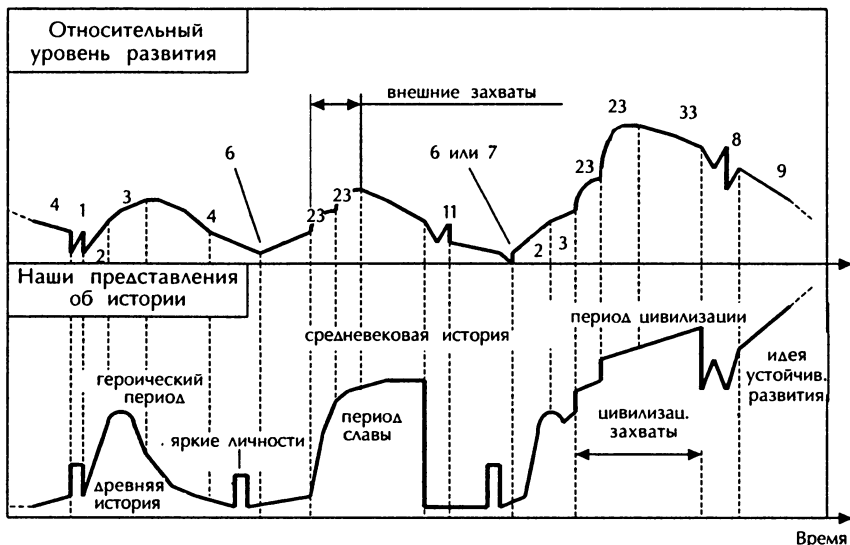

Рис. 2. ПРИМЕР РЕАЛЬНОГО ЦИКЛА ОДНОГО ДОВОЛЬНО "УДАЧЛИВОГО" СОЦИАЛЬНОГО ОБЪЕКТА В СОСЕДСТВЕ С ДРУГИМИ ОБЪЕКТАМИ В УСЛОВИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ РОСТА

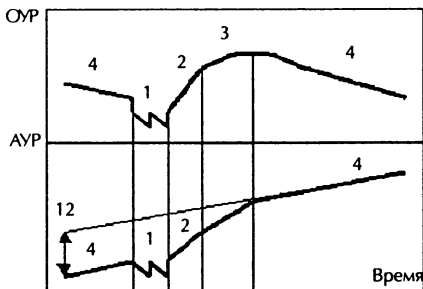

- 1 – период революционных изменений
- 2 – период строительства (время профессионалов)
- 3 – проявление корпоративных свойств
- 4 – корпоративное загнивание
- 5 – результат революционных изменений
- 6 – положительное воздействие нового фактора роста
- 7 – активное позитивное вмешательство соседа
- 8 – войны с соседями
- 9 – консервация с интенсивной внешней эксплуатацией вышестоящим объектом
- 11 – поражение в борьбе
- 23 – продление корпоративности за счет внешней победы и эксплуатации
- 33 – новая "затянувшаяся" корпоративность за счет внешней эксплуатации (консервирование корпоративности)
- 41 – поражение и эксплуатация соседом

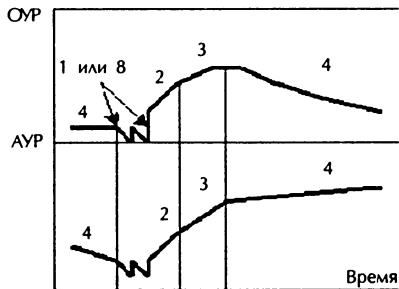

Рис. 4. МАЛЫЕ ЦИКЛЫ КОРПОРАТИВНОГО СВОЙСТВА

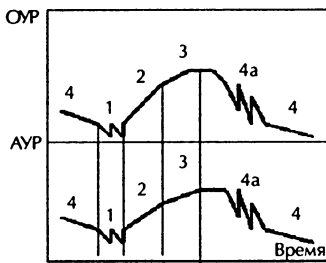
а) Идеальные корпоративные циклы (нет внешнего силового вмешательства)

1-й тип – нормально-классическое развитие

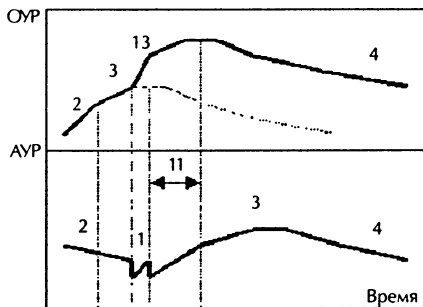

2-й тип – спасительное возрождение

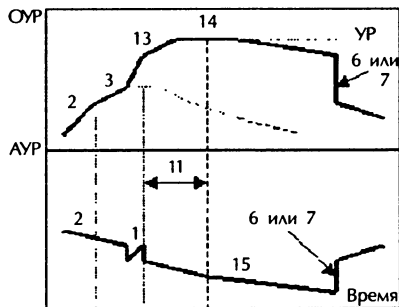

3-й тип – всплеск – упадок

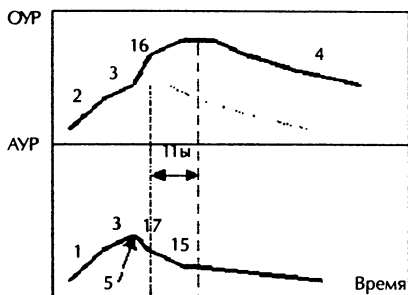
б) Циклы с сильными внешними вмешательствами (внешнее разрушение корпоративности)

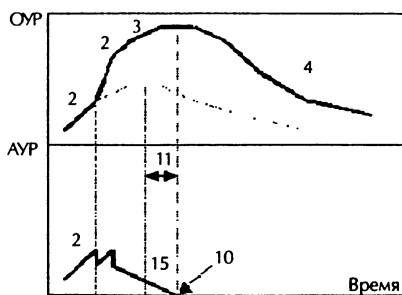
1-й тип – здоровое внешнее вмешательство в угасающий организм (присоединение, не захват)

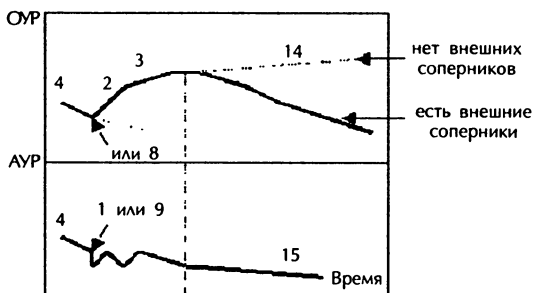
2-й тип – консервирование корпоративности объекта 1 за счет захвата и эксплуатации объекта 2

3-й тип – соревнование двух объектов, находящихся на подъеме с поражением одного из них

4-й тип – захват на подъеме с уничтожением на подъеме с поражением одного из побежденных

5-й тип – захват на спаде цикла за счет накопленных ранее преимуществ

- 1 – период революционных изменений
- 2 – период строительства (время профессионалов)
- 3 – проявления корпоративных свойств
- 4 – корпоративное загнивание
- 4а – грубая корпоративная внутренняя вражда
- 5 – "гибкое" вмешательство соседа (переманивание верхов)
- 6 – активное прямое внешнее вмешательство соседа (война; захват и т.п.)
- 7 – катастрофа или резкое изменение условий существования;
- 8 – положительное воздействие фактора роста
- 9 – отрицательное воздействие фактора роста

- 10 – национальная деградация, гибель народа
- 11 – смещение корпоративного максимума
- 12 – результат революционных изменений
- 13 – продление фазы корпоративности за счет внешней победы
- 14 – развитие с законсервированной корпоративностью за счет интенсивной внешней экспансии (современная модель устойчивого развития)
- 15 – захват и интенсивная эксплуатация
- 16 – победа в соревновании
- 17 – поражение в соревновании
- ОУР – относительный уровень развития
- АУР – абсолютный уровень развития

ХАРАКТЕРИСТИКИ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Таблица 1

№ п/п	Наименов. цикла	Начало цикла (годы)	Конец цикла (годы)	Время цикла (годы)	Время до 1-го макс.	Время до макс.	Кол. оценка	Качествен. оценка
1	1-я активизация Зап. Европы	1054 – 1096	1453	350 – 400 ~ 375	135	165	3	Не закончен, ответная реакция Востока
2	Морской и океанский Запад	1492 – 1529	1945	416 – 453 ~ 430	150	426	4	Почти завершен, моноглобализм – новая альтернатива
3	Византия	395	1204	809	155	600	2	Хронологическая неопределенность
4	Древн. Рим	341 г. до н.э.	476	817	~ 140	~350	3	Нет хронологич. точности
5	Америка – перенесенный Запад	1492	1929	437	282	–	4	Отсутствие помех, новая идея – моноглобализм
6	Османская империя	1261	1826	565	135	300	5	Завершенный цикл, продление корпоративности
7	Волго-Урал. регион – Русь	1149	1613	464	112	~280	4	Почти завершен, корпоративность + внешние вмешательства
8	Россия, трехоставная сущь	1613	1917	304	108	~290	3	Не вполне самостоятельный цикл, русские возрождения
9	СССР – (квазицикл ?)	1917 ?	1991?	74 ?	44 ?	~50 ?	1	Не вполне новый самостоятельный цикл, резкие внешние вмешательства

№ п/п	Наименов. цикла	Начало цикла (годы)	Конец цикла (годы)	Время цикла (годы)	Время до 1-го макс.	Время до макс.	Кол. оценка	Качествен. оценка
10	Россия + СССР составной цикл	1613	1991	380	178	~350	3 +	Трудная история, русский феномен
11	Незавершенные циклы: США – мировой лидер	1929	?~2230	?~300	62?~2070	–	–	Идея моноглобализма
12	Новая Европа – союзник США	1945	?~2250	?~300	46?~2085	–	–	Присоединение к моноглобализму
13	Постсоветская Россия	1991	–	–	–	–	–	Спад, подключение к Западу
14	Большой Восток	1904	?~1929	?~300	?~2040	–	–	Возрождение Азии
15	Тюркское возрождение	1958	?~1826	?~300	?~2100	–	–	Есть возможности
16	США, если отсчитывать от независимости	1776	?~2080	?~300	140	–	–	Мировой некапитализм

МАЛЫЕ ЦИКЛЫ КОРПОРАТИВНОГО СВОЙСТВА

№ п/п	Наименов. цикла	Начало цикла (годы)	Конец цикла (годы)	Время цикла (годы)	Время до 1-го макс.	Кол. оценка	Качествен. оценка
1	Древн. Рим, начало	341 г. до н. э.	71 г. до н. э.	270	~140	3	Невысокая достоверность, возможно, легендарность
2	Императорский период Рима	71 г. до н. э.	68	142	~90	3	Невысокая достоверность, возможно, легендарность

№ п/п	Наименов. цикла	Начало цикла (годы)	Конец цикла (годы)	Время цикла (годы)	Время до 1-го макс.	Кол. оценка	Качествен. оценка
3	Государственность и политиканство в Риме	69	476	407	~130	3	Невысокая достоверность, возможно, легендарность
4	"Старая" рабовладельчески-имперская Византия	395	~600	205	139	3	Невысокая достоверность
5	Славяно-византийский период, начало феодализма	~600	823	223	140	3	Невысокая достоверность
6	Феодализм, государственность, имперскость Византии	823	1204	380	177	3	Невысокая достоверность
7	1-я волна Запада	1054	1261	207	150	3	Реальный цикл с поражением в борьбе
8	2-я волна Запада	1266	1453	187	173	2	Не завершен, поражение + новая альтернатива
9	Океанская Европа	164	1807	167	123	4	Реальный, не завершен, сильная борьба
10	Капитализация Европы	1789	1945	156	129	4	Почти завершен, появление моноглобализма
11	Османское отражение 1-й атаки Европы	1261	1402	141	135	2	Резкий удар по циклу – Тимур
12	Османское отражение 2-й атаки Европы, величие и угасание	1405	1812	~400	121	5	Почти классический цикл с продлением корпоративности
13	Киевская Русь	879 – 912	1019 – 1054	~250	~140	3	Неточные данные, не вполне явный цикл

№ п/п	Наименов. цикла	Начало цикла (годы)	Конец цикла (годы)	Время цикла (годы)	Время до 1-го мах.	Кол. оценка	Качествен. оценка
14	Владимирская Русь	1149 – 1151	1237	87	87	1	Неявный цикл
15	Орда – Монголия	1237	1453	217	100	4	Реальный цикл
16	ВУР – Монголия – объединенный цикл	1157	1453	~300	~170	4	Классическая история дает иное толкование
17	Провизантийская полузападная Московия	1453	1613	160	100	4	Западное, византийское воздействие
18	Романовская Россия	1613	1762	149	108	4	Западное влияние
19	Голштейн-Готторпская династия	1762	1825	83	62	3	Сильные внешние воздействия
20	Трехглавая Российская империя: Никол. I – Никол. II	1825	1917	88	59	3	Сильные внешние воздействия, революции
21	СССР	1917	1991	74	44	2	Несамостоятельное зарождение, сильные внешние влияния, войны
22	Америка, захват – переселение	1492	1640	148	–	2	Нет мах., внешняя подпитка
23	США, этап интенсивного переселения, захвата и эксплуатации	1640	1776	138	–	4	Сильная внешняя подпитка
24	США, самостояние и капитализм	1776	1929	153	89	4	Независимость, эксплуатация и внешние вмешательства

№ п/п	Наименов. цикла	Начало цикла (годы)	Конец цикла (годы)	Время цикла (годы)	Время до 1-го макс. оценка	Кол. оценка	Качествен. оценка
Н А Ч А Т Ы Е И Н Е З А В Е Р Ш Е Н Ы Е Ц И К Л Ы							
25	США, этап построения мировой гегемонии	1945	?~2095	?~150	?~2045	-	Большие успехи, но много проблем
26	Постсоветская Россия	1991	?~2040	Неуд. Цикл? ~50	?~2040	-	Несамостоятельный цикл, порабощение победленного
27	Европа – квазисоюзница США	1945	?~2095	?~150	?~2045	-	Новая ориентация Европы
28	Средний Восток	1958	?~2110	?~150	?~2060	-	Сильное внешнее давление
29	Большой Восток	1949	?~2100	?~150	?~2050	-	Есть шансы на лидерство в мире

ДАнные НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТНЫХ ПЕРИОДОВ

КРУПНЫЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗМОВ, ПРОИЗОШЕДШИХ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА Таблица 3

№ п/п	Сред. время конф.	Конфликтные события, периоды борьбы	Время между конф.	Время конф.	Относит. мирные периоды
1	1525	1517–1536 – Лютеранство-Кальвинизм, 1524–1525 – Крестьян. война в Германии	-	-	-
2	1588	Европа, Османская имп., 1571 – Лепанто, 1588 – гибель испанской арм., 1562–1594 – гугенотские войны	1588 – 1525 63	1562 – 1594 32	1562 – 1525 37
3	1613	Европа, Русь, влияние европ. побед, Романовы	-	-	-

№ п/п	Сред. время конф.	Конфликтные события, периоды борьбы	Время между конф.	Время конф.	Относит. мирные периоды
4	1635	Европа, тридцатилетняя война 1618–1648, 1635 – начало победного 4-го фр.-швед. этапа войны	1635 – 1588 47	1618 – 1648 30	1618 – 1594 24
5	1666	Общая атака Европы на Азию, 1664 – сухоп. победа Европы, 1683 – победа под Веной	1666 – 1635 31	1664 – 1683 19	1664 – 1648 18
6	~1660	1666 – раскол на Руси, 1673–1675 – Пугачев, 1667–1676 – Соловки, 1654–1667 – война с Польшей, с турками – 1676–1681	1660 – 1613 47	1654 – 1681 27	1654 – 1613 41
7	1709	Европа, Швеция, Россия, турки, Петр I, 1709 – Полтавская битва, Северная война 1700–1721	1660 – 1709 49	1700 – 1721 21	1700 – 1681 19
8	~1760	Европа, Россия, Осман. имп., Семилетняя война 1756–1763, эпоха русско-тур. войн 1735–1791	1760 – 1709 51	1756 – 1791 45	1756 – 1721 35
9	~1805	Европа, Россия, Осман.имп., период непрерывн. войн 1796–1815, 1805 – Аустерлици	1805 – 1760 45	1796 – 1815 19	1763 – 1796 33
10	~1861	Европа, Россия, Осман. имп., Америка, Крымская война 1854, Фр.-Прусск. война 1871, гражд. война в Америке 1861–1865	1861 – 1805 56	1854 – 1871 17	1854 – 1815 39
11	1916	Первая мировая война 1914–1918, гражд. война в России, война с Польшей 1920	1916 – 1861 55	1914 – 1920 6	1914 – 1871 43
12	1943	Вторая мировая война, воюют почти все 1939–1945	1943 – 1916 27	1939 – 1945 6	1920 – 1939 19
13	1991	Распад СССР, смерть Брежневa – 1985, 1993 – расстрел Белого дома в Москве	1991 – 1943 48	1939 – 1945 8	1985 – 1945 40
14	Сред. значения	–	~45 (+15, –15) лет, ~2 покол.	медл. падение от ~30 до ~7л	20 – 40 лет ~1 – 2 поколения

Рис. 5. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ЦИКЛОВ

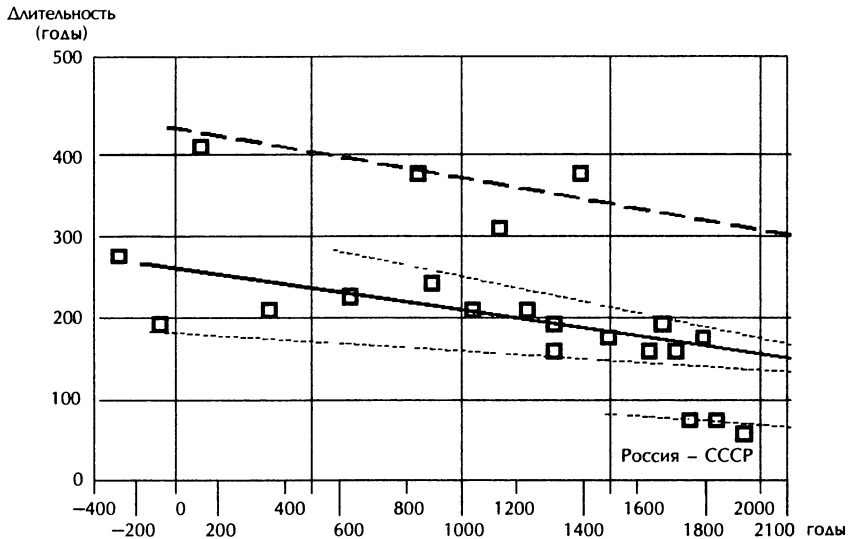
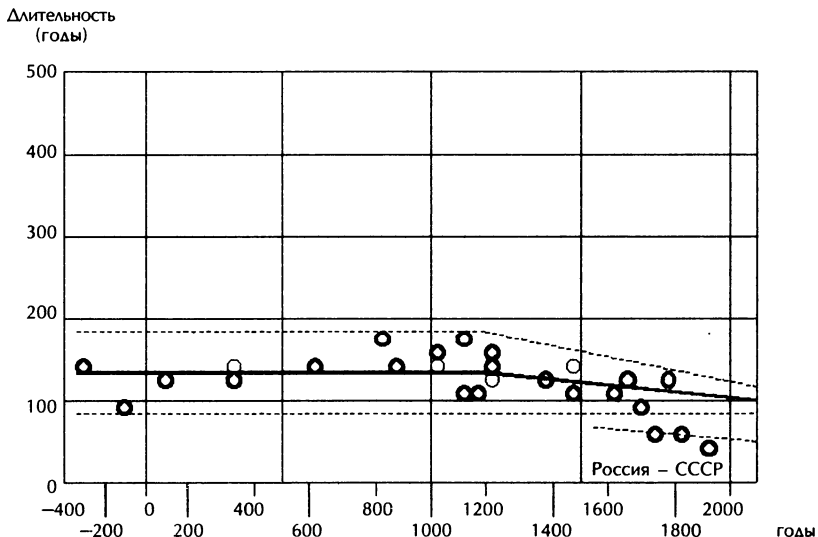
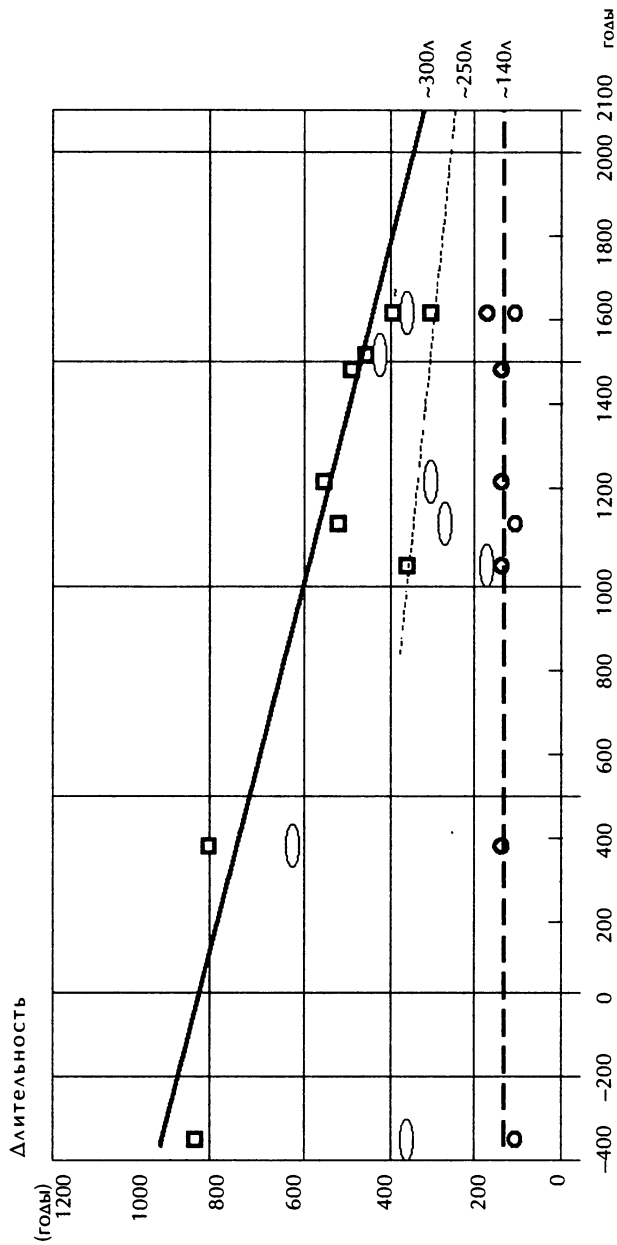

Рис. 6. ВРЕМЯ НАСТУПЛЕНИЯ МАКСИМУМА МАЛОГО ЦИКЛА

□ – длительность цикла; ● – время от начала цикла до первого максимума;
○ – время от начала большого цикла до первого максимума

Рис. 7. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ

□ – ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ЦИКЛА; ● – время от начала цикла до первого максимума; ○ – время от начала большого цикла до максимального максимума

Рис. 8. ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНФЛИКТНЫХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ

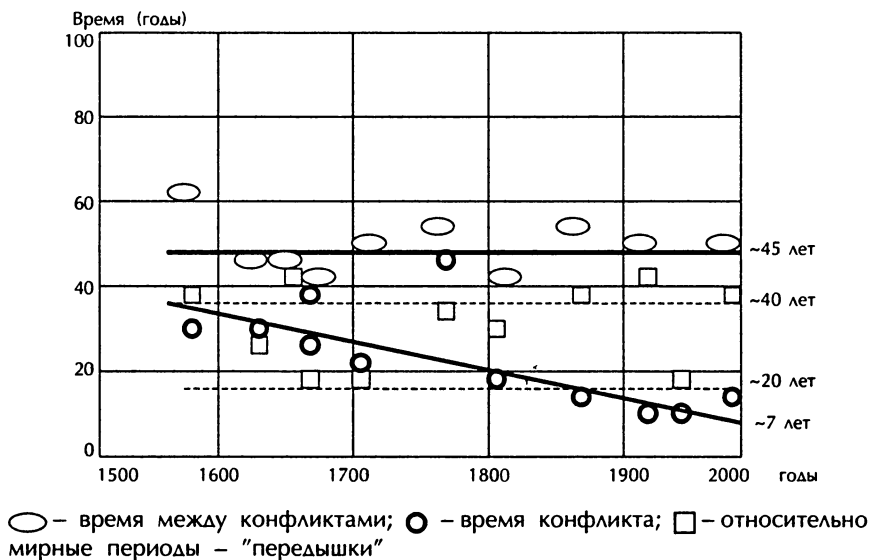

Рис. 9. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Рис. 10. ИСТОРИЯ РЯДА РЕГИОНОВ ДВУХ ПРОШЕДШИХ ВЕКОВ

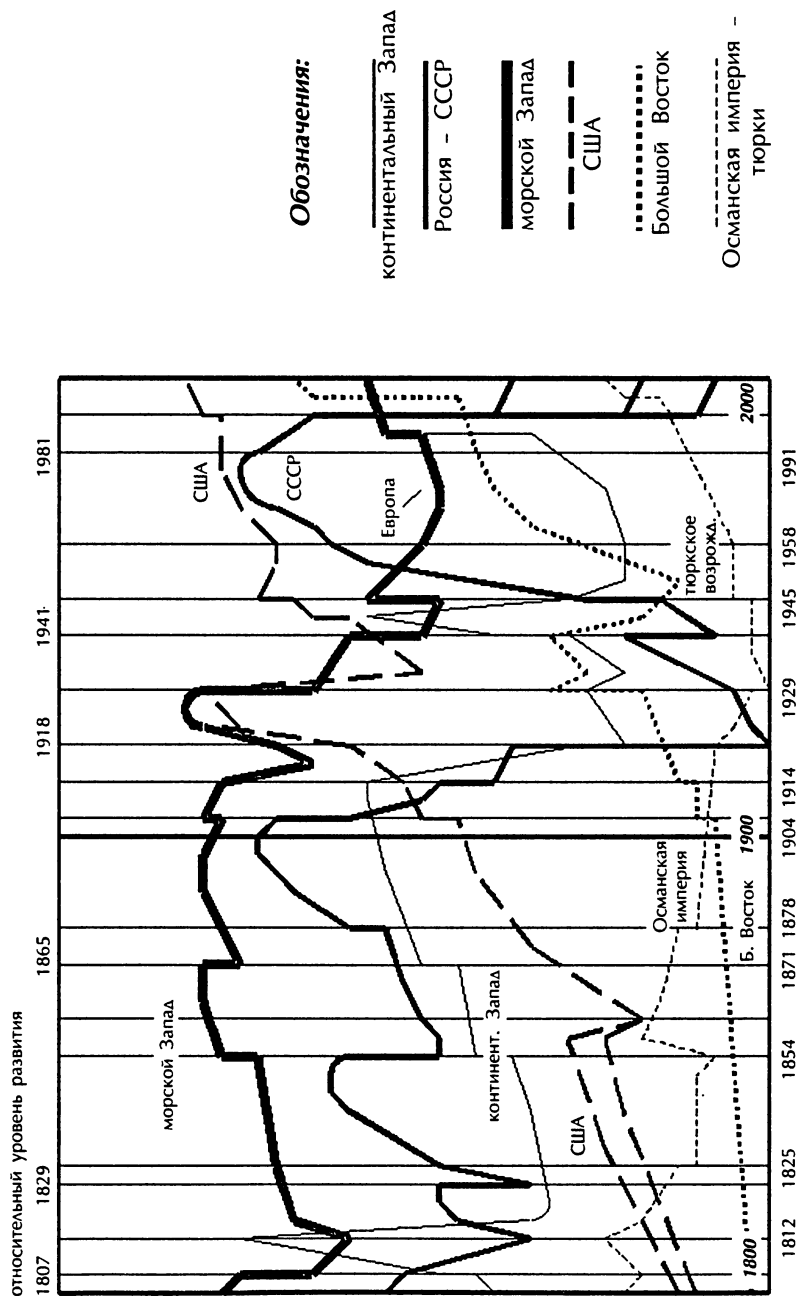
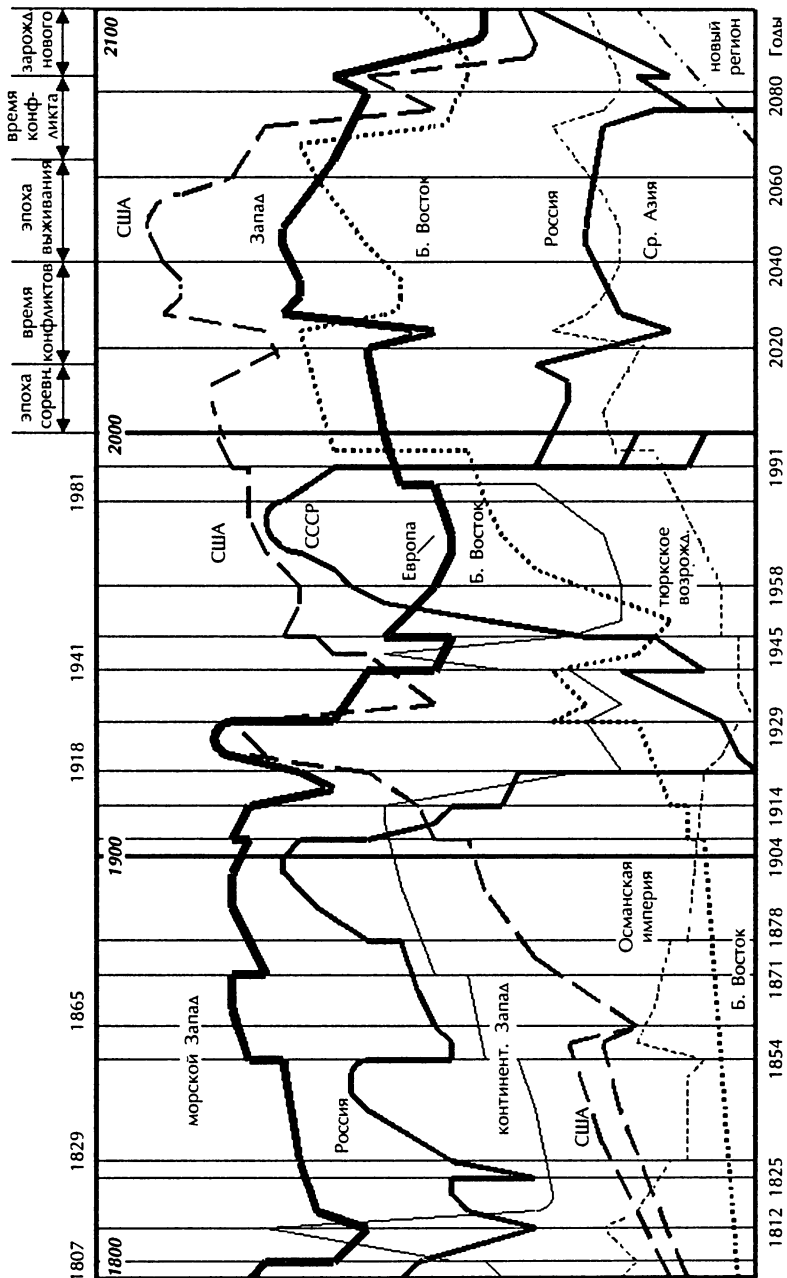

Рис. 13. НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНАЯ КАРТИНА БУДУЩЕГО

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

1. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000.
2. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм.: 2000.
3. Реформы в России с позиций концепции устойчивого развития: Труды научн. конф. (М.: Парламентский центр, 15.10.94 г.), Новосибирск, 1995.
4. Освоение аэрокосмического пространства: прошлое, настоящее, будущее: Избр. труды 10-го Моск. междунар. симпозиума по истории авиации и космонавтики. – М.: Междунар. академия астронавтики РАН РКА, 20 – 27 июня 1995.
5. *Мартинус.* Превыше страха смерти. – М.: Яхтсмен, 1995.
6. *Морозов С.* Заговор против народов России. – М.: Алгоритм, 1999.
7. *Капитонов Э.А.* Социология 20-го века. – Ростов/н/Д.: Феникс, 1996.
8. Религия в истории и культуре / Под ред. М. Писманика. – М.: Культура и спорт, изд. объединение "ЮНИТИ", 1998.
9. *Франк С.Л.* Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея. – М.: Республика, 1992.
10. *Кандыба В.М.* Тайны земли русской. – СПб.: Невский проспект, 1998.
11. *Валянский С.И., Калужный Д.В.* Тьма горьких истин... Русь. – М.: Крафт+Леан, 1998.
12. *Носовский В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси. – М.: Факториал, 1998.
13. *Кандыба В.М.* Великие тайны мира. – СПб.: Невский проспект, 1996.
14. *Дубровина Т., Ласкарева Е.* Заратустра. – М.: Олимп ООО, Фирма "Издательство АСТ", 1999.
15. *Носовский В., Фоменко А.Т.* Империя. – М.: Факториал, 1996.
16. *Агеева Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. – М.: АН СССР, Наука, 1990.
17. Гиперборейская вера русов: Сборник. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
18. *Фоменко А.Т.* Критика традиционной хронологии античности и средневековья (какой сейчас век?). – М.: МГУ, 1993.
19. *Сухарев В.А., Сухарев М.В.* Психология народов и наций: Украина. – Донецк: Сталкер, 1997.
20. *Свеницкая И.С.* Тайные писания первых христиан. – М.: Полит. лит-ра, 1981.
21. *Носовский В., Фоменко А.Т.* Библиейская Русь. Русско-Ордынская история и Библия. Новая математическая хронология древности. Избранные главы. – М.: Факториал, 1999.
22. *Кравелев И.А.* Раскопки в "библейских странах". – М.: Советская Россия, 1965.

23. *Жак Ле Гофф*. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс-Академия, 1999.
24. Религии в истории народов мира. – М.: Политическая литература, 1986.
25. Тора (Пятикнижие Моисеево) / Под ред. Брановера. – Иерусалим: М.: Шамир, Арт-Бизнес-Центр, 1993.
26. *Лорд Кинросс*. Расцвет и упадок Османской империи. – М.: Крон-пресс, 1999.
27. *Бушков А.* Россия, которой не было: Загадки, версии, гипотезы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.
28. *Митрополит С-Петербургский и Ладужский Иоанн*. Русская симфония. – СПб.: Царское дело, 1998.
29. *Зимин А.* Витязь на распутье: Отрывок // Родина. 1990. ^о 8.
30. *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале 17-го века: Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1994.
31. *Алексеев Е.В.* Престол России. Издание русской консервативной мысли // Золотой лев. ^о 7 – 8. М.: 1999.
32. *Клизовский А.* Правда о масонстве. – Рига: Виеда, 1990.
33. *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. – М.: ТЕРРА, 1990.
34. *Замойский Лоллий*. За фасадом масонского храма. – М.: Полит. лит-ра, 1990.
35. *Балашов Б.* История русского масонства. – М.: Русло-Община, 1992.
36. *Платонов О.* Тайные общества. – М.: Родник, 1995.
37. *Дарол Аркон*. Тайные общества. – М.: Крон-пресс, 1998.
38. *Соколов О.* Капитан N // Родина. 1992. ^о 6 – 7.
39. *Церолунго Д.* Капитан N // Родина. 1992. ^о 6 – 7.
40. Круглый стол: Вероломство по плану. Чья победа? Лица или маски? // Родина. 1992. С. 36.
41. *Яковлев Н.* 1 августа 1914. – М.: Москвитянин, 1993.
42. *Назаров М.* Тайна России. Историческая философия 20-го века. – М.: Русская идея, 1999.
43. *Шафаревич И.Р.* В эпоху самиздата: Сочинения, т. 2. – М.: Феникс, 1994.
44. *Шамбаров В.* Белогвардейщина. – М.: Алгоритм, 1999.
45. *Деникин И.А., фон Лампе А.А.* Трагедия Белой Армии. – М.: Студия "ТРИТЭ" – "Российский Архив", 1991.
46. *Грабарь И.* Письма. 1917 – 1941 гг. – М.: Наука, 1997.
47. *Жуков Ю.Н.* Операция "Эрмитаж": Опыт историко-архивного исследования. – М.: Москвитянин, 1993.
48. *Соловьев Е.* Ротшильды, династия миллионеров. – М.: Соратник, 1994.
49. *Платонов О.* Терновый венец России: История масонства 1731 – 1995 гг. – М.: Родник, 1995.
50. Генетика и наследственность: Сб. статей / Под ред. С. Васецкого. – М.: Мир, 1987.
51. *Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. – М.: Экспрос, 1993.
52. Большая советская энциклопедия / Под ред. Б.А. Введенского. – 2-е изд. – М., 1957.
53. *Сегень А.* Станет ли единая Германия угрожать соседям // Родина. 1990. ^о 82. С. 42, изд. "Советская Россия".

54. Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. – М.: Военное изд-во, 1991. – Книга 2.
55. Моисеев Н. Экология человека глазами математика. – М.: Молодая гвардия, 1988.
56. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М.: Центрполиграф, 1994.
57. Кваша Г., Лапкин В., Пантин В. Ритмы истории // Наука и религия. 1991. № 1.
58. Астрономия против "новой хронологии". – М.: Русская панорама, 2001. – (Серия "Антифоменко").
59. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М.: Крымский мост–9Д-Форум", 2001.
60. Боннар Андре. Греческая цивилизация. – М.: Искусство, 1992.
61. Ильин И.А. О грядущей России: Избр. статьи. – Казань: Лиана, 1993.

Владимир Николаевич Шутов

Основная профессиональная деятельность напрямую связана с созданием перспективных изделий космической техники. Он является автором более 30 изобретений. Его разработки в этой области находят практическое применение.

Проблемами истории, социологии, религии и искусства он интересуется давно. Являясь двоюродным племянником ныне покойного митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, из семьи он вынес не поверхностный интерес к жизни православной церкви. Религиозным служителем он не стал, однако продолжает заниматься живописью, прежде всего, иконописью, пишет стихи.

Приведенные в книге выводы, посвященные как осмыслению истории, установлению исторических закономерностей, так и составлению социологического прогноза на 21 век, кажутся интересными и полезными. Первичным толчком к написанию данной книги явились события, произошедшие в России в конце прошлого века. Почему и как происходит разрушение мощных социальных организмов, гибель империй мирового уровня? Что за переход совершила Россия на рубеже тысячелетий, какая ей далее уготована судьба? Какие закономерности существуют в истории? Где уверенный прогноз будущего?

Книга "21 век: что нас ждет? Историческая футурология" публикуется впервые и является третьей работой автора в области социологии.

Книга интересна как специалистам, так и читателям, интересующимся вопросами футурологии.

ISBN 5-94837-017-8

9 785948 370170